

18+

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКИН

БОЛЬШОЙ КРУГ ЖИЗНИ

Анатолий Головкин

Большой круг жизни

«Издательские решения»

Головкин А.

Большой круг жизни / А. Головкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693889-2

Автобиографическая повесть «Большой круг жизни» охватывает период жизни автора с его детских лет и до преклонного возраста, в условиях перехода страны из второго в третье тысячелетие. Автор, являясь свидетелем и участником событий переходного времени, устами очевидца повествует о драматических изменениях, происходивших в России и Тверской области при смене политического и социального строя на переломе веков и тысячелетий.

ISBN 978-5-00-693889-2

© Головкин А.

© Издательские решения

Содержание

Анатолий Головкин	6
Большой круг жизни	7
Введение	8
Глава I. Из карельского рода	11
Из воспоминаний моей матери	11
Немой	13
Познание жизни	17
Деревенское детство	23
Памятные рассказы	28
Учеба в школе	31
Глава II. Мы – дети природы	36
Наши детские заботы	36
Одежда деревенских мальчишек	40
Летний день в деревне	42
Гроза	48
Забавы деревенского мальчика	50
Первая влюбленность	54
Глава III. Любовь и семья	57
Учеба в техникуме	57
В поисках любви	63
Пришла любовь	68
Преодоление	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Большой круг жизни

Анатолий Головкин

© Анатолий Головкин, 2026

ISBN 978-5-0069-3889-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатолий Головкин

Большой круг жизни

Автобиографическая повесть «Большой круг жизни» охватывает период жизни автора с его детских лет и до преклонного возраста, в условиях перехода страны из второго в третье тысячелетие. Автор, являясь свидетелем и участником событий переходного времени, устами очевидца повествует о драматических изменениях, происходивших в России и Тверской области при смене политического и социального строя на переломе веков и тысячелетий. Это повесть о том, как любовь помогает в жизни человеку преодолевать любые неурядицы и невзгоды.

Любимой жене, Зинаиде Ивановне, посвящаю эту книгу.

Введение

*«Мной желание овладело,
мне на ум явилась дума:
дать начало песнопенью».
(«Калевала», песнь 1, стр. 17)*

По утверждению китайского мудреца Конфуция, мужчине дается пройти «большой круг жизни» в 72 года, для совершения предназначенных ему дел – создания семьи, оставления наследников и наследства, решения общепольных проблем. Тому, кто по-прежнему остается нужным для общества после этого срока, даруется еще и «малый круг» в 12 лет, во время которого мужчина может сделать еще что-то полезного сверх своей меры. У каждого человека свой срок жизни, великие люди и в свой короткий срок смогли совершить многое и оставить память о себе на долгие годы.

Задумываясь об этом, я пытался пройти в своей жизни хотя бы «большой круг», и за это время сделать что-нибудь полезного для семьи, своего народа, государства, общества и окружения. Окружение судит о человеке не по словам, а по поступкам и действиям. Добрых, часто прорывных, поступков и дел в своей жизни я совершил немало.

Можно выделить 12 основных этапов моей жизни:

1. Уличное детство
2. Учеба в школе
3. Учеба в техникуме
4. Служба на флоте
5. Работа в школе
6. Служба в прокуратуре
7. Работа в школе
8. Законодательное Собрание
9. Администрация области
10. Администрация г. Твери
11. Администрация области
12. На пенсии

Моя судьба, на начальном этапе жизненного пути, типична для многих деревенских юношей послевоенного времени: школа, служба в армии, создание семьи и уход из деревни в город. Но после службы в армии у каждого юноши нашего поколения начиналась своя судьба, хотя первоначальная основа для нее у всех нас была одинакова.

В моей жизни было много неожиданных поворотов судьбы и смены профессий. После учебы и службы в Военно-Морском флоте я одиннадцать лет отработал в школе, сначала учителем Карело-Кошевской школы Сонковского района Калининской (Тверской) области, а во второй туда приход – директором школы №1 города Конаково. Отслужил двенадцать лет в органах прокуратуры Калининской (Тверской) области помощником районного прокурора, следовательно, прокурором района, имею чин «младшего советника юстиции».

Потом пятнадцать лет находился на государственной службе, сначала депутатом Законодательного собрания, а затем – в исполнительных органах государственной власти Тверской области. Где бы я ни жил и работал, хотел оставить добрую память о своих делах. Везде старался работать ответственно, не жалея здоровья, времени и сил, внедряя что-то новое и достигая неплохих результатов.

Постепенно воспитал в себе чувство ответственности за работу и за семью. Это чувство до сих пор держит меня в каком-то непонятном постоянном напряжении. Любая работа меня захватывала, я отдавался ей полностью, она меня радовала. В душе не было пустоты ни на работе, ни дома, я постоянно был чем-то занят, не говоря о том, что мысли в голове просто роились, перескакивая одна на другую.

Судьба мне приготовила много подарков, встреч с интересными людьми, преподнесла разные неожиданности. Я прошел разные уровни человеческого общения, в начале пути приходилось глядеть в глаза и разговаривать с убийцами и насильниками, а позднее – с послами, учеными и руководителями страны. Половину своей жизни я прожил в Советском Союзе при социализме, вторую половину – в Российской Федерации при капитализме. Поработал в структурах законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, участвовал во многих новых начинаниях. Видел частичку государственного управления и жизни простых людей в других странах: Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Финляндии и Эстонии.

Но мне за свою жизнь так и не суждено было понять, почему люди могут легко порвать связь со своей родиной, не задумываясь, навсегда уехать жить в Америку, Англию или на Ближний Восток, где нет ничего нашего, отечественного. Приехав в Крым, я уже через два месяца начинаю тосковать по своей деревне, которой уже нет, по речкам, тропинкам, ельнику, в котором не был больше 25 лет, по окрестным умершим карельским деревням.

С 2011 года, уже после выхода на пенсию, понемногу начал писать книгу о себе, своем жизненном пути, под названием «Большой круг жизни», в 2012 году издал часть этой книги – «Откровения отставного чиновника». Целью книги является последовательное повествование о своей жизни, о творчестве, о встречах, которые запомнились, размышлениях о ситуации в стране. Как любой человек, я прожил обычную жизнь, которую попытался осветить и осмыслить в этой книге.

Основной материал книги закончил писать в 2014 году, тогда мне исполнилось 65 лет, до окончания «большого круга жизни» оставалось 7 лет. Постепенно дополнял книгу новыми материалами и фактами, о которых постепенно вспоминал или находил их в своих рабочих записях. Конечно, много моментов из жизни опущено, всего не вспомнить и не рассказать, а вот каких-либо приукрашиваний фактов в книге нет. Сожалею, что записи я начал активно вести лишь с 1994 года, когда стал депутатом Законодательного собрания Тверской области, а прежние редкие записи к тому времени не сберег.

Теперь, думаю, настало время, чтобы издать полностью эту, возможно последнюю мою книгу, посвященную своей жизни и работе. Я хотел, чтобы книга получилась красивой, так как я прожил полноценную красивую жизнь, встречался, и меня окружали, в большинстве своем, красивые люди и очень красивая природа. Ведь книги писателя – это отсветы его души и его жизни.

Эта книга посвящена большой и светлой любви мужчины и женщины, созданию семьи, поддержке друг друга в сложных жизненных ситуациях на протяжении многих лет. Это повесть о том, как любовь помогает в жизни преодолевать любые неурядицы и невзгоды, о необходимости развития института семьи в современном мире с целью укрепления государства.

Чтобы в этой книге рассказать обо всех сторонах нашей жизни и работы, мне пришлось в нежные человеческие отношения между мужчиной и женщиной добавить немного грязи деловых и общественных отношений, которая всегда есть в обществе политиков и чиновников. Показать, как легко может человек опуститься в своей жизни, и как тяжело постоянно совершенствоваться. Хорошо, когда это совершенство уже заложено в семье и дальше может только развиваться, независимо от статуса человека.

Написанная книга, перед ее изданием, должна отлежаться некоторое время – полгода, год, два, три, чтобы возвращаться к ней снова и решать – нужно ли ее печатать или нужно

еще доработать. А вот книга «Большой круг жизни» ждала своего часа очень долго, более 7 лет, в результате неоднократных правок и редактирования ей это пошло на пользу.

Почему я здесь пишу о себе? Лучше американского писателя Генри Дэвида Торо, США (1817—1862 годы) ничего не скажешь: *«Я не говорил бы так много о себе, если бы знал кого-нибудь так хорошо, как себя».*

Автор книги, как человек субъективный по своей природе, не может быть беспристрастным в своем повествовании. Интерпретация событий всегда неизбежна, так как их оценивает конкретный человек, исходя из своих взглядов, опыта, душевного состояния и других факторов. Я написал эту книгу потому, что в жизни действуют жесткие законы диалектики: *кто начинает что-то новое, тот никогда его не завершает, и о нем нередко вообще забывают. То, что было, продолжать необходимо, но забывать первых начинателей не следует.*

Возможно, прочитав эту книгу, кто-то задумается над чужими ошибками и не совершит своих ошибок. Кто-то поймет, что основа жизни в России – это *семья и общинность*, как бы их ни хотели прервать, а людей разобщить, что радость человека в общении с другими людьми и в работе во благо других людей.

«Большой круг жизни» у меня закончился 13 мая 2021 года, с этого времени моя жизнь пошла «по малому кругу». Наступило время вспомнить и передать читателям из своей жизни хотя бы то, что еще не стерлось в памяти. Мне сейчас очень не хватает завывания ветра в печной трубе, которое слушал в детстве, когда лежал на русской печке в деревенской избе, не хватает скрипа морозного снега под валенками, когда шел в школу по санной дороге. Не хватает запаха сена, когда летом спал на сеновале, не хватает родных лесов, речек, полей и еще многого того, что было в детстве. Но жизнь продолжается, лишь бы она продолжалась дольше...

В книге привожу выдержки из карело-финского эпоса «Калевала», составленного Э. Ленротом в 1849 году. Перевод на русский язык Э. Киуру и А. Мишина, Петрозаводск, 1998 год.

В качестве эпиграфа к каждой главе привожу цитаты и четверостишия из своей книги стихов «Свет в окне».

*«Сначала шаг, потом тропинка,
Потом – широкая дорога.
В этой жизни я, пылинка,
След оставляю понемногу».*

Глава I. Из карельского рода

Из воспоминаний моей матери

*«Этим песням мать учила,
нить льняную выпрядая,
в дни, когда еще ребенком
я у ног ее вертелся».*
(«Калевала», песнь 1, стр.18)

«Родилась я 26 августа 1922 года в карельской деревне Поцеп Бокаревской волости Бежецкого уезда. Весь наш род по линии мамы – Абрамовой Акулины Абрамовны – был карельским из деревни Душково. У нее было два брата, Михаил и Егор, а также сестра Агафья. У моего дедушки Абрамова Абрама Абрамовича была сестра Степанида, братьев у него не было. Потом в доме деда, что на красном посаде посредине деревни Душково, жила моя двоюродная сестра по материнской линии Третникова (Абрамова) Татьяна Егоровна, дочь Егора Абрамовича.

Мой отец Визюркин Иван Иванович родом из деревни Поцеп, род тоже чисто карельский. У отца был брат Петр, который жил со своей семьей под одной крышей с нами. Наш дом был на две избы через сени, изба Петра Ивановича выходила окнами на деревенскую улицу, а наша – в огород и на речку Каменка. Дворы для скота были пристроены к боковым стенам изб.

Их сестра Наталья вышла замуж в своей деревне Поцеп за Белова Степана. Вторая сестра Анисья вышла замуж в деревню Муравьево, вместе с ней жила еще одна незамужняя сестра Анастасия. У брата отца, Петра, было 8 детей – семь дочерей и один сын. Он со всей своей семьей завербовался в город Петрозаводск в 1931 году. Перед отъездом он продал свою избу, ее разобрали и увезли. На ее месте наш отец построил двор для коровы и овец. Наш дом оказался единственным в деревне, который стал выходить на улицу скотным двором, а не окнами избы.

Вместе с ними завербовалась и уехала в Карелию моя тетка Анисья Ивановна со своей семьей из деревни Муравьево, у них тогда было три дочери. Сестра отца Наталья Ивановна переехала с семьей в город Петрозаводск уже после войны, в 1947 году. Ее старшая дочь Мария уехала туда раньше, сразу после окончания школы, в возрасте 14 лет. Так что в Петрозаводске живет много наших родственников, но я к ним никогда не ездила, и они к нам не приезжали.

В нашей деревне Поцеп жили одни карелы, говорили только по-карельски, русских жителей в деревне не было. Русские слова и предложения многие знали, особенно мужчины, которые ездили в Бежецк на рынок, а зимой работали в Петербурге.

1 сентября 1929 года я пошла в школу, учиться грамоте. Школа была в русской деревне Слепнево, в одном километре от нашей деревни. На втором этаже бывшего барского дома Гумилевых жили коммунары, на первом этаже учились дети первого и второго классов. Я вошла в класс, не зная, что делать дальше. Подошла учительница Анастасия Константиновна Лебедева, спросила, как меня зовут. Я промолчала, так как не поняла по-русски ни одного слова. Учительница усадила меня за парту, прозвенел колокольчик, такой же, какой был под дугой у лошади – маленький и звонкий. Рядом со мной учительница посадила Круглову Веру.

Ее семья еще до революции переселилась в новую деревню Синьково, которую на берегу Синьковской реки отстроили пять семей из нашей деревни, они же после революции стали коммунарами Синьковской коммуны и жили на втором этаже бывшего дома Гумилевых. Вера стала переводчицей, она переводила слова учительницы на карельский язык, а мои ответы – на русский язык. Сама она уже немного знала русский.

На краю нашей деревни в сторону Слепнева жили родители активиста карельского движения Белякова Ивана Степановича. У его младшей сестры были букварь и книги для чтения на карельском языке. Я пыталась читать эти карельские книги на латинице, но ничего не понимала. Тогда я стала настойчиво изучать русский язык и русскую литературу. Меня перевели в другую школу села Карело-Кошево, где в старших классах меня учила замечательная учительница русского языка Лебедева Вера Алексеевна.

До вступления в колхоз у моего отца было 10 гектаров земли, сеяли лен, рожь, пшеницу, овес, ячмень, сажали картошку. Всю землю обрабатывали на лошадях и вручную. В 1930 году стали создавать колхозы, мой отец не спешил туда вступать. Чтобы проучить единоличников, жителя нашей деревни Николая Дмитриевича Соколова признали кулаком. Чтобы отменили ему твердые поставки, Соколов обжаловал решение Душковского сельсовета в райисполком. Одновременно с жалобой, в тот же день 5 марта 1931 года, он написал заявление о вступлении в колхоз «За Новый Быт». В тот же день заявления в колхоз подали еще 17 жителей деревни, в том числе и мой отец. Но так как он был вообще неграмотным, за него заявление написал и расписался в нем житель деревни Петр Костров, которого к тому времени сняли с должности председателя Душковского сельсовета за поддержку кулаков.

Мой старший брат Михаил, 1914 года рождения, один из первых в деревне нарушил вековые традиции карел и в 1936 году женился на русской девушке Марии из деревни Рудихово Краснохолмского района. Следом за ним в 1937 году вышла замуж за русского Смирнова Ивана в деревню Зобищи моя старшая сестра Анастасия, 1919 года рождения. Эта деревня находилась в Бежецком районе, в 5 километрах от нашей деревни. Младшая моя сестра Александра, 1926 года рождения, вышла замуж в 1951 году за Быстрова Василия из деревни Петрайцево. После свадьбы они сразу же уехали жить в Ленинградскую область.

До Великой Отечественной войны (1941—1945 годы) в деревне Поцеп было 33 дома и 187 жителей. К 1960 году в деревне осталось 18 домов и 59 жителей. Во время войны погибли 12 мужчин из нашей деревни, погиб мой родной брат Михаил и двоюродный брат по линии матери Абрамов Михаил Егорович из Душкова. Сразу после войны жители 9 домов из Поцепа выехали жить в город Ленинград и Ленинградскую область. В 1990 году деревни Поцеп не стало, ее сравняли с землей.

Нам родители говорили, что карелы сюда пришли с Карельского перешейка еще до Петра I, а когда пришли, откуда именно и почему пришли они сюда – пока никто не знает. Да и род свой стали забывать, потому что при советской власти все поминальники уничтожили, а память человека короткая.

В августе 1946 года я вышла замуж в деревню Петрайцево за твоего отца – Головкина Николая Яковлевича, 1918 года рождения. Он только что в июне того года вернулся с войны из Германии и жил с матерью Ириньей Тимофеевной. Кроме них, в доме жила семья ее старшего сына Михаила вместе с женой Татьяной, родом из Горбовца, и сыном Вовой. Еще жила приехавшая во время войны его старшая сестра Анна с дочерью Верой. Другая сестра твоего отца Пелагея жила с двумя дочерьми в деревне Душково.

Старший брат твоего отца Михаил жил со своей семьей вместе с нами полгода, из-за болезни жены, в начале 1947 года переехал жить сначала в Горбовец к ее родителям, а после смерти жены – в Сонково, где он работал в уголовном розыске. Младший брат твоего отца Петр родился в 1921 году, он погиб во время войны.

Ты родился в родильном доме деревни Калиниха в час дня, туда рано утром 13 мая твой отец меня отвез на лошади. Роды принимала акушерка Вера Александровна Румянцева, в девичестве Жаркова. В роддоме я пролежала три дня, а еще через десять дней вышла сажать картошку на своем участке. После этого стала работать в колхозе, возила на поле навоз, грузить его на телегу женщины мне не разрешали, после этого начался сенокос, и пошла постоянная работа.

В 1950 году старшая сестра твоего отца Анна с дочерью перешла жить в маленький домик на краю деревни, мы стали жить вчетвером, с нами осталась свекровь. В июле 1950 года твоего отца забрали за то, что во время войны был в плену, свекровь сразу же перешла жить к дочери Анне. Я осталась в большом доме с пустыми стенами одна с тобой, тебе был 1 год и 2 месяца. Надо было как-то жить и работать в колхозе, чтобы не отправили куда-нибудь за тунеядство.

Зимой я тебя тепло одевала, расстилала на пол ватное одеяло, сажала на него тебя, давала пустые коробки от спичек, палочки от веника, и уходила на работу. Весной и летом иногда, когда было особенно тяжело, относил тебя в Поцеп к бабушке Акулине. Летом брала с собой в поле, ты сидел под копной сена или соломы, пока я работала вместе со всеми. Осенью снова оставляла одного дома, приходила в обед, кормила, чем придется, и снова уходила на работу. Иногда вообще нечем было кормить, я оставляла тебе принесенные с поля листья капусты, или капустную кочерыжку, или кусок турнепса, брюкву или репу, ты оставался грызть это, а я со слезами снова уходила на работу.

Во время войны погибли 12 мужчин деревни Петрайцево, после войны из 11 домов жители, кто по одному, а кто и полностью всей семьей выехали жить в город Ленинград. Почему они выбирали этот город? Наверное, чтобы быть поближе к родине предков – Карельскому перешейку. В Ленинграде всегда жили наши родственники – карелы.

Наши мужчины, которые уходили на зиму работать туда, всегда могли остановиться жить у кого-нибудь из них. И после войны, когда начали отстраивать разрушенный город, многие наши жители уезжали туда к дядям, теткам и другим родственникам. Так что у нас в Ленинграде много родственников, а в Москву наши карелы почти никогда не ездили. Нынче, в 1997 году, в деревне Петрайцево живут 7 человек, из карел – одна я, остальные русские. Уже нет карельских деревень Поцепа, Акинихи и Терехова». (*Воспоминания записаны в деревне Петрайцево Сонковского района Тверской области в октябре 1997 года*).

Через два месяца после этих записей, в декабре 1997 года, мою мать, Иванову (Головкину, Визюркину) Наталью Ивановну, поразил тяжелый инсульт. Ее лечили сначала в Сонкове, потом в Бежецке, после лечения она 2,5 года пробыла в палате сестринского ухода Борисковской участковой больницы Бежецкого района. Участковая больница располагалась в единственном сохранившемся строении бывшего имения Кузьминых-Караваевых. Умерла мать 25 сентября 2000 года в возрасте 78 лет, похоронена в селе Карело-Кошево рядом со своими родителями и сестрой Анастасией Ивановной. Еще до ее смерти, в январе 1996 года, в этой же могиле был похоронен мой отчим Иванов Владимир Федорович.

Немой

*«Где достать такие мази,
раздобыть такого меду,
чтобы хворого намазать,
исцелить больного сына?»
(«Калевала», песнь 15, стр. 163)*

Я родился в пятницу, 13 мая 1949 года, и до 15 лет рос и воспитывался в глухой лесной карельской деревне Петрайцево Сонковского района Калининской (Тверской) области, где тогда было 32 дома и 110 жителей. Наш род был чисто карельским, вплоть до моего рождения смешения кровей не было. Мой отец Головкин Николай Яковлевич, которого я вообще не помню из-за его ранней смерти, родом из деревни Петрайцево, мать Визюркина Наталья Ивановна родилась в соседней деревне Поцеп. Все их предки и они сами были карелами, сме-

шения кровей не было, у нас дома и в деревне звучала только карельская речь, которую хорошо помню с раннего детства.

Мои предки по отцовской линии: мой отец Головкин Николай Яковлевич родился в 1918 году в деревне Петрайцево Бежецкого уезда Тверской губернии. Его отец, мой дедушка, Головкин Яков Васильевич родился там же в 1877 году, умер в 1936 году. Отец дедушки – Василий Петров родился в 1855 году, о матери сведений не нашел. Дед моего дедушки Петр Иванов родился в 1819 году, бабушка Марфа в 1820 году. У них были сыновья Семен, Петр, Иван, Федор и Василий, дочери – Анисья и Матрена.

Мать моего отца, моя бабушка, Головкина (Чеснокова) Ирина Тимофеевна родилась в 1880 году в деревне Поцеп Бежецкого уезда Тверской губернии, что в двух километрах от Петрайцева, умерла в 1953 году. Ее отец Чесноков Тимофей Васильевич, 1840 года рождения, мать – Настасья Чеснокова (Иванова), 1838 года рождения. Дед моей бабушки Василий Васильевич Чесноков, 1800 года рождения, умер в 1855 году. Бабушка моей бабушки Чеснокова Домна, 1797 года рождения.

У дедушки и бабушки по отцовской линии родились три сына: Михаил, в 1914 году, Николай в 1918 году и Петр в 1921 году, а также две дочери – Анна в 1906 году и Прасковья в 1911 году.

Мои предки по материнской линии: моя мать Головкина (Визюркина) Наталья Ивановна родилась 26 августа 1922 года в деревне Поцеп Бежецкого уезда Тверской губернии, умерла в 2000 году. Ее отец, мой дедушка, родился в 1880 году в той же деревне, умер в 1940 году. Других сведений о нем не нашел.

Мать моей матери, моя бабушка, Визюркина (Абрамова) Акулина Абрамовна родилась в 1884 году в деревне Душково Бежецкого уезда Тверской губернии, что в двух километрах от Почепа, умерла в 1954 году. Ее отец Абрам Абрамович Абрамов родился после 1858 года в Душкове. Дед моей бабушки Абрам Иванов родился в 1837 году, ее прадед Иван Егоров родился в 1817 году, был женат на Татьяне Алексеевой, 1814 года рождения. У прадеда моей бабушки и его жены родились сыновья: Кузьма в 1835 году, Андрей в 1836 году, Абрам в 1837 году, Иван в 1839 году, Ефим в 1844 году, второй Иван в 1846 году и дочь Матрена в 1843 году.

У моего деда Визюркина Ивана Ивановича и бабушки Визюркиной (Абрамовой) Акулины Абрамовны родился сын Михаил в 1914 году, дочери: Анастасия родилась в 1919 году, Наталья (моя мать) в 1922 году и Александра в 1926 году.

Все мое детство было связано с окружающим деревню лесом, речками и полями. Деревню Петрайцево с трех сторон окружали леса под названиями «Репинка», «Тропан-Кохта», «Оносиха» и ельник, который подходил к ней на расстояние до 300 метров. Две небольшие речки окаймляли деревню со всех сторон, с севера и запада – Теплинка, с юга и востока – Оносиха. Эта речка в своем верхнем течение называется Оносиха, ее длина около двух километров. После впадения в нее Муравьевского ручья возле деревни Душково, речка теряет свое первоначальное название. Участок ее, длиной с полкилометра вдоль деревни, местные жители называли Душковской рекой. Далее, после впадения в нее речки Теплинка и до речки Каменка, участок в полтора километра жители называли Синьковской рекой.

В детстве пережил многое: безотцовщину, послевоенный голод и бедность до 5 лет, счастливое и радостное время детства с 5 до 15 лет, хотя и тогда забот было немало, как у взрослых, так и детей. Себя помню с четырех лет, воспоминания отрывочные и неполные.

Март 1953 года. В нашем доме собрались девки и вдовы, около десяти человек, читают вслух в газете статью о смерти И.В.Сталина и плачут. В доме пусто, остались две деревянные лавки, один стол, одна металлическая кровать с сеткой. В правом переднем углу на полке несколько старых икон в деревянной оправе. Как я потом узнал, все было конфисковано в июле 1950 года, когда забирали отца за плен во время войны, конфисковали корову, овец, сено,

зерно, муку, одежный и посудный шкафы вместе с одеждой и посудой. Конфисковав все, что хотели, обрекли семью с годовалым ребенком на голодную смерть. Сначала нам помогала мать отца, бабушка Иринья, хотя сама перешла жить к старшей дочери Анне на край деревни. Она родилась в 1880 году в соседней деревне Поцеп, откуда была родом и моя мать. Когда она умерла в 1953 году, нам стала помогать другая бабушка Акулина, которая до этого помогала своей старшей одинокой дочери Анастасии с пятью детьми.

Апрель 1953 года. В наш дом снова собрались женщины, человек шесть, они говорят о том, что закончили перебирать бурты с колхозной картошкой, в буртах осталось много гнилой картошки. Можно отобрать ту, которая получше, и варить ее. Ближе к вечеру все ушли из дома, я остался в пустом доме один. Электричества тогда не было, в доме темно и страшно. Меня посадили на лавку под образа, наломали от веника палочек, дали несколько пустых коробков от спичек, сказали, чтобы играл.

Приходит мать, зажигает керосиновую лампу без стекла, начинает печь оладьи из пахучей гнилой картошки, вонючий запах идет по всему дому. Потом мы макали эти оладьи в подсолнечное масло и ели их.

Обычной нашей пищей, пока в наш дом в 1954 году не пришел отчим Иванов Владимир Федорович, была *мурицовка* – это хлеб и лук, покрошенные в воду, а также *тюря* – хлеб, покрошенный в квас, очень редко – в молоко.

Июль 1953 года. Мать завела небольшую козочку, мы с матерью идем далеко-далеко в лес под названием «Тропан-кохта», там она руками рвет траву. Завязывает эту траву в охапку веревкой, а мне делает маленькую охапку, и мы возвращаются домой. Мать почему-то всю дорогу плачет. Я отстаю от нее и усаживаюсь на дороге, опустив ноги в колею от лошадиных телег. Мать садится рядом, прижимает меня к себе и заливается горячими слезами. Потом мы медленно идем по дороге дальше.

Август 1953 года. Мать отвела меня к бабушке Акулине в соседнюю деревню Поцеп, это в двух километрах от нашей деревни. Я хорошо помню, как мы вместе с двумя двоюродными братьями, которых бабушка взяла на лето у дочери из деревни Зобищи, забрались в дремучие кусты с красной смородиной и ели ягоды. Бабушка Акулина зовет нас обедать, на обед по три картофелины в мундире для каждого, у меня картошка уже очищена. Двоюродный брат, ему семь лет, схватил у меня одну картофелину, я плачу, бабушка ругает брата и возвращает мне картошку. Я макаю ее в соль и ем, очень-очень вкусная была та картошка.

Октябрь 1953 года. Мне еще нет 4,5 лет. Мать посадила меня на теплую, только что истопленную русскую печку, а сама ушла на колхозное поле рубить капусту. Дома ее не было долго, я захотел есть. Знал, что на верхней полке, которая шла в чулане от печки до окна, в мешочке была сушеная свекла. Мать на зиму сушила свеклу и морковь, которыми заваривала чай, мы пили его со свеклой вместо сахара. Я с печки полез по полке к окну, набрал горсть сушеной свеклы, и не знал, что делать дальше. Развернуться на узкой полке я не смог, боялся упасть вниз, до пола было около двух метров. Я потихоньку пополз задом обратно на печку, уронив из кулачка на пол несколько долек свеклы. По ним мать догадалась, что я ползал по полке, сильно испугалась, что мог упасть. Ругала и внушала, чтобы больше так не делал. После этого случая, она, уходя на работу, на печке меня никогда не оставляла, усаживая на лавках или на полу.

Я ничего не говорил до пяти лет, заговорил летом 1954 года. Хорошо помню январское утро 1954 года, я просил у матери что-нибудь поесть, показывая ей что-то знаками. Она меня не понимала или делала вид, что не понимает. Я злился и щипал волосы на ее ногах. Она вскрикивала от боли, потом достала мне хлеба и чуть-чуть сахарного песка, кучку примерно с ноготь. Я стал показывать, что мне этого мало, мне надо больше. Когда она отказала в этом, я смахнул песок на пол. Разозленная мать взяла ремень и отхлестала им меня, как следует.

Через несколько дней после этого случая к нам пришла бабушка Акулина. Она по вечерам долго говорила с матерью обо мне по-карельски. Я все слышал, что-то понимал, но сказать ничего не мог. Вся моя голова была покрыта какими-то лишаями, на голове повязан женский платок. Я его все время срывал, но мать опять повязывала платок. Это потом, намного позднее, уже став взрослым, я узнал, что такая корка на голове образуется от постоянного голода.

Из разговора матери с бабушкой я понял, что мать написала своей сестре Александре в Ленинградскую область письмо, где просила записать меня к врачам. Александра вместе с мужем Василием и годовалой дочерью Татьяной жили тогда в одной комнате коммунальной квартиры в поселке Горохово возле Гатчины. Они ответили, что записали меня к врачам в военный госпиталь. И вот мать с бабушкой решали между собой, кто из них повезет меня в Ленинград, и где взять денег на эту поездку.

Решили, что повезет бабушка, мать привезла нас на лошади через лес за девять километров на станцию Дор. Как я понимал своей детской интуицией, мать не очень верила в успех этого дела. Мужа забрали в 1950 году за нахождение в годы войны в плену у немцев, когда ей было всего 28 лет, сын оказался немым, ему уже пятый год, а он ничего не говорит, только мычит, злится, да плачет.

Она на лето относила меня на руках к своей матери в Поцеп за два километра. Бабушка Акулина сажала меня на колени, много говорила и внимательно следила за моей реакцией – понимаю я ее или нет. Матери говорила, что мальчик все слышит и понимает, меня надо показывать врачам, я должен заговорить. Это она настояла, чтобы мать написала письмо своей сестре, сама она была неграмотной.

В феврале 1954 года меня привезли к тетке в поселок Горохово, началось мучительное для меня лечение. Хорошо помню, как дядя Вася, муж моей тетки Александры, зажав меня между своих колен, пинцетом с корнем вырывал с головы по одной волосинке вокруг очередного лишая. На другой день везли в госпиталь, там этот лишай чем-то срезали, потом укладывали меня на кушетку. Голова была между кварцевыми лампами, мне нужно было лежать, не шевелиться, в течение одного часа. Бабушка Акулина была постоянно рядом, иногда на некоторое время ее заменяла медсестра. Она меня успокаивала, чтобы я не волновался, бабушка скоро придет и принесет мне пряников.

Лечение продолжалось более одного месяца, для меня время тянулось вечностью. В марте 1954 года мы с бабушкой прибыли на станцию Дор. Я издали увидел идущую нам навстречу мать и закричал: «Мама! Мама!». Это было мое первое сказанное слово. Услышав мой голос, мать, не добежав до нас, так и рухнула на снег, повторяя: «А-вой-вой! Заговорил, заговорил!». Дома я был недолго, уже в мае снова жил с бабушкой, но ей становилось все хуже и хуже. Мать привела меня домой, в то же лето бабушка умерла.

Хорошо помню один случай летом 1954 года. Дома мне мать дала отрезанный ломоть дуранды, из жмыха подсолнечных семян, с ним я пошел на улицу. Там было много девочек и мальчишек, все готовились к какой-то игре. Среди них была моя одноклассница, пятилетняя сирота Борисова Вера, мать которой умерла во время родов, а кто был ее отец – никто не знал. Ее мать работала в городе Ленинграде, там же родила Веру уже после войны, а ее муж погиб во время войны. Вера воспитывалась у бабушки с дедушкой Скоробогатовых до второго класса. Со второго класса ее отправили в школу-интернат города Бежецка. После окончания восьмилетней школы уехала к родственникам в Ленинград.

В тот день у Веры в руках был большой ломоть черного хлеба с хрустящей корочкой. Он был помазан подсолнечным маслом и посыпан солью. А у меня был кусок подсолнечного жмыха – «дуранды». То ли я с завистью посмотрел на тот кусок хлеба, то ли она что-то заметила. Подошла ко мне, разломилась ломоть хлеба пополам и сказала: «Давай меняться». Я с радостью отломил ей больше половины куска дуранды, она ее есть не стала, отнесла домой.

В моей памяти тот хлеб остался для меня самым-самым вкусным хлебом на свете, которого я никогда не пробовал позднее. Не знаю почему, но вечером мне мать сказала, чтобы я больше ни у кого не брал хлеба. Такое голодное детство у меня продолжалось еще полгода.

В то же лето мать отправила меня погостить к сестре матери – Анастасии в деревню Зобищи за шесть километров. Мне уже исполнилось 5 лет, я мог разговаривать. Я не любил эту безлесную деревню, там некуда было идти. Леса нет, речка Уйвешь, что в километре, мало-рыбная. Позднее пробовали мы с двоюродным братом Алексеем ловить рыбу вилками, корзинами, но ничего не получалось. Ходили на песчаный карьер, где редко попадалась земляника. Здесь не было никакого сравнения с нашей деревней, окруженной лесами и речками – иди куда хочешь.

Однажды мы с двоюродным братом Алексеем забрались на яблоню сорта «белый налив». Ни сколько набрали яблок, сколько уронили на землю. Нас отругала его старшая сестра Нина, ей было уже 15 лет. Я испугался и, ничего не сказав, побежал домой не обычной дорогой через Хотену и Слепнево, а через болотный кустарник по тропинке мимо Акинихи. Так сюда меня вела мать, я хорошо запомнил этот путь.

Поднялся на высокий левый берег реки Каменка и побежал к Поцепу по Воронихинской горе. Добежал до деревни Поцеп, где раньше жила моя бабушка, с Воронихинской горы увидал, как внизу на другом берегу речки деревенские бабы шевелили сено, они меня заметили. Моя тетка Маруся подбежала ко мне, спросила, откуда я иду, и проводила до дома. Мать не ругала, спросив, что случилось. А к вечеру прибежала за шесть километров перепуганная двоюродная сестра, на ночь у нас не осталась, вернулась домой. После этого случая меня мать из дома никуда одного не отправляла.

Суровый быт послевоенной деревенской жизни рано приучал детей к самостоятельности. Я видел постоянную озабоченность от безысходности на лицах деревенских женщин, но никогда не видел их улыбок. Вместо них иногда прорывался смех сквозь слезы или пляски с частушками, которые хоть как-то снимали с женщин груз забот и ответственности. По просьбе матери, с августа я стал ходить в лес за грибами один, а было мне всего 5 лет. Вот тогда я первый раз по-детски осознал свою нужность для матери, а значит – для нашей маленькой семьи. Эта ответственность перед домом и семьей позднее не покидала меня никогда.

Познание жизни

*«Пой о том, как мир прекрасен,
как леса мои чудесны,
как поля мои богаты,
плодородны мои земли!»
(«Калевала», песнь 2, стр. 33)*

В годы моего детства жители деревни, как и всей страны, не отошли еще от тяжести потерь своих мужей, сыновей, отцов, любимых, погибших в годы Великой Отечественной войны, не отошли от бедности и постоянного голода. Многие жили в ожидании без вести пропавшего на войне родного человека, веря, что он должен вернуться.

Дедушек своих не застал, дед Яков по линии отца умер в 1936, а дед Иван по линии матери – в 1940 году. Бабушка Иринья по отцовской линии умерла, когда мне исполнилось 3 года, бабушка Акулина по материнской линии – когда мне было 5 лет, я ее немного помню. Бабушки успели спеть над моей колыбелью карельские песни-плачи. Их напев был прост, диковатый и древний, рожденный еще на родине далеких предков на Карельском перешейке. Сами бабушки были неграмотными, по-русски говорить не умели, но некоторые русские слова понимали.

У карел мелодичные, печальные и нежные напевы, которые говорят, что они не воинствующий, а миролюбивый народ. У них нет ритмов, пробуждающих ярость, жестокость и насилие. Над моей колыбелью бабушки пели-плакали на карельском языке о судьбе своих сыновей, не вернувшихся с войны. Они просили птичку слетать в дальние края, узнать об их судьбе. Чтобы потом она, вернувшись, села на березу и пропела три раза, они будут знать, что сыновья живы. Но только не надо биться о стекло, как перед покойником, просили они птичку. Бабушки пели мне, что я переживу это голодное время и все болезни, буду большим и сильным. Только бы не свалилась на наше поколение война и другие напасти, которые были в жизни у них и их детей.

При рождении ребенка в карельской избе окна занавешивали, проходившие мимо избы люди улыбались – здесь родился человек. Новорожденного ребенка, независимо, мальчика или девочку, заворачивали по традиции в отцовскую рубаху. Шесть недель малыша могли видеть только домочадцы, чужим его не показывали. Отец делал из осины деревянную люльку, которую на веревках цепляли к длинному березовому шесту – оцепу, продетому в железное кольцо под потолком.

Через шесть недель в дом приходили родственники с подарками «на зубок» новорожденному – пирогом, калитками или тряпками для пеленок. Мать к этому времени уже выходила работать в поле, ее возле люльки заменяла бабушка. Входя в дом, деревенские жители никогда на порог не наступали, перешагивали его, чтобы не переносить с улицы в избу разные недуги и неприятности. Через порог друг с другом не разговаривали и ничего не передавали, приглашая входящего в избу.

Первой игрушкой у маленького ребенка обычно был заячий хвост, подвешенный на нитке над люлькой. Ребенок все пытался поймать его своими непослушными ручками. Потом появлялись игрушки, вырезанные из дерева, – зайцы, собачки, медведи, лошадки.

Я помню плач женщин в марте 1953 года, когда умер Сталин. Одни плакали оттого, что не представляли жизни без вождя, вторые – от своего одиночества, им было по 25—28 лет, а женихи погибли на войне, третьи от радости, ожидая возвращения из сталинских лагерей мужей и женихов.

Я еще не понимал происходящих перемен, но гармошки на улицах зазвучали чаще. По вечерам парни и девки, а также молодые женщины и мужчины устраивали пляски под гармонь. Потом был XX съезд коммунистической партии, осудивший культ личности И. В. Сталина.

Мать с самого детства учила меня говорить на русском языке, хотя сама дома и на улице говорила только по-карельски. Но под влиянием карельской речи, я с детства хорошо усвоил родной язык, понимая почти все карельские слова. Но, понимая карельскую речь, я невольно с детства начинал уже думать по-русски и мысленно переводить карельские слова на русский язык. В первые годы своей жизни и знакомства с внешним миром, карельские слова я узнавал через подруг матери. Они, такие же одинокие после войны, приходили к нам по вечерам и говорили о последних деревенских новостях и событиях в стране. Я понимал почти все, хотя не умел вообще говорить до пяти лет. Потом, став взрослым, я узнал, что моя болезнь была следствием голода.

Зимой, когда от домашнего тепла запотевали окна, я начинал левой рукой писать на стеклах заглавные русские буквы. Исписав оба стекла, вставал на лавку и начинал писать буквы на большом верхнем стекле. Буквы держались некоторое время, потом от тепла стекали ручейкам в нижнее корытце зимней рамы. Мать тряпкой выбирала оттуда воду, а я дышал на стекло и снова принимался писать буквы.

Мои познания жизни во всех направлениях углубляли и расширяли деревенские мальчишки, с которыми я проводил все дни. У меня с пяти лет не было ни бабушек, ни дедушек, ни другой родни, которая могла бы со мной сидеть. Поэтому я, как и другие деревенские дети, был

предоставлен сам себе. Каждое деревенское утро летом наполнялось голосами людей, животных и птиц. Мычали коровы, пыля по деревенской улице, лаяли собаки и кричали петухи. С лугов доносилось ржанье лошадей. Мы сначала изучали деревенскую улицу, свои огороды, усадьбы и заулки, потом выходили из деревни на поля, луга, речки, бродили по опушке ельника. Этот опыт, приобретенный за лето, пригодился мне уже к осени 1954 года, когда мать отправляла меня одного, пятилетнего, в лес за грибами, чтобы солить их на голодную зиму.

4 ноября 1954 года мать вышла замуж за отчима, наша жизнь резко изменилась, в доме появились хлеб, молоко, другие продукты и одежда. Я начал есть три раза в день нормальную деревенскую здоровую пищу. У нас появился хлеб, много хлеба, мать пекла по 8—10 буханок на 4—5 дней. Зимой, наигравшись на улице, прибежал домой, мать отрезала большой ломоть черного хлеба, куриным пером намазывала на него подсолнечное масло и посыпала солью. С эти куском хлеба с маслом и солью выбегал на снова улицу, какое же это было лакомство, особенно хлебная горбушка!

Тогда в деревню приходило много нищих и беженцев, которые просили хлеба или пустить ночевать. Когда мы жили без отчима, мать боялась и никого не пускала. При отчине у нас несколько раз ночевали разные бездомные, которые говорили: «В вашей деревне говорят на каком-то непонятном языке, зато ругаются понятно для нас».

Иногда меня брала к себе тетка Анна, сестра отца, которая жила на краю деревни возле леса. Сидя у замерзшего окна, выдув дыханием небольшие просветы, она, мешая карельские и русские слова, говорила о зайчишке, который живет вот под той елочкой. Надо будет когда-то встать на лыжи и отвезти ему морковь. А под другой елочкой живет хитрая лиса, которая хочет дожидаться ночи, придти в деревню на двор и задушить куриц. Я внимательно всматривался вдаль, но не видел, ни зайца, ни лису.

Мне шел шестой год, я уже хорошо знал этот лес, куда прошлым летом много раз ходил за грибами. На другой день я вставал на лыжи и шел к опушке леса, сначала по санной дороге, которая вела через ельник в государственный лес на делянки заготовителей. Потом поворачивал по целине налево, кружил вокруг кустов можжевельника и молодых елочек, видел следы зайцев, иногда пересекал нитку лисьих следов. Когда о них рассказывал дома, отчим говорил, что лису поймать легко, надо на ее хвост насыпать соли. Мне тогда еще не было шести лет, я принимал все всерьез, вставал на лыжи, брал с собой спичечный коробок с солью, уходил далеко в поле за речку Теплинка и долго-долго бродил по лисьим следам, но лису близко никогда не видел. Лыжными палками служил частокол, сломанный по моему росту из изгороди.

Я немного помню древний осенний праздник *kegri* (кегри), который был посвящен окончанию полевых работ. Его проводили каждый год 1 ноября после окончания сельскохозяйственных работ. В этот день до создания колхозов хозяева рассчитывались за работу с наемными работниками и угощали их пивом.

В течение всего дня 1 ноября маленьким детям говорили, что вечером придут «кегри», надо их слушать, а то они возьмут с собой. Вечером, когда мы сидели за столом и ужинали, раздавался сильный стук в уличную дверь. Я мигом оказывался на печке. Мать шла открывать дверь, в сенях громко стучали батогами, разговаривали по-карельски. Потом с шумом входили в избу. Я в это время перелезал с печки на полати и от страха забивался в дальний угол.

В дом входили ряженные, обычно одетые в шубы, вывернутые наизнанку, лица их были закрыты платками и самодельными масками, в руках держали батоги или палки. Они спрашивали меня, хорошо ли я себя веду, слушаюсь ли родителей, помогаю ли им, уважаю ли старших в деревне. Я во всем с ними соглашался, отвечал на вопросы утвердительно. Я помню три случая «кегри» с 5 до 7 лет, потом этого обычая не стало, и к нам ряженные уже не приходили.

Хотя я догадывался и понимал, что это голоса Фомичевой Марии и Тарасовой Екатерины, но боялся их вида и одежды. Их поили пивом, каждой давали по клубку пряжи. Если когда маленькие дети плакали, им говорили, чтобы перестали, а то придет «кегри» и напугает

их. Я считал и считаю, что древний карельский обычай «кегри» был придуман не только для расчета осенью с наемными работниками, но и для воспитательного воздействия на детей.

Летом 1955 года, когда мне исполнилось шесть лет, я первый раз побывал с отчимом на базаре в городе Бежецке, что в 20 километрах от нашей деревни. Когда в деревне говорили: «поехали в город», то это был город Бежецк, ближайший к нашей карельской местности. Лошадиные дороги были проезжими лишь летом в сухую погоду и зимой. Весной и в осенние дожди дороги практически были непроезжими.

С вечера были смазаны дегтем колеса телеги, приготовлено сено. Мы выехали в четыре часа утра, день начинался жаркий, солнечный. Лошадь была запряжена в одер, на нем могли ехать шесть человек, свесив ноги, по три человека с каждой стороны. В середине одра сидеть невозможно, если не подослать сена или соломы. Отчим повез продавать на базар, оставшийся после посадки лук, чтобы купить продуктов. Проехали карельскую деревню Поцеп, потом русские деревни Слепнево, Хотену, Терebene, Старый Борок и Градницы. Дороги, ведущие к любой деревне весной и летом, были изрезаны многими тележными колеями, так как после дождей каждая лошадь пыталась объехать лужи или найти себе путь суше. Эти колеи сохранялись и летом. За Градницами выехали на тракт Красный Холм – Бежецк и ехали по большаку.

Приехали на рынок, я помню, что вся рыночная площадь была заполнена народом и подводами. Вдоль небольшого парка, посаженного тополями, шли деревянные коновязи из жердей. Отчим привязал лошадь на свободное место, взял мешок с луком и пошел его продавать. Я, оставшись в телеге, стал смотреть по сторонам. Увидел некоторые ряды с товаром, ближе всех был молочный ряд, где продавали молоко, сметану, творог, домашний сыр и масло. Дальше шли ряды с овощами, мясные ряды были не на улице, а в помещении. Я тогда был совсем маленьким и не знал основного закона рынка, когда одни хотят дороже продать, а другие – дешевле купить.

У коновязи крепко пахло лошадиным потом, мочой и гнилым сеном. Земля вокруг подвод и лошадей превратилась в грязь. Я полдня промаялся на солнце, не слезая с одра. Отчим управился к полудню, купил конфет-подушечек, баранков, пряников, мешок хлеба. Он смазал дегтем все колесные оси с помощью деревянной лопатки (лабейки), и мы поехали обратно домой. Ведро с дегтем висело сзади под телегой на крючке. Возвращались в полуденный зной, хотелось пить, в воздухе перемешались запахи пыльной дороги, свежего сена, дегтя и конского пота.

В деревне тогда жили огородами и скотом. По моим детским впечатлениям, после 1953 года в нашем огороде оставались: две дикie яблони с кислыми плодами, одна вишня, одна ирга, два куста красной смородины и два куста крыжовника. Черную смородину у нас в огородах не сажали, ее полно было в лесу по берегам речек и в низинах.

Из овощей в огороде сажали много луку, морковь, свеклу, репу и огурцы. На усадьбе 3—5 соток были отведены под посадку картофеля, остальная площадь – под сенокос. Сенокоса было мало, косили и отаву на всей усадьбе. Позднее выручали 10% от заготовленного для колхоза сена, которое полагались колхознику для личного подворья. Нашей семье выделяли небольшой клин для косьбы, так как на усадьбе стояли два колхозных сарая и житница для хранения зерна.

Начиная с 1955 года, на трудодни стали выдавать по итогам года не только зерно, но и деньги. Родители зимой ездили в Ленинград, отвозили туда на продажу лук и мясо телят, привозили оттуда одежду и продукты, которых не было в деревне.

В июле 1956 года у меня родился брат Вова, незадолго до родов в доме собрались деревенские женщины посудачить о жизни, семьях, мужьях и делах. Стали гадать, кто же родится у моей матери – сын или дочь. Одна женщина предложила матери сесть на пол, вытянуть ноги и упереться в пол любой рукой, какой ей удобно. Мать уперлась правой рукой, женщина ска-

зала, что родится сын. Она сказала, что есть такая старая примета, которая исходит из положения ребенка в утробе матери. Мальчик тянет вправо, а девочка – влево.

В августе 1956 года я, семилетний мальчик, совершил первый важный в своей жизни поступок. После рождения брата Вовы мать с отчимом собрались ехать в Краснооктябрьский сельсовет регистрировать их совместного сына. Накануне поездки мать усадила меня за стол и вела со мной серьезный разговор о том, что отчим хочет меня усыновить и записать на свою фамилию. Я упрямо, несколько раз повторил матери, что хочу остаться Головкиным, а не Ивановым, что у меня отец Николай, а не отчим Владимир. Мать не стала, помимо моей воли, изменять мне фамилию и отчество.

Хорошо помню плач баб на деревенской улице в ноябре 1956 года. Они еще не понимали, что случилось, но в воздухе стояло страшное слово «война». Плакали два дня, пока кто-то не разъяснил, что наши войска вошли в Венгрию спасти дружественный венгерский народ от буржуазии. Этим и успокоили жителей деревни.

По зимним долгим вечерам в наш дом приходили парни и молодые мужики. Рассаживались на лавки, скамейки и начинали течь долгие разговоры о том, как прошел день, какой наряд будет на завтра, обсуждали последние деревенские новости. Обменивались опытом, как лучше согнуть дугу или хомут, как готовить деревянный клей, чтобы он клеил надежно. Постепенно развязывались языки, начинали говорить о политике, особенно после выступления Хрущева на съезде о культе личности И. В. Сталина. Карелы чего-то боялись и не всему верили. Они по-прежнему верили Сталину в том, что внутри страны много врагов. Этот страх остался у тех поколений до конца своих дней.

Но были и праздники. Я жил в деревне, когда сохранялось родство, родственники приезжали не только на праздники. На вечернее чаепитие приходили сестры, братья, тетки и дядя родителей со своими детьми, иногда даже за 2—5 километров, чтобы ночью возвращаться домой. Родители поддерживали отношения не только с родными, двоюродными братьями и сестрами, их детьми, но и с дальними родственниками. Это было интересно и поучительно.

В большой мир нас выводили книги, первой из них была книга «День египетского мальчика». Читая, я думал, почему не карельского мальчика? И вообще, почему мы усиленно изучаем истории Египта, Греции и Рима, а не историю России?

Потом были книги Марка Твена, Жюль Верна, стихи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Читая книги А. П. Гайдара, я не сомневался в том, что деревня Алешино – соседняя с нами русская деревня, которая стоит за лесом. Я забирался на крышу дома, пока не было родителей, садился возле трубы и высматривал через лес русскую деревню Алешино и печалился, почему Гайдар не прошел через лес в нашу карельскую деревню, до которой всего четыре километра, и не написал ничего о ней. Книги во многом способствовали моему познанию жизни.

С 1957 года в наших карельских деревнях появилось радио, молодые деревенские парни копали ямы и устанавливали деревянные столбы на расстоянии *одного поприща* – старинной меры длины в 120 шагов друг от друга. От столбов провода проходили к каждому дому, по вечерам, особенно зимой, было время послушать радиопередачи. Жители стали выписывать газеты, чаще всего «Сельскую жизнь» и районную – «Дело Октября». Теперь они знали больше новостей о событиях, которые свершались в стране, а их было немало. Собираясь по вечерам у нас в избе, мужики курили и обсуждали услышанные и прочитанные новости.

Согревшись на печи, я доставал «Географический атлас» и внимательно смотрел, где находятся Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Корея, Куба, о которых часто и много тогда говорили по радио. Тренируя память, запоминал руководителей этих и других стран, и где находятся эти страны.

Благодаря радио, узнавал новости культуры. Еще не знавший ни эстрадной, ни классической музыки, лежа на русской печке, я слушал в 1959 году оперу «Кармен». Она мне запомнилась тем, что там вместе с советской певицей Ириной Архиповой пел солист из Италии Марио

Дель Монако. Диктор говорил о том, что оперу в их исполнении слушали руководители партии и правительства во главе с Н. С. Хрущевым. Я тогда не мог знать, почему Марио Дель Монако называют «выдающимся исполнителем», а его приезд в Советский Союз – «триумфальным».

Мне под руки попала привезенная из Ленинграда книга Г. И. Матвеева «Тарантул», 1957 года издания. Хотя я был еще мал, но с глубокими переживаниями читал о жизни ленинградских подростков в годы Великой Отечественной войны. После чтения этой книги мне очень захотелось побывать в Ленинграде.

В одиннадцать лет, в январе 1961 года, меня вместе с только что женатым, двоюродным братом Борисом Визюркиным отправили в Ленинград. Я с малых лет был очень стеснительным, особенно в незнакомой обстановке. В вагоне почти все время лежал на третьей полке, свернув под голову свое пальтишко, и смотрел в узкое окно вагона. Одну ночь я ночевал у них в коммунальной квартире, на второй день Борис отвез меня к тетке отчима, Ивановой Татьяне Ивановне, семья которой была раскулачена в феврале 1931 года. Но они смогли избежать высылки по настоянию жителей деревни, и уехали жить в Ленинград. Ее муж, дядя моего отчима, Иванов Дмитрий Иванович погиб в войну. У Татьяны Ивановны было трое детей, младший сын Дмитрий – мой ровесник, родившийся от кого-то уже после войны.

Их семья жила в двух маленьких комнатках коммунальной квартиры с общей кухней, общим туалетом и душем. Я своим детским умом не мог представить, как можно жить в таких условиях в большом городе. В восьмиметровой комнатке на железной кровати спала мать и ее 24-летняя дочь, инженер на заводе. В двенадцатиметровой комнатке на кровати спал 27-летний брат Димы, тоже инженер на заводе, а мы с ним спали под обеденным столом на ватном одеяле. Дима мне говорил, что обычно он спит на одной кровати с братом, у них есть еще раскладушка.

Дима многое показал мне в Ленинграде: Исаакиевский и Казанский соборы, Адмиралтейство. Мы бродили по берегам Невы, Фонтанки и Мойки, проходились вдоль многих каналов. Целый день посвятила экскурсии по Эрмитажу, пройдя незначительную ее часть.

Любовались памятником Петру I, который одной рукой показывал на здание бывшего сената, а другой рукой – на Неву. Ленинградцы тогда говорили, что этим император предупреждает жителей города, что лучше утопиться в Неве, чем судиться в сенате или суде.

Мы с Дмитрием и его матерью побывали на заснеженном Пискаревском кладбище с расчищенными дорожками к братским могилам. Пискаревское кладбище, как мемориал, было открыто совсем недавно, весной 1960 года. В музее мемориала читали дневник погибшей во время блокады девочки-блокадницы Тани Савичевой.

Мы побывали на нескольких новогодних елках, там я занимал первое место по кручению шпакета на палочку, получил несколько подарков. Мы ходили в Кировский театр, где смотрели спектакль «Оптимистическая трагедия», который я запомнил на всю свою жизнь. Поездка в Ленинград открыла мне глаза на жизнь в городе, которую я сравнивал с жизнью в деревне. Мне Ленинград очень понравился, но уезжать из деревни тогда я еще никуда не хотел, очень любил свою деревню и просторы вокруг нее.

Потом Дима несколько раз летом приезжал в нашу деревню, мы с ним спали на душистом сеновале при свежем воздухе. Днем бродили по полям, купались в речке, ловили рыбу, ходили в лес за ягодами и грибами. Были заняты с раннего утра до позднего вечера, ему очень нравилось в деревне.

В детстве я боялся фотографий, на которых родственники склонялись над гробом с покойником, лицо которого было хорошо видно. Такие увеличенные фотографии в рамках почему-то висели над кроватями почти в каждом доме. В деревне самыми уважаемыми людьми были священники и учителя. Но роль священников к тому времени уже не стало, оставались учителя, их слово для учеников и их родителей было непререкаемым. Если дома ученик начал в чем-то упрекать учителя, то родители никогда не вставали на сторону ребенка, объясняя ему, почему прав учитель.

Перед тем, как мне идти в пятый класс, моя мать долго беседовала со своей бывшей учительницей русского языка и литературы Верой Алексеевной Лебедевой. Они вспоминали, как моей матери трудно давался русский язык, так как до школы она не знала ни одного русского слова. Мать просила Веру Алексеевну обратить на меня внимание, вовлекать в литературные чтения, а та советовала, чтобы я больше читал книг, а также изучал правила правописания.

Мать хотела, чтобы я хорошо усвоил русский язык, поступил учиться дальше и жил в городе. По ее мнению выйти в люди можно только в городе. Дома между собой родители говорили только по-карельски, но со мной говорили только по-русски. Они хорошо знали историю «карельского дела», так как односельчанин матери Беляков Иван Степанович, будучи первым секретарем окружного комитета ВКП (б) Карельского национального округа, был в 1938 году арестован. Его родители и дочери рассказывали деревенским жителям эту историю, мать ее знала. Мать и отчим не хотели для меня каких-либо неприятностей, соглашаясь даже забыть свою национальность и называть меня русским. На улице я постоянно слышал карельскую речь, так как русских в деревне почти не было.

Русской у нас в деревне была одна бабушка Ульяна, ее привел после Гражданской войны из русской деревни Ножино, чтобы в 7 километрах от нашей, Нетрусов Иван. Она постепенно научилась карельским словам и могла общаться в семье мужа. Так как Нетрусовых в деревне было несколько семей, Нетрусова Ивана и всех его детей стали называть по имени жены Ульяновыми, из молодых жителей деревни мало кто знал их настоящую фамилию.

Старший брат моей матери Визюркин Михаил в 1936 году женился на русской девушке из деревни Рудихово Краснохолмского района и привел ее в свою деревню Поцеп. По-карельски она не говорила, но карельскую речь со временем хорошо понимала. Старшая сестра моей матери Анастасия в 1937 году вышла замуж за русского в деревню Зобищи Бежецкого района. Она окончила 7 классов школы и хорошо владела русским языком. А моя мать и ее младшая сестра Александра вышли замуж за карел в деревню Петрайцево.

Было удивительным то, как горстка карел в 13 деревнях среди русского населения такое длительное время, более 300 лет, сохраняла родной язык. Они говорили и думали по-карельски. Странное впечатление производила карельская речь в глухом центре России, в 200 километрах от столицы для тех, кто приезжал в карельские деревни по каким-то делам. А наше поколение уже начинало не только говорить по-русски, но и думать по-русски, мысленно переводя карельскую речь родителей на русский язык.

Деревенское детство

*«Так у нас ведут хозяйство,
так работы выполняют».
(«Калевала», песнь 23, стр. 265.)*

Мое детство длилось пятнадцать лет, сначала до 5 лет голодное и бедное, с пяти до 15 лет – счастливое и радостное деревенское детство. Когда мы жили вдвоем с матерью, дома не было хлеба, ели «дуранду» – лепешки и караваи из льняного жмыха, из которого выжали льняное масло. Особенно было плохо зимой, летом было легче. Голодное детство давало большую волю фантазии: ребяташки перепробовали на язык всю зелень и все ягоды. С пяти лет я почти постоянно был в лесу и на реке.

Сразу же, как сходил снег, шли в лес в поисках первых грибов – сморчков и строчков. Они росли порою на солнечных полянах, когда вокруг поляны еще лежал снег. На солнце пеке вырастала первая крапива. Щи из первой крапивы, которые спасали от голода и многих болезней, остались одним из моих любимых блюд. Молодая крапива, картофель, морковь, лук, да одно яйцо на человека и получались замечательные щи. Ранней весной бегали на поля, ели

стебли хвоща, называли их «опестыши». Потом подрастала заячья капуста и щавель. Из щавеля обязательно варили зеленые щи. Ели корни осоки – белые и сочные. Летом на берегах рек росло вдосталь будок, их очищали от кожуры и наслаждались зеленой мякотью.

Затем уходили на горох, гороха с овсом сеяли тогда много. Ребятишек, выгоняли с полей не потому, что было жалко гороха, а просто много топтали гороха и овса, которые назывались «ви́ко-овсяная смесь». Ели зеленые яблоки, с которых только успел опасть цветок, зеленый крыжовник, смородину. Удивительно, как это все переваривалось в детских желудках, когда эту зелень дома запивали молоком, простоквашей, сывороткой и другими молочными продуктами. Молоко от своей коровы я стал пить, когда в 1956 году пошел в первый класс.

Первая корова по кличке Субботка у нас появилась летом 1955 года, ее телкой купили в деревне Сулежский Борок, отелилась она в феврале 1956 года, с тех пор в течение 40 лет у нас было четыре коровы – две Субботки, Нежданка и Жданка. В 1964 году ожидали бычка, а Субботка принесла телочку, ее решили оставить на племя, назвав Нежданкой. Когда ей было около 10 лет, ожидали телочку, а она все приносила бычков, и уже на 12-ом году принесла, кого ждали, назвав Жданкой. Последняя корова у нас тоже была Субботка, ее пришлось уже мне отвозить на мясокомбинат в город Бежецк, после смерти отчима в 1996 году. Когда прощались, плакала мать, которая не в силах была одна держать корову, и плакала корова Субботка.

Каждую корову родители выбирали по звездочке на лбу. Если звездочка находилась ниже глаз, то корова хорошая и даст много молока. Если звездочка между глаз – средняя корова, а выше глаз – корова будет давать мало молока. Я видел, что каждый раз, через неделю после отела, мать окуривала корову кадилом. В кадило она клала горячие угли из печи, на них ягоды можжевельника и дымом окуривала корову, проходя вокруг нее три раза. После окуривания коровы, взрослые начинали есть молоко от нее, а детям разрешали есть его еще через неделю.

Будучи взрослым, я узнал утверждение ученых-генетиков, что после 14 лет большинство русских людей перестают усваивать молоко. А представители финно-угорских племен, наоборот, хорошо усваивают молоко с детства до старости. Эта особенность возникла давно, еще у древних финских племен, которые занимались скотоводством, и передается из поколения в поколение. В то же время финно-угры генетически не усваивают алкоголь. Судя по любви к молоку жителей наших карельских деревень от рождения до старости – утверждение ученых-генетиков близко к истине.

В 1955 году в колхозе на трудодень давали 60 копеек, тот, кто работал каждый день без выходных, по итогам года получал 219 рублей, что после денежной реформы 1961 года составляло 21 руб. 90 коп. Билет на двоих до Ленинграда и обратно стоил тогда 240 рублей, больше годовой зарплаты одного колхозника.

В 1956 году реабилитировали часть граждан, расстрелянных в годы «большого террора». Семьям расстрелянных заплатили компенсацию по 650 рублей за человека. На эти деньги можно было купить ватник или теленка.

Какие развлечения были зимой в заснеженной дикой деревне? Молодежь собиралась на беседы в нанятой избе, сюда приходили парни и девки из других деревень, что в 1—2 километрах. Играла гармошка, плясали «ланцею» и «русского», влюблялись. Женщины собирались у кого-то из них на посиделки, захватив с собой прялки, слушая пластинки на патефоне с песнями Лидии Руслановой. Мужики собирались группами в одном или двух домах поговорить, покурить, почитать дошедшую до деревни газету, да обсудить насущные хозяйственные вопросы.

Веселее стало с 1957 года, когда провели радио, и можно было слушать новости в стране и мире, репортажи с футбольных полей, радиоспектакли и классическую музыку. С 1963 года в домах стало светлее, провели электричество, а через год у кого-то стали появляться первые небольшие черно-белые телевизоры с постоянными помехами и рябью.

Работы в деревне было много круглый год. Зимой – это постоянный уход за колхозным и личным скотом: раздать корма, напоить, подоить коров, убрать навоз. Ночные дежурства во время массовых отелов коров, приплода овец, лечение маленьких телят и ягнят. Сено и клевер колхозному скоту на фермы возили из стогов и сараев. Туда же привозили силос из силосных ям, с трудом добывая его, иногда с применением лома. Льнотресту зимой вывозили на лошадях на льнозавод за двадцать километров.

Радость деревенской жизни была не в потехах и праздниках, которые тоже отмечали, а в постоянной работе, порою тяжелой и длительной с раннего утра до позднего вечера, после которой оставалось время лишь на сон. День в деревне начинался рано, мать летом вставала в четыре часа, а зимой в пять часов. Сразу же затапливала большую русскую печь, пока она топилась, мать доила корову, поила из ведер и задавала корм овцам, телят и корове. В шесть часов вставал отчим, уходил на ферму, поил и задавал корм колхозным телятам, за которыми ухаживала мать. На обратном пути приводил к дому лошадь и запрягал ее. Пока лошадь хрумкала сено, мы все вместе завтракали.

Я просыпался полседьмого, проснувшись, еще некоторое время лежал, слушая в тишине тиканье маятника настенных часов. Печь к завтраку уже протапливалась, на красные угли мать ставила железные листы с *обарниками* – булочками из серой ржаной муки, которые быстро пеклись на углях. Или на этих красных углях мать пекла блины, ставя специальным ухватом поочередно две сковородки. Обычно красные угли после топки из печки сгребали в жаратки – углубления в боковых стенках на шестке. Под печи становился гладким, на него ставили чугуны и чугунки со щами, с мясной и грибной тушенкой, разными кашами, с молоком для его топления, простоквашей для творога, а также чугуны для подогрева воды. В тот день, когда была истоплена печь, в деревенском доме всегда могли накормить, кроме семьи, троих-пятерых неожиданных гостей.

Хлеба пекли много, по 8 – 10 буханок, его хватало на 4 – 5 дней. Чаще всего хлеб получался коричневатый, когда не было дрожжей и настаивали тесто с вечера в квашне на закваске. Хлебом баловали телят, корову и лошадь. Когда пекли хлеб, над всей деревней по утрам разливался вкусный-превкусный сладковатый запах дыма.

Если на углях хотели печь блины, оладьи или булочки-обарники, то холодные угли выгребали из жаратков и бросали на красные, чтобы они нагрелись, потом равномерно распределяли по поду печи. На угли ставили железные листы с обарниками, на сковородках пекли блины. Угли из жаратков использовали также для разогрева самоваров.

Позавтракав булочками или блинами с молоком, сметаной, творогом или вареньем, попив из самовара чаю, мы расходились по своим делам. Отчим на лошади ехал за сеном, соломой или грузить тресту для завтрашней поездки на льнозавод. Мать шла посмотреть на ферму, что там нужно делать. Я же в семь часов утра шел к кому-то из своих одноклассников, и мы бодро шагали по деревенской улице в школу. Со стороны леса деревня была ограждена изгородью из еловых жердей, которая называлась «околица».

Мылись в печках, бань в наших деревнях не было до 1960-х годов, у нас общественную баню построили в 1962 году. Накануне женщины обметали печь от сажи. Утром топила жарко, больше обычного подкидывая дров. Ставили большие чугуны с водой. Варили «щелок», хорошо просеянную золу засыпали в чугун, заливали водой и ставили в печь. Мыться начинали после пяти часов вечера. Вытаскивали ухватом из печи чугун со «щелоком», сливали воду, сколько могли. Запасали много холодной воды. Первыми забирались в печь по очереди мужчины, пока было очень жарко. На под печи постилали свежую солому, туда ставили или деревянную шайку с теплой водой, или чугун.

Отчим обычно наполовину прикрывал устье печи заслонкой, чтобы было жарче, и начинал хлестать себя веником. Потом мылся с хозяйственным мылом, стараясь стряхивать воду

с ладоней в чугунок, чтобы меньше лить на под печи. Напарившись, он открывал заслонку, звал мать и ложился на живот на шестке, она начинала хлестать веником его спину.

Потом отчим снова садился в печке и мыл голову «щелочью». После этого вылезал из печи и обмывался в корыте, которое стояло возле устья печи в чулане. Надевал чистое белье и садился пить чай, выпивал по шесть – восемь стаканов. На столе стояла сахарница с большим куском сахара и маленькими щипцами. Отец щипцами колот сахар на мелкие кусочки, с одним таким кусочком выпивали целый стакан, а то и два стакана чаю, наливая его в блюдце, и держа его тремя пальцами.

После отчима мылась мать, она брала меня с собой до шести лет, потом меня в печке мыл отчим. В больших семьях каждая из женщин брала с собой в печь мыть ребенка, иногда сразу двух детей.

Деревенские люди так привыкли мыться в русской печке, что почти не задевали за ее стенки, потолки и не мазались сажей. Порою продолжали там мыться, когда уже была общая баня. Другое дело, когда начинали мыть гостей из города. Они, особенно дети, вылезали из печи, измазанные сажей. Приходилось отмывать их в корыте с мылом или щелоком. После мытья солому выгребали и выбрасывали во двор на подстилку скотине. Весь дом был заполнен запахом веников, соломы и чистоты. Мне пришлось мыться в русской печке до 12 лет, пока в деревне не построили общую колхозную баню.

Приготовленным щелоком не только мыли голову и мылись сами, но и стирали в корыте белье в теплой воде. Зимой я отвозил корыто с бельем на санках на пруд «Часовенка» или «Шави-прувду» в конец деревни, где мать его полоскала. В прудах уже были проруби для полоскания белья. Рядом с прорубью я маленьким топориком делал углубление.

Прополоскав с помощью кичиги – палки с утолщением и изгибом на ее конце, что-то из белья, мать складывала его в углубление. Наполнив его бельем, начинала толочь его кичигой, и так происходило 2—3 раза, прополоскав белье третий раз, мать складывала его в корыто. Потом из углубления вычерпывала грязную воду и засыпала его чистым снегом. После этого подобным образом полоскала очередную порцию белья, к концу полоскания ее руки были красными от мороза.

Дома мать развешивала белье на улице, и оно на морозе промерзало целую неделю. После этого белье сушили дома, раскатывали его вальком, складывали стопкой и убирали в сундук до следующего нашего мытья в печке.

В нашей деревне редко кто пускал телят, поросят или баранов на полную зиму, много нужно было им корма. Обычно резали их на зимнего Николу 19 декабря или, в крайнем случае, на Сретенье, 15 февраля. Деньги в деревне по итогам года первый раз после войны выдали в 1955 году, с того времени мои родители перед Сретеньем (15 февраля) ежегодно ездили в Ленинград закупать продуктов. Подготовка к поездке начиналась за неделю, резали телят или двух баранов. Рубили мясо на куски и аккуратно укладывали их в большой фанерный чемодан, на дно которого в два слоя была постелена белая простынь, ею же закрывали мясо сверху. Тяжелый чемодан с мясом до отъезда волокли в кладовку. В другой такой же огромный чемодан складывали на продажу лук.

Кто-то из родственников на лошади провожал родителей до станции Дор за девять километров. Там родители садились в общий вагон поезда Москва-Ленинград Северной железной дороги и, через Пестово и Мгу, приезжали прямо на городской рынок. Там они продавали мясо и лук, потом ехали к сестре матери. У нее гостили несколько дней, закупали продуктов, лыжи, велосипеды, одежду.

Когда деревенские жители ездили в Ленинград к своим родственникам, видели, как те, бедные, маялись в маленьких комнатках коммунальных квартир с общей кухней. Как они считали каждую копейку, когда при маленькой зарплате нужно было покупать овощи, фрукты, мясо и молочные продукты, которых в деревне в избытке.

В нашей семье так завелось, что отмечали религиозные праздники, а дни рождения ни детей, ни взрослых не отмечали. Скорее всего, это происходило из-за отсутствия денег, их ведь начали платить только с июля 1966 года, когда я уже перешел учиться на третий курс в техникуме. Но после продажи лука и мяса из Ленинграда обязательно привозили подарки. Первыми подарками у меня были лыжи и детский двухколесный велосипед. Потом купили подростковый велосипед, а затем – взрослый.

После того, как летом 1966 года в деревне стали каждый месяц давать месячную зарплату, к концу года в зимней избе нашего дома две лавки, стоявшие вдоль стен, заменили купленными в магазине четырьмя стульями. Под божницей установили комод с ящиками для белья, в следующем году на нем поставили купленный телевизор. У задней и боковой стены стояли два фанерных гардероба с одеждой. У переборки в чулан стоял самодельный кухонный шкаф, который еще в 1956 году смастерил отчим. Нижняя часть этого шкафа закрывалась наглухо двумя дверцами, дверцы верхней части были со стеклами.

Спали на железных кроватях с сетками, на которых укладывали тюфяки и одеяла, накрывали их покрывалами, и несколько пышно взбитых подушек. Подушки покрывали белыми тканевыми накидками с выбитыми на них ажурными узорами по краям и в центре. На окнах висели легкие занавески с ажурными кружевами. Тяжелый чугунный угольный утюг был заменен на легкий, электрический.

Тогда же керосинки и керогазы были заменены газовыми плитами, установленными в чуланах. Газовый баллон устанавливали на улице в металлическом ящике, напротив чулана. Отработанные газовые баллоны на лошадях отвозили для обмена на центральную усадьбу колхоза в деревню Бережки.

К зиме готовились основательно: замазывали глиной пазы между бревнами, вокруг домов до окон и выше делали «опелётки» из соломы или осоки, придавив ее жердями или тонкими столбами. В окна вставляли вторые рамы, между рамами на подоконник укладывали мох, который украшали гроздьями рябины и калины. Полы устилали сплошь домоткаными половиками. Устанавливали металлические лежанки, которые топили на ночь, у кого их не было, то русскую печь протапливали второй раз на ночь.

Сельповский магазин в Карело-Кошеве снабжал товарами первой необходимости жителей всех окружающих карельских деревень вплоть до смерти многих из них. Жители ближайших деревень Бережки, Шейно, Гремячиха могли чаще приходить в магазин пешком с котомками, загружая их товарами. Из дальних деревень, что в 3—4 километрах, в магазин приезжали нечасто, и на лошадях. После получения денег по итогам года закупали мешок сахарного песка, много соли, бидон керосина, а также подсолнечное масло, селедку, вино. Потом долго не приезжали в магазин, пока не появлялись деньги.

С лета 1966 года, когда в деревне стали платить ежемесячную зарплату, по заявкам колхозников в сельский магазин стали привозить одежду и мебель. Продавец магазина занимал высокое положение в деревне, он по авторитету был вторым после председателя колхоза, авторитет председателя сельсовета, помня время коллективизации и раскулачивания, был значительно ниже. Продавец мог оформить в кредит что-то из мебели, одежды, продать товар из-под прилавка, оставить его знакомым или продать им вне очереди. Карелы окрестных деревень называли продавца магазина прежним словом «приказчик».

После Великой Отечественной войны наши родители оставались активными членами-пайщиками сельпо. Отдельной организацией в системе райпотребсоюза была заготконтора, которые заключали договоры на заготовку разного сырья. Еще после войны в наших деревнях появлялись заготовители, закупая тряпье, кости, бумагу, шкуры животных. Они заключали договоры со школами и нашими родителями на сбор сырья.

Нам, послевоенным ребятишкам, школьные учителя и родители поручали сбор лекарственных трав: мать-и-мачеху, подорожник, иван-чай, зверобой, полевую душистую и аптеч-

ную ромашку и другие. Мы сушили эти травы и относили в школу. Кроме лекарственных трав по весне, в марте-апреле, мы собирали почки березы, сидя высоко на дереве. Заготавливали кору ивы в местных болотцах, которую родители сами отвозили целыми возами за 20 километров в заготконтору райпотребсоюза.

С первыми колхозными пенсиями, назначенными в 1965 году, возникла явная несправедливость, из-за которой в скором времени многие молодые семьи уехали жить в совхозы под Ленинград. Незадолго до ее назначения, в 1962—1963 годах, самые отстающие колхозы в каждом районе преобразовали в совхозы. Передовые остались колхозами, первая пенсия колхозникам была установлена по 12 рублей в месяц. А пенсионеры бывших беднейших колхозов, ставших совхозами, начали получать пенсию по 30 рублей в месяц. Начинался новый этап в жизни деревни, когда деньги были, а покупать было нечего, стало развиваться пьянство. Почти каждая деревенская семья относилась излишки денег в сберкассу, они в 1990-е годы пропали у крестьян, оказавшись в руках разных проходимцев, вдруг ставших миллионерами.

Памятные рассказы

*«Далеко несутся вести,
слух расходится повсюду...»
(«Калевала», песнь 3, стр. 34)*

Я многое узнал о советском прошлом деревни и страны от бывшего хозяина нашего дома Василия Васильевича Паскина, который приезжал посмотреть на свой дом зимой 1960—1961 года. Я тогда учился в пятом классе Карело-Кошевской семилетней школы. Вечерами в нашем доме собирались молодые мужики и слушали дядю Васю, которого уже мало кто помнили из мужиков и женщин. Но его хорошо знали и помнили оставшиеся в живых старики и старухи. В. В. Паскин первым в нашей деревне назвал Сталина «извергом и тираном».

До Октябрьской революции он жил с семьей на краю деревни в сторону Поцепа, хозяйство было крепким. В 1917 году, после смерти одного хозяина, Паскин купил у его наследников второй дом в центре деревни. В 1918 году полностью его разобрал, и на этом месте построил совершенно новый дом-пятистенки. За огородом построил житницу для хранения зерна, а на усадьбе – два сенных сарая. За усадьбами на пригорке построил новую ригу. В 1931 году дядю Васю вместе с семьей выселили в Казахстан, а дом со всеми постройками, скотом и сельхозинвентарем забрали в колхоз. В нем сначала был колхозный детский сад, а потом – правление колхоза. Где-то в 1937 году этот дом выкупила у колхоза моя бабушка по отцу Иринья Тимофеевна.

Дядя Вася похвалил отчима за то, что он подрубил дом и содержит его в исправности, хотя дому тогда было 43 года. Он вспоминал, как раскулачивали и отправляли в Сибирь его вместе с семьей весной 1931 года. У него было шесть малолетних детей, да жена-инвалид. Сначала был раскулачен в 1930 году, у него отобрали все, что можно было отобрать, оставив семью на голодное существование. Но этим не успокоились, 8 февраля 1931 года Душковский сельсовет дал ему твердое задание сдать государству одну корову, одного теленка, один центнер льносемени, десять центнеров клевера, пять центнеров соломы, тридцать центнеров сена, два центнера ржи, четыре центнера овса, четыре центнера картофеля, один центнер льноволокна.

На другой день, 9 февраля 1931 года собрались на свое собрание все жители деревни, чтобы поддержать Паскина, который сам стал голью перекаточной, ничего не имея, кроме дома да детей. Жители деревни просили уполномоченного по коллективизации прокурора Голубева не выселять семью Паскиных, которая уже стала нищей, власть взяла у них все, что могли. На этом собрании жителей поддерживал и пытался защищать семьи Паскиных, Ивановых

и Прохоровых председатель Душковского сельсовета П. П. Костров, молчал секретарь сельсовета И. Д. Баруздин. Лишь недавно вернувшийся из Ленинграда Михаил Майоров требовал раскулачить Паскиных, Ивановых и Прохоровых. Он агитировал жителей деревни за вступление в колхоз.

Сонковский райисполком оставил жалобу Паскина и просьбу жителей без удовлетворения. Когда представители власти вместе с милицией приехали забирать семью для высылки, Паскин истошно кричал: «подавитесь домом и сараями вместе с ригой. Все равно все пропъете да проедите, все у вас прахом пойдет. А вот руки мои да голова со мной останутся, я не пропаду!»

Позднее Петр Петрович Костров из деревни Поцеп пострадал за то, что защищал на собраниях зажиточных крестьян и крепких хозяев. Благодаря ему, не были выселены из своих деревень Дмитрий Иванович Иванов из деревни Петряйцево и Николай Дмитриевич Соколов из деревни Поцеп. За то, что он «не вел работы по очищению колхозов от кулацких вредительских элементов» Кострова исключили из партии коммунистов и сняли с должности председателя Душковского сельсовета.

Дядя Вася рассказывал почему-то нам о Колыме, о людях, с которыми пришлось ему встречаться в ссылке. Говорил, что многих единоличников и политических заключенных в начале тридцатых годов направляли на Колыму, где открыли залежи золота, нужны были рабочие руки. Создали трест «Дальстрой» по добыче золота, директором треста назначили какого-то Берзина. На Колыму поступали новые и новые партии заключенных. Многие из них умирали от побоев, холода и голода.

А его семью привезли на жительство в Казахстан, куда именно, я уже не помню. Дядя Вася говорил, что через Казахстан поезда с заключенными шли на Дальний Восток примерно так же, как воинские эшелоны шли на запад во время Отечественной войны 1941—1945 годов.

Шла одна волна репрессий за другой: тех, кто арестовывал и расстреливал, через некоторое время признавали «врагами народа» и самих направляли в лагеря или расстреливали. Родителей разлучали с детьми, братьев и сестер друг с другом. Люди, умирая, так и не понимали, за что их выслали с родины, и за что они умирают. В пути и в местах временного расселения было много больных, особенно детей, распространялись: корь, скарлатина, воспаление легких, дизентерия. В вагонах и помещениях для временного размещения находилось много народа, питание плохое, лекарств и врачей не было. В Казахстане эшелоны с переселенцами принимали спецкомендатуры, на разгрузку одного эшелона отводились не более трех часов.

Из рассказа В. В. Паскина помню, что в Казахстане сначала они жили в землянках, потом он построил для своей семьи хороший дом, в котором прожил до 1947 года. В том году он продал дом в Казахстане, переехал с семьей в город Сестрорецк Ленинградской области, где опять выстроил дом, лучше, чем был в Казахстане и в деревне Петряйцево. И вот решил на старости лет побывать на своей родине, посмотреть родную деревню и рассказать о своей судьбе.

Дядя Вася рассказал, что когда он ехал на поезде из Ленинграда сюда, на свою родину, в Пестове рядом с ним сел один мужчина. Они разговорились, тот тоже оказался карелом, высланным с родины, но по другим причинам. Сам он родом из карельской деревни Остречиха, что в Сандовском районе. Сначала районный центр был в селе Сандове три года с 1929 по 1932 годы. В 1931 году недалеко от этого села вблизи станции Дынино обнаружили гравий хорошего качества. Поэтому районный центр из села перенесли в деревню Орудово при железнодорожной станции Сандово в том же 1932 году. А село Сандово переименовали в Старое Сандово.

Я слушал дядю Васю с открытым ртом, мать просила всех говорить по-карельски, чтобы ребенок ничего не понял. Она даже не подозревала, что я все хорошо понимаю и на карельском языке.

Как я понял из рассказов жителей деревни, в доме В. В. Паскина, после его раскулачивания, в 1931 году организовали деревенский детский сад, но он был недолго. Продукты для детского сада приносили из колхоза, но воспитателем там быть никто не соглашался. Потом в доме сделали правление колхоза. Когда председателем колхоза в 1937 году избрали Майорова Дмитрия Яковлевича, он перевел правление колхоза в свой дом, а дом Паскина стал пустовать.

Жена умершего в 1936 году от болезни моего деда Головкина Якова, бабка Иринья выкупила этот дом из колхоза. Она переселилась сюда с краю деревни жить вместе со своими сыновьями Михаилом, Николаем и Петром. Дочь Пелагея была уже замужем в деревне Душково, вторая дочь Анна после смерти отца уехала жить в Ленинград. Вскоре сын Михаил женился, они вместе с женой стали жить в Петрайцево. Жена Михаила работала счетоводом в колхозе, была членом партии. В начале войны Анна вернулась из Ленинграда с маленькой дочерью, они жили в этом же доме, а уже после войны перешли в дом на краю деревни. После ареста сына Николая в 1950 году бабка Иринья ушла жить к своей дочери Анне и жила там до своей смерти в 1952 году.

Позднее, изучая архивные документы, я узнал, что недалеко от станции Дынино создали лагерь заключенных между бывшим районным центром и деревней Агафоново. В этом лагере содержали около 30 тысяч заключенных, которые стали осваивать месторождение гравия. Этим гравием с Дынинской, Мухинской, Старосандовской и Сивцевой гор в 1934—1937 годах выложили весь канал Волга-Москва. Для многих заключенных лес между Старым Сандовом и Агафоновым стал могилой. Местные жители стали называть оставшиеся после разработок гравия карьеры «Проклятыми горами».

Начиная с 1931 года, сразу после обнаружения гравия из окружных карельских деревень Большая Попиха, Малая Попиха, Григорцево, Дымцево, Туково, Благовещение, Остречиха стали вывозить семьи крестьян в Семипалатинскую область. Всего из этих деревень вывезли 64 семьи, в том числе и семью этого мужчины, остальные семьи переселили в другие русские деревни. Теперь он переехал жить в поселок Пестово, и ехал на родину навестить могилы своих предков.

На пересыльных пунктах в 30-е годы судьба столкнула дядю Васю с одним карелом из Овинищенского района Пьяновым Власом Степановичем. Тот рассказал, что родом из деревни Вяльцево Быковского сельсовета. Его признали зажиточным и в 1931 году приговорили к 3 годам лишения свободы. Вспомнил о том, как встретили коллективизацию в их районе, а также в соседних Сандовском и Вельегонском районах.

В марте 1930 года активно выступили жители карельского села Залужье Топалковской волости Сандовского района. Они требовали выпустить всех арестованных и восстановить их в правах, восстановить и возратить населению разрушенные церкви, вселить в свои дома всех раскулаченных, возратить старым владельцам все маслобойки, мельницы и конезаводы, выселить из деревни всех коммунистов и посадить весь их актив.

В Международный женский день 8 марта 1930 года перед зданием райисполкома собралась толпа граждан около 2-х тысяч человек. Мужчины были вооружены топорами, а женщины – кольями. Пытавшегося выступить председателя Сандовского райисполкома толпа скинула с подмостков. Митингующие выдвинули требования: неприкосновенность личности и жилища, свободу слова и собраний, прекращение гонений на религию, освобождение из-под ареста священнослужителей и крестьян, не совершивших уголовные преступления, привлечение к ответственности тех, кто угрозами и насилием загонял в колхозы женщин Сандовского района. Одновременно в тот день митинги прошли в деревнях и селах района, в них приняли участие до шести тысяч человек.

Такие же выступления в феврале-марте 1930 года прошли в крупных карельских селах Чамерово и Кесьма Весъегонского района. На подавление бунтов из Бежецка и Москвы прибыли милиционеры и целые воинские подразделения. Пересажали в лагеря почти всех мужиков из Сандовского и Молоковского районов. Он, Пьянов, оказался среди них.

Работая с архивными материалами через полвека после этой встречи, я узнал из них, что Паскин Василий Васильевич, 1893 года рождения, уроженец и житель деревни Петрайцево Бокаревской волости Бежецкого уезда, крестьянин-единоличник, был обвинен по ст. 58 п.п. 10, 11, арестован 25 февраля 1931 года. Приговором тройки ОГПУ по Московской области от 20 апреля 1931 года он вместе со всей семьей был выслан в Казахстан сроком на 3 года. Такова была политика коммунистической партии и советского правительства, направленная на государственный разбой в отношении крестьянства под вывеской «раскулачивание».

Учеба в школе

*«Никогда в былое время
мать ума не занимала,
не просила у соседей».
(«Калевала», песнь 32, стр. 385).*

В 1956 году я пошел в первый класс Карело-Кошевской семилетней школы. Начальная школа размещалась в здании бывшей церковно-приходной школы, построенной еще до 1885 года. При нас начальная четырехлетняя школа была с двумя совмещенными классами, учительской, жилой комнатой учительницы Тамары Павловны Румянцевой с семьей, и маленькой кухней. Из коридора дверь вела в большой класс, где учились второй и третий классы. Через этот класс можно было пройти в наш класс, где вместе с нами, первоклассниками, обучался и четвертый класс.

В нашей деревне тогда было 32 дома, 110 жителей, из них более четырех десятков детей дошкольного и школьного возраста. Вместе со мной в школу ходили 27 учеников из одной нашей деревни. Только через три года после войны стали отходить от физических и душевных ран вернувшиеся деревенские мужики. Кто-то из них отходил после ранений и болезней, кто-то после голодных лет плена, находясь там, на пороге жизни и смерти. Да и окрепнуть сразу не смогли в голодной послевоенной деревне, понемногу приходя в себя через 2—3 года после войны.

В 1949 году деревенские бабы выстрелили, как из автомата, родив сразу 13 детей в одной нашей деревне, через полтора-два года – еще половину того. Родильный дом тогда располагался в деревенском доме в деревне Калиниха, что в семи километрах от нашей деревни.

Еще до школы наши одноклассники Нетрусов Валера вместе с родителями уехал жить в Ленинград, Малинин Вова – в Мурманск, приезжая каждое лето к своим бабушкам в деревню. А мы, оставшиеся 11 одноклассников, 1 сентября 1956 года дружно отправились учиться в первый класс Карело-Кошевской семилетней школы.

Родители работали в поле, им было некогда провожать нас в первый класс школы. Они просили кого-нибудь из старшеклассников позаботиться о нас. Шефство надо мной взяла Румянцева Нина, которая училась в шестом классе. В первые учебные дни она утром приводила меня в класс, а после уроков – домой. Через неделю мы вместе с одноклассниками освоились и ходили в школу уже самостоятельно без провожатых.

Выходили из дома рано, часа за два до начала занятий, до школы было три километра. Пройдя с километр до Душкова, мы садились на бревна под окнами у дома Моревой бабы Паши и слушали по радио «Пионерскую зорьку», она начиналась в 7 часов 40 минут и шла до 8 часов. Отдохнув, шли дальше, на уроки никогда не опаздывали. По пути в школу, в Душ-

кове к нам подсоединялись местные мальчишки и девчонки. С утра до вечера в деревне слышались веселые голоса детворы, деревня жила заботами о детях. Школьная жизнь была интересной и насыщенной.

Пока учились в начальных классах, зимой нас иногда довозил до школы молоковозчик Старшов Петр вместе с бидонами молока, перевязанными веревкой в передке саней. Мы рассаживались на бидоны или пристраивались, свесив ноги сзади и по бокам саней. Молоковозчик возил молоко на молокозавод за 11 километров в село Головское. О том, что там, на кладбище похоронен министр путей сообщения царской России М. И. Хилков, а также весь род Неведомских, мы тогда и понятия никакого не имели. При советской власти молокозавод разместили в разрушенной церкви, кладбище уничтожили, разрушив все могилы.

Иногда во время сильных морозов или выюг нас отвозили в широких санях-розвальнях кто-то из наших родителей. На сани укладывали поддон, сплетенный из длинных ивовых или черемуховых прутьев. Он был сделан по форме саней – спереди узкий и высокий, а сзади – широкий и плоский, у нас его называли «кошева» или «постельник».

Детей или гостей при встрече сажали на охапку сена в передок этого поддона спиной к лошади. Укутывали в тулуп, поднимали воротник, было тепло и удобно. Возница сидел в задней части саней лицом к лошади, не обращая внимания на летящие из-под копыт комья снега.

В начальных классах придавали большое значение красивому почерку, по которому судили о грамотности человека. Для этого в школе был введен урок чистописания, на котором каждая буква выводилась, соблюдая наклон, нажим пера и переходы от буквы к букве. Писали мы перьевыми ручками с тонким пером «звездочка» или «комарик». Перо с утолщением на конце «лягушка» нам разрешили использовать с пятого класса.

Нужно было писать не только правильно и красиво, но так аккуратно и осторожно, чтобы не поставить кляксу на тетрадный лист. Макнешь мало чернил, они быстро кончались, не успеешь написать одну-две буквы. Макнешь много чернил, только успеешь донести ручку до тетради, как посадишь на лист кляксу. Но большинство из нас приноровилось писать ручкой с пером аккуратно, красиво и правильно. Чаще всего, когда заканчивалась 24-страничная тетрадь по русскому языку, математике или чистописанию, на ее листах не было ни одной кляксы, лишь чувствовался кислый запах чернил.

Во всех классах у меня были хорошие и отличные оценки. На уроках арифметики нам попадались задачи, где нужно было ответить на вопрос: за какое время из ванны выльется вода, если наливается столько-то литров в минуту, а выливается столько-то? У нас, деревенских мальчишек, было больше вопросов к учительнице, чем у нее. Что такое ванна? Откуда туда льется вода, если ее черпают ведром из колодца? Куда выливается вода, когда ее выливают на помойки? Наша учительница начальных классов Антонина Федоровна Ботина, направленная к нам из города Рыбинска, подробно все объясняла.

Однажды была сильная февральская метель, я ходил тогда в третий класс. Из деревни в школу мы пошли вдвоем с Нетрусовым Володей, с трудом прошли деревню Душково, никого из школьников по дороге не было видно ни спереди, ни сзади. Когда вышли из-за дома Баруздиных в деревне Шейно, сильный порыв ветра уронил нас в снег. Но мы упрямо добрались все-таки до школы. Никого из учеников в школе не было, в учительской сидели три учительницы – Тамара Павловна, которая учила второй и четвертый классы, Галина Васильевна Грачева, обучавшая первый класс и наша учительница Антонина Федоровна Ботина. Услышав наши шаги, они очень удивились, что мы такие маленькие вдвоем добрались до школы в сильную метель. Нас они напоили чаем с вареньем и отправили обратно домой.

Когда перешли из начальной школы в семилетнюю, сильно повезло в том, что русский язык и литературу преподавала учительница Лебедева Вера Алексеевна – дочь священника. С ней мы пропадали в школе допоздна: рисовали стенгазеты, готовились к литературным вечерам и праздникам, засиживались в библиотеке, состоящей из трех двухстворчатых шкафов

с книгами, помогали друг другу в обучении русскому языку, а также проверяли по ее просьбе тетради учеников младших классов. Она разрешала отмечать ошибки красным карандашом, хотя после этого обязательно тетради перепроверяла.

В школьной библиотеке мне попала книга Г. М. Маркова «Строговы» о жизни сибирских крестьян до революции и во время Гражданской войны. Она так захватила меня, что некоторые страницы я перечитывал по несколько раз и сравнивал жизнь сибиряков с жизнью нашей деревни. Вера Алексеевна каждый год готовила вечера памяти А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, других писателей и поэтов. Лучшим исполнителям стихов дарила томики сочинений этих авторов. Она вспоминала, что моя мать в школе плохо знала русский язык, коверкая слова и ставя ударение на первом слоге, и хотела, чтобы я в совершенстве овладел русским языком и русской литературой. Ворчала и бранилась, когда мы не ходили в школу в праздник Сретенье 15 и 16 февраля каждого года.

Каждое утро дежурный по классу приносил в фанерных ящичках наполненные чернилами чернильницы-непроливайки. За все годы обучения я не помню ни одного случая, чтобы дежурный, спускаясь со второго этажа утром или, поднимаясь на второй этаж после уроков, споткнулся и уронил ящик с чернильницами. Посредине каждой парты было отверстие для чернильницы, ручки с перьями у учеников были свои. Редко, но были случаи, когда зимой чернила замерзали, тогда мы писали карандашами на черновиках.

Мы восемь учебных лет каждый день преодолевали путь до школы в три километра, несмотря ни на что. Интересно было идти утром в школу целой ватагой, рассказывать и слушать, что было накануне. Подшучивали друг над другом, зимой клали комочки снега в валенки впереди идущего, весной – яйца дроздов в карман рубашек. Название этих птиц мы узнали в школе, но продолжали по-деревенски называть их «таратушками». Накануне мы ходили в лес, забирались на высокие елки, где были гнезда дроздов, и брали оттуда яйца. Наши руки, штаны и рубахи были в пахучей смоле. Вокруг нас с грозными криками летали стайки дроздов, пытаясь клюнуть в руку, которая тянулась к гнезду. Были слезы, плач, смех и грех.

Ходили в школу в любые морозы и метели. Каждый вечер, согреваясь после гуляния на русской печке, я внимательно слушал последние известия. Согревшись, спускался с печки, открывал «Атлас мира» и начинал искать страны, о которых говорили по радио. Внимательно изучал расположение страны, моря, которые ее омывали, реки, указанные на карте, столицы. Запоминал руководителей этих стран. Поэтому уроки географии мне давались очень легко.

Многие ученики школы пробовали себя в других внеучебных занятиях, которые в школе проводили с нами учителя. Вместе с учителем труда и физкультуры Анатолием Михайловичем Бычковым после уроков оставались на тренировки. Бегали кроссы и короткие дистанции, прыгали в длину и высоту, метали на дальность мячи и гранаты. Оставались с ним заниматься в кружках технического творчества – выпиливали, вырезали из дерева, мастерили полочки, рамочки, фигурки, моделировали парусники, самолеты, корабли. К тому времени построили учительский дом, семья учительницы Т. П. Румянцевой выехала из школы, в бывшей ее жилой комнате оборудовали столярную мастерскую. Установили верстаки, приобрели слесарные тиски, столярный и слесарный инструмент.

Кроме того, я посещал фотокружок, который вела директор школы Нина Арсеньевна Румянцева, и литературный кружок под руководством учительницы русского языка и литературы Веры Алексеевны Лебедевой.

В деревенских школах весенние каникулы были не по расписанию с 24 марта, как это было в городах, а во время половодья. Оно начиналось в разное время, поэтому и каникулы могли быть с 1 апреля или с 7 апреля. Нередко случалось, что в последний учебный день нам приходилось с трудом преодолевать речки и канавы. Вода хлестала поверх деревянных мостов так, что почти заливала наши резиновые сапоги, пытаясь сбить нас в реку. По сложившейся традиции, в те дни мы возвращались из школы вместе со старшеклассниками. Они выбирали

из загона длинную жердь, становились по обе стороны моста, держа ее в руках. Мы перебирались через мост, держась руками за эту жердь. Тех малышей, кто боялся таким образом перейти мост, старшеклассники переносили на спине.

Летом отрабатывали практику на пришкольном участке, ездили на велосипедах в Карело-Кошево полоть и поливать гряды. Пришкольный участок кормил учеников каждую зиму. Молодая энергичная директриса Нина Арсеньевна Румянцева много внимания уделяла пришкольному участку, кроликоферме и нашему питанию. До нее мы приносили с собой в школу бутылки с молоком, заткнутые газетной пробкой, да домашние булочки или лепешки. С ее приходом учеников начали зимой на большой перемене поить горячим чаем, из дома приносили только хлеб. Потом стали собирать яблоки, черную смородину, крыжовник, из них варили варенье и поили нас чаем с вареньем.

Картошка, капуста, морковь, лук, чеснок – все выращивали сами на пришкольном участке. На школьной кроликоферме разводили кроликов. За ними ухаживали сами школьники, самых старательных из нас награждали маленькими кроликами. Овощи и мясо сдавали в заготконтору, полученные деньги переводили на спецсчет школы.

Учащиеся Карело-Кошевской школы, начиная с 11 лет, ежегодно привлекались к уборке картофеля и другим сельхозработам. Наш класс в 1961—1964 годах убирал картофель в деревнях: Байки, Бережки, Горбовец, Душково, Калиниха, расстилал лен в деревне Петрайцево. Нас также направляли работать в карельские деревни Акиниха и Терехово русского колхоза «Буревестник». Работали с 10 до 14 часов, потом нас кормили обедом и отвозили в кузове грузовой машины до школы, откуда мы шли по домам пешком. Иногда мы оставались ночевать у одноклассников или в сенных сараях. Я, например, ночевал у Борисова Вити в Бережках, Румянцева Вовы в Терехове. А они ночевали у нас, когда работали в Петрайцево.

Учитель физкультуры Карело-Кошевской школы Иван Васильевич Харчиков очень хорошо знал и положительно характеризовал Головкиных – моего дядю Михаила Яковлевича и его жену Татьяну Андреевну. Не случайно, когда мы, школьники, в 1961 году работали на уборке картофеля, он подходил ко мне и говорил: «Ты не должен пропустить ни одной картофелины. Ты должен дальше достойно нести свою фамилию Головкин». Его слова я запомнил на всю жизнь.

Однажды две ночи мы ночевали в Горбовце, в сенном сарае, вечера проводили на горе, где был старый маяк, там стояла палатка геологов. В конце третьего дня пошли пешком по домам, до деревни было больше семи километров. Мы с Нетрусовым Володей дошли до Душковской реки, нарвали сухих ольховых листьев, свернули сигарки и закурили. Я затянулся всего один раз, от дыма закружилась голова, сильно закашлял. Испугался, что дома будут ругать, Володя учил, что надо пожевать лавровый лист, и запаха не будет. Я дома так и сделал, но мать откуда-то прознала, что курил, не ругала, а внушала. Это был первый и последний раз в моей жизни, когда попытался курить, после этого не выкурил в жизни ни одной сигареты.

Число учеников в нашем классе постепенно сокращалось: кто-то остался на второй год, кто-то уехал с родителями в другую местность. За год до выпуска школа стала восьмилетней, в нашем классе осталось девятнадцать человек из двадцати восьми, пришедших в первый класс.

В один день октября 1963 года, после трех уроков в школе, нас отправили в Бежецк, вступать в комсомол. В тот год по неумному решению Н. С. Хрущева по укрупнению районов, наш Сонковский район отнесли к Бежецкому. Сопровождала нас молодая учительница, окончившая институт, Нина Арсеньевна Румянцева, недавно ставшая директором школы.

Нарядно одетые, протопав по грязи 9 километров от школы до железнодорожной станции Подобино, мы прибыли на поезде в Бежецк. В райкоме комсомола нас завели в маленький кабинет заведующего отделом. Тот, сидя за столом, достал из нижнего ящика комсомольские билеты, потом встал и сунул их каждому в руку. Сказал несколько слов о задачах комсомола,

и мы, без обеда, отправились обратно на поезд, перекусив в вокзальном буфете чаем с булочной. Домой я пришел уже затемно, голодный и уставший, прошагав от станции 12 километров.

С молодой директрисой школы Ниной Арсеньевной Румянцевой пробовали учиться играть на баяне, но у меня не получалось. Зато она дала первые уроки увлечения фотографией.

В июне 1964 года я с отличием окончил Карело-Кошевскую восьмилетнюю школу, мне исполнилось 15 лет, нужно было определять свою дальнейшую судьбу.

*«И снова окунусь я в золотое детство,
Пройду по знакомым тропинкам.
Откуда стал познавать Отечество
И мама сдует с меня пылинки...»*

Глава II. Мы – дети природы

Наши детские заботы

*«На вершок всего поднялся,
уж ему дают работу».
(«Калевала», песнь 31, стр.376).*

К пяти годам я изучил поля, луга и речки вокруг деревни, начинал заходить в окрестные леса, сначала по их опушкам, потом заходил все глубже и глубже. Так постепенно я прочно связывал себя с природой, по собственному опыту уже знал, что под елками растут белые грибы, под осинами – подосиновики, под березами – подберезовики и тоже белые грибы. Каждому грибу – свое место, среди кустов ивняка растут грузди, волнушки и серушки, а на березовых пнях – опята. С заботой о семье, я начал собирать в лесу грибы уже с пяти лет, ягоды – с семи, ловить рыбу с восьми лет.

В деревне ребенок с малых лет имеет свои обязанности по дому, чем он старше, тем больше его ответственность. Деревенская жизнь учила нас, подростков, быстрее расти и лучше понимать жизненные заботы. Еще при нашем детстве были случаи, когда девочек с восьми лет на лето определяли в няньки, а мальчиков с десяти лет – в пастухи. Пример родителей был для нас на виду – постоянная тяжелая работа с весны до зимы. Лишь зимой можно было дать некоторую слабость – ухаживать за скотиной, прясть нити, столярить да принимать гостей.

Начиная с осени, по вечерам долго не зажигали лампы, экономили керосин. Отчим в сумерках что-то делал на улице, мать в потемках поила теленка и овец. Мы с братом лежали на печке, я слушал радио, мать, как бы про себя говорила, что вот уже Нетрусовы и Фомичевы зажгли лампы, пора и ей зажигать ее. Пятилинейная лампа висела на крючках перед простенком между окнами. Когда кончали ужинать, лампу перевешивали низко над столом, и я начинал делать уроки.

Зимой дни короткие и очень долгие вечера, отчим делал рамы, табуретки, шкафы. Я помогал ему, чем мог – строгал рейки, отпиливал их в размер, прибивал, вместе дело шло быстрее. Зимний вечер очень долгий.

Домой из школы мы возвращались около трех часов дня и еще полтора часа до темноты успевали покататься на санках или лыжах. Было весело и жарко, несмотря на морозы. Потом делали уроки, на них обычно уходило два – три часа, зимними вечерами оставалось много времени для чтения книг и изготовления разных поделок. Когда были страшные метели, дети все равно ходили за три километра в родную школу.

Я любил весну не только потому, что весной у меня день рождения. Весной под солнцем начинали чернеть от конского навоза санные дороги. Весной появлялся на снегу наст, и можно было, распахнув пальто, катиться на лыжах при помощи попутного ветра. Прилетали грачи, они строили многочисленные гнезда на березах, бродили по дорогам в поиске соломинки или веточки. Я очень жалел их, когда вдруг, после солнечных дней, наступали холода и сильные ветры обдували грачей в гнездах со всех сторон.

В начале марта мы начинали ремонтировать скворечники, сняв их с берез, или делали новые. Обычно после 25 марта прилетали скворцы и начинали обживать старые и новые свои домики. Как только в середине марта снег оседал и уплотнялся, со середины деревни в оба конца начинали бежать весенние ручьи. Мы делали игрушечные деревянные плоты с парусами и отправляли их в поход по ручью к краю деревни. На Пасху в домах вынимали вторые рамы из окон, на некоторое время распахивали наружные рамы, и весенняя прохлада вместе с солн-

цем, гвалтом птиц и уличным шумом заполняли всю избу. Изба проветривалась первый раз за всю зиму, из нее выходил душный застоявшийся воздух с кислым запахом.

Дети и подростки много помогали дома, особенно весной и осенью. Весной копали гряды, а осенью поднимали в поле лен. Зимой собирали и сдавали леснику еловые шишки. Весной собирали и относили в школу березовые почки. Весной и осенью по воскресеньям лесники привлекали нас сажать в лесу елочки. Работали в паре мальчик и девочка. Мальчик резко опускал тяжелый меч и расшатывал его к себе и от себя. В образовавшуюся ямку девочка опускала саженец ели и притаптывала ногой. Так шли до конца борозды. Потом на бывших вырубках вырастали ровные ряды стройных молодых елочек.

В середине марта, когда снег немного оседал, его сбрасывали деревянными лопатами с крыш домов, дворов и построек. Я любил подниматься на самый гребень четырехскатной крыши своего дома, пытаюсь увидеть, что же происходит за лесом на дороге Бежецк-Красный Холм. Из-за деревьев ничего увидеть не мог, лишь слышал шум и звяканье проезжавших редких полуторок.

Снега на крышах скапливалось много около полуметра. Деревянной лопатой откалывал снежный прямоугольник, подталкивал его, и тот легко скатывался вниз. Иногда сугроб, в котором я стоял, не удерживался на крыше, я вместе с ним и лопатой в руках оказывался погруженным выше колен в снежный вал.

После того, как снег сбросили, возле скотных дворов сугробы становились продолжением крыши. Мы на санках и лыжах катались с крыш, на гребень которых забраться было непросто.

Мне, давно взрослому, нередко снился сон, когда я вместе со снегом скатываюсь не с крыши двора, а с высокой крыши дома. Внизу перед собой вижу оголенные электрические провода, идущие от столба к дому, и в этот момент всегда просыпался.

В дни весенних каникул, когда еще не сошел полностью снег, прихватив нож и топорик, я утром по насту шел в ближний ивняк драть корье. Связав вязанку корья веревкой, нес ее на спине домой. При поездках в районный центр за комбикормом или удобрением отчим грузил на телегу или сани корье, тряпье, кости, шкурки кротов, чтобы по пути сдать их в заготовительную контору. В условиях полного безденежья выручал хоть какие-нибудь рубли и копейки.

У меня был маленький топорик, я его носил под ремнем, которым опоясывал свое старенькое пальтишко. С топориком я ходил на речку в апреле вырезать ивовые прутья для мерд, а потом ходил в мае устанавливать сплетенные из ивовых прутьев мерды. Делать заплоты для мерд меня с 8 лет научил брат отчима Валентин, который был на десять лет старше меня. Мерду ставили посередине речки, закрепив ее двумя кольями, вбивая их, под углом друг к другу. От мерды к двум берегам под углом делали заплот, вбивая колья в два ряда, а между ними укладывали сучья ольхи. Вся вода вместе с рыбой, начинала стекать в мерду. Таким способом ловили рыбу обычно до конца мая.

В начале июля начинала созревать земляника, с семи лет я ходил в лес за ней почти каждый день весь период ее созревания. 3 июля 1956 года почтальон Шукина Шура сказала отчиму, что звонили из больницы на почту, родился сын. Вечером отчим сказал мне, что завтра после обеда поедет навещать мать. На другое утро я встал очень рано, сходил в лес, набрал пол-литровую кружку земляники. Боялся опоздать, но успел принести ягоды домой до отъезда отчима, попросил его отвезти землянику матери. Так с семи лет я летом стал ходить за ягодами для семьи, сначала за земляникой, потом за малиной и черной смородиной, и уже не ел их вволю в лесу, а нес домой.

Мой младший брат по матери Владимир родился 3 июля 1956 года, детских садов в наших деревнях не было, бабушки и дедушки умерли. Никаких отпусков по уходу за ребенком не было, в деревне даже не использовали положенные 56 суток до рождения и 56 суток после рождения ребенка. Женщины работали до самых родов и выходили на работу через неделю после родов. Летом 1957 года младшему брату исполнился годик, мать с отчимом с утра

уходили на работу, оставляли его со мной, случались разные истории, ведь мне было всего восемь лет.

Однажды я усыплял брата в самодельной кровати, которая могла качаться. В это время прямо на улице молотили лен. Для этого улицу выровняли, подмели, на дороге разослали снопы льна в четыре ряда попарно головками друг к другу. По ним ездила грузовая машина под управлением нашего соседа Быстрова Алексея из одного конца деревни в другой. Она колесами отбивала льносемя, в кузове катались мальчишки и девчонки с визгом и криками. Мне очень хотелось быть там, и кататься вместе с ними. Я открыл окно и смотрел, как они катаются, но в это время брат заплакал.

Я принес из кладовки длинную веревку, один конец ее привязал к кровати, а второй конец петель надел на свою ногу. Стал качать кровать и смотреть в окно. Проезжавшие мальчишки что-то крикнули мне, я высунулся дальше в окно, чтобы посмотреть на них. Не рассчитав, сильно дернул ногой за веревку, брат с ревом оказался возле передней лавки, на которой я сидел. Пришлось оторваться от окна, успокаивать его, качая кровать.

В другой раз я что-то мастерил за столом, годовалый брат сидел на подоконнике, спиной к раме. Он стал раскачиваться, ударяя спиной о раму. Я не успел выскочить из-за стола, увидел, что шпагат на гвоздике развязался, окно открылось, и в нем мелькнули ноги брата. Окна в избе были на такой высоте, что взрослому человеку с улицы в них не заглянуть, но достать рукой до нижнего наличника было можно. Со страхом я выбежал на улицу, брат лежал на земле. Все обошлось, на нем не было ни повреждения, ни царапины.

Когда я не мог успокоить заплаканного брата, сажал на «закорки», то есть на спину, и тащил его в поле к матери. Она его там кормила грудью и успокаивала, я нес его в дом обратно на спине. К осени 1957 года брат уже хорошо ходил, как-то он решил забраться по ступенькам на печку. На краю ее висело одеяло, брат карабкался вверх до последней ступеньки, потом вместе с одеялом упал на скамейку, с нее на пол, и опять все обошлось.

Уже зимой, когда брату исполнилось полтора года, я был в школе, а он с родителями сидел на низкой скамейке, на улице. Родители не уследили, как малыш упал с этой скамейки и вывихнул руку в плече, она болела больше месяца. Вот такие жизненные казусы, когда судьба оберегала меня от подобных неприятностей.

К 10 годам я не только самостоятельно ходил в лес за ягодами и грибами, но уже сам делал заплоты для мерд, отводил и приводил из леса или с поля лошадь. Без седла на лошади лучше скакать галопом, чем рысью, тогда тебя не трясет так, чтобы ты подпрыгивал и ёрзал по ее спине.

Брату было пять лет, а мне 12, мы с ним ходили в лес за грибами. С нами ходил Поляков Витя из Ленинграда с братом Володей, тому было семь лет. Мы сдерживали своих братьев, чтобы они не бежали бегом в лес. Когда до леса оставалось метров сто, мы подавали команду «Вперед». Наши младшие братья до прихода нас в лес, должны были найти как можно больше белых грибов. Победителю устанавливали приз – выполнение его желания: сделать лук, рогатку, взять с собой купаться на реку, дать покататься на своем велосипеде, да мало ли желаний и возможностей их исполнения было в деревне.

Однажды мы с Поляковым Витей, который приехал в нашу деревню к бабушке из Ленинграда, шли в лес. Увидав на изгороди скворцов, он выстрелил в них из рогатки. Один скворец упал на землю, Витя подбежал, взял его в руки и заплакал. Он повторял, что не хотел его убивать, просто проверял свою меткость. Скворец немного отогрелся в руках, зашевелился, потом взлетел, Витя радостно засмеялся.

Карелы никогда не ели голубей, считая их явлением святого духа, даже если умирали от голода. Но в голодные годы после войны старшие подростки ловили на ферме голубей, в темноте освещая их фонариком или фонарем, потом варили из них суп. Это было следствием не только голода, но и воинствующего атеизма, проводимого советской властью.

Однажды младший брат моего отчима Валентин принес мне раненого голубя, очень красивого, фиолетового цвета. Я посадил его в кроличью клетку, кормил и выхаживал его всю зиму. Весной, посадив голубя на плечо, выходил с ним на усадьбу. Голубь взлетал, делал большие круги в воздухе, улетаю далеко до леса, потом возвращался и садился мне на плечо. Так продолжалось около трех месяцев. В начале августа голубь взлетел с моего плеча, сделал надомной круг и улетел. Я ждал его часа три, но так и не дождался. Вечером безутешно плакал, родители меня с трудом успокоили, принеся через несколько дней маленького щенка.

Как-то в конце лета я один пошел за грибами в лес под названием «Тропан-Кохта», в переводе с карельского языка «Место троп», эти тропы там наделали лоси. Я шел по дороге и справа от себя услышал хруст сломанного валежника, посмотрел в сторону и обомлел. Вдоль дороги метрах в двадцати от меня в том же направлении шли пять лосей. Впереди шел большой рогатый сохатый с обвислыми губами и лохматой бородой. Второй шла лосиха, она была меньше ростом и без рогов, следом за ним шла годовалая телочка тоже без рогов. За ней – два маленьких лопоухих телят. Сохатый с рогами и бородой покосился в мою сторону, я от испуга остановился возле большой осины, чтобы, в случае чего, забраться на нее. Но лоси спокойно прошли мимо меня, немного подождав, когда они скроются из вида, я тоже пошел дальше.

Был июль 1961 года, мне недавно исполнилось 12 лет. Бригадир Нетрусов нарядил меня сгребать клевер на тракторных граблях. Трактористом был Быстров Николай из соседней деревни Душково, пять лет назад он женился на нашей соседке Нетрусовой Марии. К тому году у него уже подрастали двое сыновей. Тяжело было высидеть целый день на жестком металлическом сиденье граблей, без всякой амортизации. Я вытерпел три полных дня, на четвертый день после обеда меня разморила полуденная жара. Но я всеми силами пытался уверенно сидеть на жестком железном сиденье и вовремя поднимать рычаг, чтобы ряды клевера были ровными. Николай увидел, что я стал уже пареный, и, чтобы не свалился под грабли, посадил меня в трактор рядом с собой. К рычагу он привязал веревку, пропустил ее через заднее открытое окно кабины трактора.

Я сидел вполоборота, и когда надо, дергал за веревку, чтобы поднялись грабли и сделали валок клевера. Увидел, как вдоль межи смешно бежал коростель, у нас его называют «дергач». Он сильно пригибал голову к земле и отчетливо поднимал вверх свой хвост. К вечеру у меня болела шея, отошла только к утру. Поля с клевером мы в то лето с трактористом Быстрым Николаем сгребали целую неделю.

В начале сентября 1961 года мы с Нетрусовым Володей после школы пошли за грибами на Репенку, что в полутора километрах от деревни, нам было по 12 лет. На Репенку мы ходили за подосиновиками, подберезовиками, белыми груздями, волнушками и серушками. Черных груздей, которых всегда было в изобилии, мы никогда не брали. Обычно шли по дороге, ведущей в деревни Алешино и Борисково, до оборонительной траншеи, выкопанной жителями наших деревень и военными осенью 1941 года. Затем поворачивали направо, проходя вдоль траншеи с полкилометра в сторону леса под названием «Тропан-кохта». Выходили на дорогу и по ней возвращались домой.

В тот раз, не доходя до траншеи, слева от дороги нам стали попадаться молодые подосиновики. Мы с Володей увлеклись и незаметно для себя зашли на незнакомый нам участок леса. Грибов набрали немного, менее половины корзинок, а сами заблудились. Блуждая по лесу, вышли в поле, недалеко от деревни Слепнево, до дома около трех километров. Понемногу стало смеркаться, Володя занервничал, что далеко зашли, высыпал все грибы на траву. Я его убеждал собрать их снова, он отказался. Так и пошли домой, я с грибами, а он – с пустой корзиной.

Мне нравилось ездить на лошади верхом рысью или скакать в галоп. За всю мальчишескую жизнь с лошади ни разу не падал, один раз мы упали вместе с лошадыо на деревенской

улице. После того, как отчим распряг ее, я надел на шею лошади веревку с цепью, сел верхом и хлестнул уздечкой по боку. Лошадь от неожиданности отпрыгнула в сторону, наступила на цепь и повалилась на бок, придавив мне левую ногу. Я пытался вытащить ногу, испарав ее. Лошадь вскочила, я подвел ее к одру, с него снова сел верхом, и мы уже медленно поехали вдоль деревни. Больше такого падения никогда не повторялось.

Детство – это не просто минуты, а счастливые и радостные дни, недели, месяцы и годы жизни, о чем мы задумываемся, лишь став взрослыми, и куда мысленно уходим при трудных жизненных ситуациях.

Одежда деревенских мальчишек

*«Не хочу заморских платьев,
мне пшеничный хлеб не нужен!
Обойдусь простой одеждой!»
(«Калевала», песнь 4, стр. 49)*

Летом мы, послевоенные мальчишки, одевались в черные трусы и белые майки. В такой одежде проходило все наше босоное детство со середины мая и до середины августа. На сенокосные луга обували сандалии на «босу ногу», чтобы не колола ноги стерня после покоса. В лес надевали рубаху с длинными рукавами да хлопчатобумажные старые штаны.

Мне исполнилось шесть лет, один раз мы пошли в лес за грибами с двоюродным братом отчима, тот был на десять лет старше меня. Стояла холодная осенняя погода, я надел на себя старое пальтишко. Идя по выгону, Иванов Анатолий, поглядев на мое пальто, сказал: «У тебя на пальто одни батраки, даже хозяина не видать». Действительно, оно было все в заплатках, новое пальто мне купили через год перед школой. Идя в лес, на ноги обували резиновые сапоги или вошедшие тогда в моду кеды. У каждого мальчишки было обычно по две-три пары кед: новые в школу, а старые в лес или гонять мяч. На голове всегда была кепка-восьмиклинка, но одно время, лет пять-шесть, была мода на татарские тюбетейки, которые носили и взрослые мужики, и мальчишки, потом эта мода постепенно отошла.

Кепка была основным сезонным атрибутом не только у деревенских мальчишек, но и мужиков. Они не снимали ее с апреля по октябрь. Интересно было смотреть на лицо мужика, щеки и подбородок которого были загорелыми до черноты, а лоб и лысина совершенно белыми. В деревенском обиходе было много выражений, связанных с кепкой.

«Гулял без кепки», означало, что мужика привели домой пьяного, он в прямом смысле был без кепки. Это, наверное, положительный момент, так как на второй день он ходил по домам искать свою кепку. Дело обычно было в праздники, чем больше домов он обходил в поисках кепки, тем больше его угощали пивом и самогоном. Нередко на поиски кепки ходила жена, чтобы не допустить своего суженого до такого состояния, в каком он был накануне.

Плотники-карелы были мастеровыми людьми. При строительстве не только домов, но даже сараев не допускали никакого просвета в пазах между бревнами. На плотника – бракодела говорили: «У него между бревнами кепка пролетит».

Иногда по весне или осени, озуя на охоте, жертвовали своей кепкой. На спор или просто из-за азарта один бросал свою кепку бумерангом вверх, а второй из ружья стрелял в нее.

Взрослые мужики рассказывали, что раньше в деревне были силачи, которые одной рукой за нижнее бревно приподнимали с камня угол бани или житницы. Если кто-то из мальчишек донимал этого богатыря, он догонял его, срывал с головы кепку и клал ее между нижним бревном житницы и камнем. Потом, через два-три дня, сжавшись, приподнимал угол житницы и доставал кепку ее хозяину.

Кепка была незаменима везде: на реке, в лесу, на покосе. Она оберегала от солнца, от комаров, ею зачерпывали жарким летним днем воду из реки, болота или лужицы, и пили из кепки.

Кепка была одним из основных орудий лова у мальчишек, ею сбивали низко летящих майских жуков, накрывали бабочек, которые кружились стайками на лугах и полях.

Кепкой накрывали упавших с гнезда птенчиков, которые безуспешно пытались взлететь. Приносили их домой, родители, отругав, заставляли отнести птенца обратно в лес под ту же елку, откуда взял. Кепка помогала поймать бельчонка в лесу или маленького зайчишку в поле, когда жали рожь. Самое трудное было взять их из-под кепки, они царапались и кусались.

С кепкой в руке гонялись по полю за птенцами коростеля. Смешно было видеть, как они, спрятав в межу голову и подняв хвост, бежали по меже.

Осенью в школу ходили в хлопчатобумажных или вельветовых костюмах: брюки и пиджак, а чаще куртка. Вельвет тогда был необычайно популярен – долго носился и дешево стоил. В таких костюмах ходили, пока из него не вырастали или не истирали коленки и локти добела. На праздники надевали шерстяные костюмы, обычно черные, реже – серые или коричневые.

Начиная где-то с моего третьего класса, в деревне все больше стала появляться школьная форма. Тогда проблем с одеждой почти не стало: пять-шесть лет в школу ходили только в форме, даже на праздники надевали новую школьную форму.

Обувь была разная, когда сухо, надевали сандалии, кеды, ботинки. Тогда низких полуботинок почти не носили, носили высокие ботинки со шнурками. Когда было сыро и грязно, обували сапоги, кирзовые или резиновые «литые». Обычные резиновые не обували, от них болели пальцы ног, а вот «литые» носились безболезненно.

Но чаще всего носили кирзовые сапоги из поросычей кожи. Особенность их была в том, что когда их долго не носишь или они высохнут после дождя, становились как железные. Приходилось разнашивать один-два дня. И еще их трудно было отмыть. Как бы ни мыл в луже перед школой, все равно они были серыми и грязноватыми из-за углублений в коже.

Зимой надевали двое штанов, зимнее ватное пальто, шапку-ушанку и обязательно валенки. Почти у каждого в семье было по две-три пары валенок. Замочив одну пару, ставили на русскую печь и обували вторую пару валенок, в сырую пору – с калошами. Некоторые мальчишки из бедных многодетных семей бегали босиком до октября месяца, пока не выпадал снег.

Самое интересное время было весной, начиная с марта. Накануне мы договаривались с другими мальчишками, в чем пойдем в школу – в валенках или сапогах. Потом вместе надевали кепки вместо шапок, потом вместе сбрасывали с себя пальтишки и так до лета одновременно меняли одежду.

Понятие о какой-нибудь моде не было, лишь бы было что одеть и обуть. Первые модники в узких брюках стали приезжать в деревню из Бежецка и Ленинграда примерно в 1961—1962 годах. Ширина их брюк внизу доходила до пятнадцати – четырнадцати сантиметров. Этих парней сразу метко окрестили – «стиляги». Бабы с осуждением смотрели вслед и перемалывали языками и брюки, и парней, и их родителей. Мужики надсмехались и спрашивали у мальчишек: «Вы тоже хотите стать такими стилягами?» Мы отрицательно качали головами, а сами с завистью смотрели на парней.

В эти же годы незаменимые телогрейки-фуфайки осенью заменили плащи-макинтоши из прорезиненной ткани. В Ленинграде покупали по одному или два таких плаща на каждого. В них ходили в школу осенью и весной, в лес во время дождя.

Примерно в 1960—1961 годах мальчишкам стали покупать войлочные зимние ботинки на резиновой подошве. Их можно было носить зимой, когда небольшие морозы. Местные острословы сразу переделали поговорку: «Недаром говорится, „форсун“ мороза не боится». Всех, кто вместо валенок с калошами носили также зимние ботинки, стали называть «форсунами».

Первые модные брюки я заказал в 1965 году на втором курсе техникума. Тогда в моде были «клеши». Была цель – заработать деньги на разгрузке вагонов или разгрузке машин в райпо. За вагон платили по шесть рублей каждому, когда разгружали его вшестером, за машину по три рубля каждому из трех грузчиков. Брюки стоили примерно двадцать два – двадцать четыре рубля, а именно: одиннадцать – двенадцать рублей материал и двенадцать рублей за шитье. За четыре вагона можно было заработать на брюки.

Было приятно вместе с сокурсниками идти в ателье, выбрать 1,2 метра ткани по своему вкусу и с помощью друзей заказать брюки «клеш» шириной внизу двадцать пять – двадцать семь сантиметров. Я дорасклешивался до того, что попал служить в Военно-Морской Флот сразу после окончания техникума, где три года продолжал носить брюки – клеш.

Летний день в деревне

*«На ноги мальчишка встанет,
повзрослеет, возмужает,
станет сын могучим мужем».
(«Калевала», песнь 31, стр. 373)*

28 июля 1961 года я проснулся, как обычно, от петушиного крика. Времени было шесть часов утра, мать и отчим были на колхозном покосе, я оставался в доме один, пятилетний брат был у своей бабушки Фени – матери отчима. Проснувшись, я сбегал «по-маленькому» на двор, успел сосчитать до девяноста, пока все сделал. Умылся под чугунным умывальником в чулане.

Чулан был очень маленьким, примерно два на два метра. Одно окно на улицу, напротив окна – устье русской печи. Ее отчим сложил на второй год, как пришел в дом. Сделал, как положено, чтобы шесток был на уровне подоконника, и свет от окна падал до задней стенки печи. Печь была большая и теплая, из устья дышало жаром. Значит, мать уже до покоса успела ее истопить, как она говорила «на скорую руку», чтобы поставить туда обед.

Раньше, до прихода отчима, была другая печка с каржиной. Каржина служила лазом в подполье. Зимой на ней можно было спать, прижавшись спиной к теплему боку печки. Печка от старости стала дымить и плохо греть. В 1955 году отчим сложил новую печку, уже без каржины. Лаз в подпол был сделан у входной двери за печкой. На лавках в чулане стояли ведра с водой, в самодельном шкафу хранилась посуда. Наверху с обеих сторон шли широкие полки – *palca*, ниже их – поменьше полкицы (*palcazet*) для посуды из 2—4 полок, соединенных боковыми стенками с продольными рейками, чтобы посуда не падала. Посуду на полкицы ставили под углом к продольным рейкам для просушки. Широкие полки шли от передней стены до печки.

Быстро умывшись, я взял с полки граненый стакан зеленого цвета, достал каравай хлеба, принес их из чулана в избу на стол. Сбегал в сени, где стоял плетеный из драни шкаф-молочник *sudnicca* (судничка). Туда родители ставили молоко, чтобы оно не так быстро скисало, холодильников тогда не было. Я отрезал два ломтя хлеба, прижимая каравай к груди, как это делали мать и отчим. Посолил хлеб и стал запивать его молоком.

На все ушло не больше десяти минут. Взял новую большую корзинку, сплетенную отчимом этой весной, и пошел в лес за грибами. Закрыв дверь в дом, вставив в замочную петлю прутик. Это означало, что в доме никого нет, туда ходить незачем. Замок на дверь обычно вешали только тогда, когда уезжали в гости на два-три дня и никого дома не оставалось. Ключ тогда отдавали соседке, которая ухаживала за нашей скотиной. В те времена в деревне чужого ничего не брали, а если что находили, всегда отдавали хозяину, не жалея времени на поиски владельца.

Деревня шла в два посада, по шестнадцать домов на каждом посаде. Вдоль деревни летом можно было идти хоть по пыльной дороге, хоть по тропинкам вдоль домов. Это весной и осенью

деревенскую улицу так развозило грязью, что пробираться возле домов красного посада можно было, лишь держась двумя руками за частокол палисадников. На северном посаде почему-то палисадников не обустраивали, там вдоль домов проходила хорошая твердая тропинка. Весной и осенью на лошадях ездили по усадьбам вдоль огородов. Я обернулся на свой дом и зашагал по деревенской улице.

Огороды за каждым домом обнесены жердями с ольховым частоколом, они каждый год ремонтировались. Посреди улицы шла дорога с колеями от колес, на улицах деревень весной и осенью – вязкая грязь, без сапог не пройти, летом дорога пыльная. В заулках зеленая травка – гусиные лапки да куриная слепота. Дома в деревнях серые по цвету, все бревна дома и драночные крыши напоминали эту уличную грязь.

Наш дом стоял в центре деревни на самом высоком месте. Вспомнил, как в 1957—1958 годах за весну и осень успевали общиной построить по три-четыре новых дома – Нетрусовых, Майоровых, Ивановых, Фомичевых, Семеновых, Базловых, Быстровых. При строительстве домов карелы гвозди не применяли, почти все соединения были с помощью деревянных нагелей, которые забивались деревянной киянкой или кувалдой. Дома, построенные с помощью топора и нагелей, покрытые осиновыми досками или дранкой, служили хозяевам до 100 лет, а то и более.

Денег друг у друга не брали, их просто в деревне не было. После окончания постройки одного дома, два-три дня пили у хозяина самогон и пиво, потом начинали строить дом у другого хозяина. Наш дом подрубали весной 1958 года, по вечерам угощали мужиков пивом да кормили обедом и ужином. Крыши новых домов белели свежей дранкой, станок для ее изготовления стоял за деревней возле выгона, на пути в ельник.

Я тогда еще не задумывался о том, что домов у человека за жизнь может быть несколько. Но самый светлый, самый лучший тот дом, в котором провел свое детство. Я тогда не мог знать и даже предполагать, что это были последние построенные семь домов за триста лет существования деревни. Больше в ней дома уже не строились, а построенные были разобраны на дрова и бани через 40 лет, и куда-то увезены.

Вблизи деревни начинался выгон, весь поросший мелкой травой. По нему утром и вечером прогоняли скот в лес, потом обратно, когда поля были еще заняты зерновыми, льном, клевером и сенокосами. После их уборки коров и овец выгоняли на стерню и отаву. В обед доярки ходили доить коров на опушку леса. Здесь, в выгоне, на зеленой траве, мы оборудовали футбольное поле.

Перед выгоном, вблизи бывшей часовни, стояла общественная пилорама, в любой свободный день, кому это было нужно, могли собрать братьев, родственников, навезти бревен и начать пилить их на доски или байдак. Один пильщик поднимался по лестнице наверх, вставал ногами на доски, а второй стоял внизу.

Нужно отметить, что продольные пилы у карел были давно с XVII века, а вот поперечные появились лишь к концу XIX века, до этого деревья валили топорами. И дома строили только при помощи топора, поперечные пилы не применяли. Топор не только обтесывает бревно, но и сохраняет его крепость, заглаживая волокна, а пила нарушает структуры волокон дерева, ослабляя его.

Пока я шел к лесу, навстречу никто не попадался и не догонял, до леса было меньше полукилометра. Я любил этот ельник с детства, лет с пяти. В 1954 году, когда отчима еще не было, мы с матерью жили очень бедно, мать просила меня сходить в лес и собрать хоть каких-нибудь грибов. Я с пяти лет один ходил и набирал разных сыроежек, серушек, волнушек, опять. Мать солила грибы на зиму.

Она мне внушала, чтобы я не боялся леса, ориентировался по солнышку и домой всегда шел на него. Позднее отчим учил меня, что если нет солнца, то надо смотреть на елки, у них

больше сучьев с южной стороны, смотреть на пни, где кольца шире с южной стороны. В крайнем случае, никогда не перелезать огород, а идти вдоль него до дороги или до поля.

Лес спасал меня каждый год от укулов и прививок. Завидев приближающуюся к деревне фельдшерицу, я убежал в лес и не выходил оттуда до тех пор, пока не видел с высокого дерева, что она ушла из деревни. Мать выходила на край деревни, кричала, звала меня, я ее слышал, но не откликался, пока в деревне была фельдшерица.

Ельник был в форме треугольника вершиной к выгону. От деревни до леса был сделан выгон для скота. Сам лес, длиной около двух километров и шириной в его глубине тоже до двух километров, был огражден изгородью, которая называлась по-карельски «aida». На опушке ельника широкой полосой рос можжевельник, из него плели обручи на шайки, из корней – корзины. Им обрабатывали все шайки и бочки перед засолкой огурцов и грибов. Им окуривали корову после отела и перед выгоном на пастбище.

Со второй половины апреля всю первую половину мая каждый год крестьяне ходили «по огороды» ремонтировать их. Приносили с собой много первых весенних грибов – сморчков и строчков.

Сегодня я шел за белыми, знал, что идет первый хороший слой белых, и шел уже не первый раз. Мать говорила: «Ты не бегай по лесу, ищи грибы внимательно. Грибы ведь не бегают, они стоят на месте и ждут тебя». Я хорошо знал свои места, которые не подводили. Замечал, что утром, когда у меня хорошее настроение, ветки елок мягкие, не колются и ласково отгибаются от лица.

Под многими из них на земле росли белые. Когда кто-то портил настроение, и лес как бы ошетинивался, пытаюсь уколоть ухо, глаз или подложить бревно, чтобы споткнуться. Я пришел на первое его место, которое все называли «на краю». Взрослые, да и многие мальчишки уходили сразу вглубь леса, это место пропускали, но я знал, что это делают они зря.

Роса еще не сошла, небольшие лесные поляны заполняли запахи хвои, грибов и земляники. Я медленно обходил кочки со мхом, пытаюсь обнаружить маленькое белое или коричневое пятно шляпки гриба. Ставил корзинку, обхватывал руками этот гриб, приминая мох, аккуратно срезал под самый корень складным ножом, который всегда носил с собой. Затем опускался на колени и руками начинал мять мох на кочках, приподнимать ветки деревьев, проползая вокруг каждого дерева.

Обычно на одном месте находил десяток – полтора крепких, ядреных, замечательных белых грибов. После этого шел на другое место «у болота», обходил это болото, используя проверенный свой способ поиска грибов, находя еще десятка два – три белых. Потом шел «на клин», потом «к пруду», потом на развилку трех дорог, потом «за низину». Набирал полную корзину белых грибов, это обычно 200 – 250 штук. Пристегивал к корзине свой брючный ремень и нес ее, перекинув ремень через плечо. Белые грибы, в отличие от всех других, мы всегда считали на штуки.

На поиск и сбор грибов у меня уходило 1,5 – 2 часа, времени было еще немного, около восьми часов утра, поэтому я не шел сразу домой, а направлялся к шалашу пастуха Моревы дяди Вани, который всегда ходил босиком до снега. Дядя Ваня из соседней деревни Душково пас в нашей деревне лошадей, которых было около тридцати. Он приходил в лес вечером, когда лошадей после работы загоняли в выгон, а уходил домой утром, когда в лесу были люди. Я знал, что дядя Ваня раньше восьми часов утра не уйдет из леса и заходил к нему. Тот снова удивлялся, что я набрал так много грибов, рассказывал, как он провел ночь.

Когда он с колотушкой в руках делал обходы, видел лосей, зайцев, тетеревов, рябчиков. Дядя Ваня рассказал, что утро выдалось очень тревожное. Ночью из Сулежского леса в ельник пришли волки. Встревоженные лошади с жеребятами выбежали на опушку леса и сгруппировались недалеко от выгона. Он с кнутом в руках пошел посмотреть, что происходит. Лошади кругами стали бегать вокруг него так, что он вместе с жеребятами оказался в центре табуна.

Из леса выскочили волки, их было около десятка во главе с большим и сильным вожаком. Лошади как по команде повернулись головами к центру табуна, где были жеребята вместе с пастухом, и стали яростно отбиваться от волков копытами. Некоторым волкам досталось по мордам и бокам. Они не смогли проникнуть к жеребяткам в центр табуна, и были вынуждены ретироваться восвояси через «Тропан-Кохта» в Сулежский лес. На прощанье дядя Ваня несколько раз с громким звуком хлестнул кнутом, вслед уходящим волкам.

О встрече с лесными обитателями он умело и подробно рассказывал. Я откладывал ему десятка два белых грибов на суп, а дядя Ваня дарил мне свирельку из бузины или ивовую палочку с красиво вырезанной кожурой. В этот раз он подарил очередную изящную корзиночку для ягод. Мы поговорили с полчаса, дядя Ваня угостил чаем с дымком, заваренным зверобоем, мятой, иван-чаем и другими травами, и мы пошли вместе по домам.

Я пошел не деревенской улицей, а усадьбами, чтобы завистники не слишком зарились на добычу. Подходя к своей усадьбе, увидел, что мать и отчим уже вернулись с колхозного покоса и, как они говорили, «уповодочками» по одному часу каждое утро, косили свою усадьбу.

«Уповодок» – это старое слово, которое идет с той поры, когда еще не было часов. Оно означает время от еды до еды, зимой три уповодка, летом – четыре. Первый уповодок летом считался от восхода солнца до завтрака, или от 4 до 8 часов, второй – от завтрака до обеда, или с 8 до 12 часов. Третий уповодок от 12 до 16 часов и четвертый от 16 до 21 часа.

Примерный распорядок дня моих родителей во время сенокоса был следующим. Вставали в 4 часа утра, задавали корм скотине, доили корову, топили русскую печь и готовили в ней обед. В нее ставили щи, каши, яичные и грибные запеканки, молоко. А пока печь дотапливалась, пекли в ней оладьи или булочки из серой муки – обарники.

В 5 часов выходили на покос и косили до 10 часов, потом до 11 часов работали на своей усадьбе: косили, разбрасывали копна или переворачивали сено. С 11 до 12 часов был то ли поздний завтрак, то ли полдник, при этом обязательно на столе был вскипевший самовар. С 12 до 14 часов дойка коров и домашние дела, а в это время подростки и старушки шли сушить колхозное сено. С 14 до 16 часов – обед, с 16 часов – возка сена в сараи, работа продолжалась до 19—20 часов. После работы был уход за домашними животными, дойка коров и ужин. Взрослые в 22 часа ложились спать, а молодежь шла гулять за околицу деревни.

Я поставил корзину с грибами в своем огороде под яблоней, вышел на усадьбу и стал руками разносить сено из копен, скошенное позавчера. Потом взял стоящие у изгороди грабли и стал шевелить вчера скошенное сено.

Мать с отчимом были ниже, за картофельным участком. Они видели, что делает сын, но никто никому ничего не говорил, жалко было времени. Сделав дело, я подошел к родителям, мать спросила, удачно ли сходил в лес, велела ставить самовар, они полчаса еще покосят. Броды на покосе были пройдены накануне.

Прежде, чем косить траву на своей усадьбе, отчим приглашал туда соседей с обеих сторон. На границе, обозначенной большим камнем, он ставил вешку – высокий шест, возле него вставал сосед. Потом отчим проходил в конец усадьбы, находил в траве пограничный камень, ставил там вторую вешку, возле нее вставал второй сосед. Отчим шел по траве, ставя одну ногу перед другой, и внимательно глядя на вешку. Соседи наблюдали за идущим, чтобы он не сбился ни влево, ни вправо. Если брод в траве все-таки получался кривой, то один из соседей, повторно делал его. Таким же способом проходили брод и с другой стороны усадьбы. Брод проводили ранним утром во время обильной росы, чтобы его было хорошо видно.

Я зашел в свой огород, подошел к сосне, которую принес из леса и посадил этой весной. Однажды в мае бродил по лесу в поисках сморчков и строчков и увидел пятилетнюю сосну, она была единственной среди елок. Я заметил место, вернулся домой, взял заступ, выкопал

сосну в лесу и посадил у задней стороны огорода. Каждое утро наблюдал, все ли нормально, если не было дождей, поливал ее.

По-видимому, это не случайность, если потом через пять лет встретил девушку, символ которой «сосна», и счастливо прожил с ней всю свою жизнь. Эта сосна может называться *мемориальным деревом* не только нашей усадьбы, но и всей деревни Петряйцево, как и сохранившийся дуб в Слепневе. В мае 2021 года, когда я завершаю писать эту книгу, сосне исполнилось 65 лет, и 60 лет со времени ее посадки на нашей усадьбе.

А в то утро я пришел с усадьбы домой, оставил корзину с грибами в сенях, начал ставить самовар. Налил из ведра воды, заложил в трубу угли из тушилки. Ножом из сухого полена нащипал щепы, зажег ее, вставил в самовар, поставил трубу. Пока самовар закипал, почистил грибы, разложив по решетам. В одном решете были грибы постарше, которые мать будет сушить на печке, разослав там газеты. В другом решете были средние белые, которые будут жарить, а в третьем поменьше, которые пойдут на суп и яичницу.

Мать с отчимом вернулись около 10 часов утра. Мать начала ставить на стол завтрак, а отчим пошел поить теленка, который был привязан наклину, то есть на участке земли, который был нам дан из-за нехватки размера усадьбы в сорок соток.

На стол были выставлены из русской печи: пшеничная каша с румяной корочкой в чугушке, яичница со вчерашними белыми грибами тоже в чугушке, земляника со сливками, утром испеченные в печи на железных листах булки – обарники. На стол был водружен самовар. Вернулся отчим и отрезал хлеба, также прижав каравай к груди. Хлеб обычно мать пекла один раз в четыре-пять дней, до десяти караваев. Хлеба шло много, им баловали иногда корову, теленка и лошадь, посолив солью.

Сначала поели, потом стали пить чай. В стаканы наливали густую заварку и кипяток из самовара. Заварочный чайник постоянно стоял на камфорке самовара. Чай пили с блюдечек, наливая из стаканов, слегка дуя на него, положив в рот кусочек колотого сахара. В сахарнице вместе с 2—3 кусками сахара лежали небольшие щипцы. Ими от куска откалывали маленькие кусочки сахара, и с ними пили по 5—6 стаканов чая.

Завтрак продолжался не менее часа, в 11 часов мать с отчимом ложились отдыхать на час – полтора. Мы с мальчишками, девочками и старушками шли шевелить (переворачивать) позавчерашнее и вчерашнее колхозное сено, на обратном пути я пошевелил сено и на своей усадьбе. Домой пришел около часа дня. Мать ушла доить корову возле скотного двора, на так называемый «белый двор». Отчим в это время отбивал косы как свои, так и принесенные почти с третьей части деревни.

Мы с мальчишками побежал купаться на речку Оносиха, где было два глубоких омута. Один из них, где мы постоянно плавали, почему-то называли «Киомут», а второй, где ополаскивались – «Парник». Речка Оносиха начиналась от родников на границе нашего ельника и леса с таким же названием «Оносиха». Возле дороги на Грудино в нее впадал ручей, вытекающий из родников Душковского ельника.

В омутах на другой речке Теплинка купались очень редко, там было мелко. Когда в 1962 году на его берегу построили общественную баню, речку перегородили запрудой, воды стало больше. Но купаться по-прежнему ходили редко, так как ноги увязали в слое ила, и вода быстро мутилась.

Если бы не деревенские заботы, на реке можно проводить, хоть весь день, так весело здесь было. Когда мы были маленькими и не умели плавать, брали с собой наволочки. Надували их воздухом, дважды обернувшись вокруг себя, клали под голову и так плавали. Лет с 8—9 плавали уже без наволочек, учились плавать, ныряя. Нырнув и проплыв какое-то расстояние под водой, поднимали голову и продолжали плыть, сколько могли. И сегодня на реке, в двух ее омутах, было человек около двадцати ребятни.

Но до обеда надо было последний раз этим летом успеть сбегать в лес за земляникой, потом нужно будет собирать малину. В нашей деревне по установившейся традиции взрослые разрешали нам, мальчишкам и девчонкам, собирать ягоды, когда они полностью созреют. Землянику и чернику собирали с 12 июля, малину – с 25 июля, бруснику – с 25 августа, клюкву – с 10 сентября. Обычно эти сроки придерживались все, правда клюква у нас расти перестала из-за мелиорации полей и осушения болот.

Я купался не больше часа, и в два часа также один пошел с корзинкой дяди Вани в лес собирать землянику. Этот лес назывался «Тропан-Кохта», то есть место, где много тропинок. Тропинки эти наделали лоси. В этом лесу разрешалось пилить деревья – осину, ольху и березу на дрова. Вокруг оставшихся пней, особенно березовых, в траве было много земляники. Мне требовалось немногим более часа, чтобы набрать с литровую банку земляники. В ельнике тоже была земляника, но там ее было меньше. Крестьяне еще по-старинному обычаю в ельнике пней не оставляли. Свалив дерево на строительство дома или двора, мужики все ветки и верхушки привозили в деревню на дрова, а парни – их сыновья корчевали пни вместе с корнями, кололи их на две или четыре части и отвозили пни на единственную оставшуюся ригу. Там ими топили большую печь для просушки льнотресты.

Я прошел мимо последней оставшейся риги Паскина дяди Васи, она была на пригорке в полукилометре от деревни. Печки там уже не было года три, туда свозили сено, как и в сараи. Домой вернулся около четырех часов дня, дома готовились к обеду. Из самодельного посудного шкафа, который стоял в зимней избе, отчим доставал и расставлял посуду. Мать возилась в чулане, доставая из печки чугуны и чугунок. На первое были густые дымящиеся щи из квашенной прошлогодней капусты с мясом – говядиной.

Когда осенью резали телят, то оставляли в кладовке висеть четверть туши, из которой готовили еду зимой. Остальное мясо солили в деревянные шайки. Одну шайку оставляли на конец зимы и весну в кладовке, а вторую ставили на хранение в подполье. Это уже позднее мать солила мясо в трехлитровые банки, а тогда мясо еще солили в шайки. В них же солили огурцы и грибы, капусту тоже квасили в деревянные шайки.

На второе была тушеная в печке картошка с мясом. К ней были поданы соленые огурцы и грибы. Хотя прошел почти год со времени их засолки, но были они крепки, ядрены и вкусны. На керосинке мать успела пожарить белых грибов, которых ели после тушеной картошки. Из печки она достала топленое молоко. Не успели его допить, как бригадир Нетрусов стал звонить в подвешенный на березу рельс.

Это означало, что пора запрягать лошадей и возить в сарай позавчерашнее сено. В начале шестого часа мужики с бабами и девушками выехали в поле возить сено. Парни пошли к сараям, чтобы складывать привезенное сено. Мальчишки и девчонки тоже разбрелись по сараям, чтобы трамбовать сено и укладывать его, заполняя углы и пустоты.

Жаркая пыльная работа продолжалась до девяти часов вечера. Затем мальчишки дружно побежали купаться на реку Теплинку. Когда я вернулся домой, мать уже доила корову, отчим привел телят, загнал в хлев овец и готовился ко сну, покуривая на крыльце.

Дверь из сеней на ночь запирали на деревянный засов, продетый в толстые скобы. Так закрывали двери, ворота и калитку со двора во всей деревне. В десять часов вечера все легли спать, чтобы встать полчетвертого утра, а в четыре выйти на покос. Я тоже лег спать, завтра в шесть часов утра снова встану, и буду проводить день по своему расписанию, завтра днем первый раз в это лето пойду за малиной. Наступила ночь, деревня затихла, даже петухи замолчали. В домах не единого огонька, и трудно одинокому путнику с дороги разглядеть деревню, лишь на фоне неба, присев на коротчки.

Это у взрослых день короткий: утром – «здравствуй», а вечером – «до завтра». У ребенка день очень долог, за день он проживает целую маленькую жизнь. В этот день 28 июля у отчима был день рождения. Стояли жаркие солнечные дни, которые позволяли заготовить на зиму

больше сена. Поэтому отмечать день рождения решили тогда, когда пойдут дожди. Ведь в деревне летом живут и работают не по рабочим дням и выходным, а каждый погожий день, от зари до зари. Отдыхать можно было не в воскресенье, а когда идет дождь. Человек осознанно чувствовал и относил себя к частице природы, где больше естественности и нет надуманных искусственных правил.

Гроза

*«Улетай на небо, ветер,
поднимись повыше, к тучам,
к роду-племени родному,
к челяди своей, семейству!»
(«Калевала», песнь 42, стр. 479)*

Почему-то я помню свою первую грозу, которая прошла летом 1952 года, хотя мне было тогда всего три года. Как раз в Петров день 12 июля 1952 года над деревней пронесся ураган, была страшная гроза. Мать оставила меня, трехлетнего, в сенях на матрасе, набитом сеном, одного, а сама убежала вместе с другими колхозниками тушить телятник, который загорелся от молнии. Спасти помещение и телят не удалось. Я помню темноту, треск, удары грома, яркие вспышки молний, сильно испугался и плакал.

Потом в деревне долго обсуждали этот пожар, связывали его с разрушением часовни. Рассказывали передававшуюся из уст в уста легенду, как в 1690 году после пожара была построена часовня на берегу пруда. Ее несколько раз перестраивали, разрушили летом 1951 года, бревна пустили для строительства колхозного склада. А через год, в июле 1952 г., над деревней и прошел тот страшный ураган, он обрушился не на дома жителей, как было в 1690 году, а на колхозные постройки. От молнии загорелись скотный двор и телятник. Пока спасали и выводили упавших коров, многих телят спасти не удалось. Спаслись только те, которые сами убежали со двора.

После урагана старушки подходили к тому месту на берегу пруда, где была часовня и молились, чтобы не случались пожары, просили у Бога помощи. Это был первый и последний пожар в нашей деревне до ее кончины, от пожаров никто не пострадал.

Во время грозы мы с матерью, когда еще жили вдвоем без отчима, всегда выходили на крыльцо и переговаривались с соседкой Калачевой тетей Машей из-за дощатых переборок крыльца, не видя друг друга. Однажды тетя Маша на крыльцо не вышла. Обеспокоенная мать после грозы пошла к соседке, тетя Маша сказала, что дома была одна без сына и дочери, сильно испугалась и пряталась от грозы в шкафу.

С ней были связаны и другие курьезные случаи. Однажды ее сын Володя на стене приклеил картину молотобойца во весь рост. Тетя Маша как обычно спала на печке. В четыре часа бригадир Нетрусов под ее окном крикнул: «Выходи на покос!» Спросонок, услышав крик и увидев картину мужика во всю стену, тетя Маша сильно испугалась и упала с печки.

Другой раз она с сыном заготовила дрова в лесу. Через неделю поехала одна за дровами, когда стала брать дровину, из дровяной кучи кто-то высунулся. Тетя Маша схватила с саней топор, закрыла глаза и с перепуга ударила топором. В деревню она привезла отрубленный хвост енота.

Один раз в мае я пошел рано утром проверять мерды, навстречу шел сосед Калачев Володя, сын тети Маши, он был на десять лет старше меня, ему тогда исполнилось девятнадцать лет. Нес две щуки, сказал, что одну взял из моей мерды, и отдал мне рыбину. Скорее всего, он тогда отдал мне свою рыбу, и это была радость для семьи. Так было или нет, никто

не узнает, так как Володя погиб, будучи молодым парнем, пьяный перевернул комбайн с Душковской горы в речку.

Старшая дочь тети Маши, Александра, вышла замуж за Быстрова Алексея из соседней деревни Душково. Зять Алексей работал шофером в колхозе сначала на грузовой машине, потом на бензовозе, сначала жил в доме у тещи, в 1958 году построил свой дом на краю деревни.

Каждый раз вместе с мальчишками босиком бегал после грозы по лужам деревенской улицы. Позднее приходилось переживать грозу не только дома, но и в поле, в лесу, на речке. Когда я ходил в лес за грибами или ягодами, не всегда успевал уходить домой до грозы. Нередко гроза заставала в лесу, я быстро находил старую ель с распластавшимися по земле ветками, на четвереньках заползал под них к стволу дерева. Ни разу, какой бы дождь ни был, меня не намочил. Становилось темно и страшно, были слышны непрерывные раскаты грома и сплошной шум дождя. Самым сложным оставалось, не замочившись, выбраться из-под мокрых веток.

Начиная с 10 лет, я летом пас то овец, то телят, с овцами было немного проще. Когда начинался дождь и гроза, они сбивались в плотное стадо, прижимались куда-нибудь к опушке леса, ближайшей изгороди, кустарникам или стогу сена. Так они, тесно прижавшись друг к другу, переживали до конца грозы. Больше всего овцы боялись остаться в одиночестве, отставшая овца или ягненок металась по пастбищу до тех пор, пока не находили стада. С телятами было намного хуже, они часто забегали в клевер, на усадьбы, в деревню, случались неприятности от бригадира или деревенских жителей.

В нашей местности особенно ценили ласточек, которые из грязи и соломы лепили свои гнезда под стрехами домов. Родители категорически запрещали нам разрушать их гнезда, заявляя, что в дом может прийти беда, в том числе и пожар. Щебетанье ласточек возле своих домов мы слышали каждый летний день с утра до позднего вечера. По ласточкам взрослые жители определяли, будет ли дождь. Если ласточки летали высоко, то дождя ничего не предвещало, если опускались низко вслед за мошкаррой, значит жди дождя.

Нередко туча приходила из-за леса, возле которого пасся скот, неожиданно и быстро. Мошकारа и за нею ласточки не успевали опуститься вниз, летая высоко. Я видел, что ласточки, вслед за мошкаррой, влетали в дождевое облако и скрывались из вида. Сначала в природе становилось тихо-тихо, лишь где-то вдалеке сверкали молнии и слышались раскаты грома. Я напрягал слух и слышал приближающийся шум дождя, нельзя было медлить ни минуты. Тогда я решительно и быстро делал в ближайшей скирде сена, клевера или соломы нору и забирался в нее. Вход прикрывал тем же сеном или соломой. Было темно, тепло и сухо. Когда дождь утихал, вылезал оттуда сухим и бодрым, продолжая пасти овец или, засучив штаны, искать убежавших куда-нибудь телят.

Однажды в июне 1960 года я вместе со своим одноклассником Старшовым Толей по наряду бригадира сторожил кукурузу. Отдежурили неделю, никаких неожиданностей не было. Шалаш мы поставили у леса на «Высочке», так называлась та возвышенность в километре от деревни, настелили достаточно много елового лапника и прошлогодней соломы. Как-то вечером мы с Толей наварили картошки на костре, вскипятили в алюминиевом чайнике чай, заварив его мятой, цветами зверобоя и иван-чая, поужинали и легли спать. Ночью началась гроза, которая не давала спать до утра, было страшно, ведь было нам по одиннадцать лет. Наш шалаш, укрытый еловым лапником в несколько рядов, выдержал и дождя не пропустил.

К утру, гроза кончилась, и мы уснули мертвым сном. Проснулись от крика и мата бригадира, который пришел проверить и застал нас спящими. Поле было усеяно грачами, воронами, галками, которые вытаскивали зеленые всходы кукурузы. Мы вскочили, убежали по домам

и на дежурство больше не пошли. Уже после обеда сходили к шалашу, взяли оттуда нашу одежду, чайник и другую посуду.

В те годы со страниц районной газеты «Дело Октября», центральной газеты «Сельская жизнь», которые выписывали колхозники, шла хвала кукурузе и бобам. Бобы у нас не сеяли, а кукурузы сеяли все больше и больше, не давая права председателям колхозов сеять кормовые травы, кроме клевера, и отдыхать полям под парами. У нас кукуруза не созревала, ее скашивали на силос, не измельчая, сбрасывали в силосные ямы.

Ох, и материли мужики и бабы этот силос из зеленой кукурузной массы, когда зимой нагружали его на сани, запряженные лошадьми. Замерзшие кукурузные пласты были такими тяжелыми, что один пласт поднимали вилами четверо мужиков или шесть женщин. Девочек и молодых баб, кормящих детей грудью, к погрузке силоса не допускали. Они возили его на лошадях на ферму и там разносили по кормушкам коровам, телкам и бычкам, понемногу давали подросшим телятам. От кукурузного силоса коровы и телята поносили, доярки и телятницы готовили для них хвойный отвар из сосны, отпаивали их, но помощи от него было немного. Мы, мальчишки и девчонки, после школы часто были возле родителей, стараясь как-то помочь им.

Гроза учила меня быстро оценивать обстановку и принимать решение. Учила вырабатывать интуицию и продумывать правильные варианты выхода из конкретных ситуаций. Учила не бояться трудностей, не вздрагивать от ударов грома, не закрывать глаза от яркого света молний. Днем, сразу же после грозы во всех домах открывали окна, чтобы наполнить избу чистым и свежим воздухом.

Забавы деревенского мальчика

«Что за славная деревня!

В мире лучшее местечко!».

(«Калевала», песнь 25, стр. 299).

Дел у деревенского мальчика было всегда много в любое время года. Мы с нетерпением ждали первых морозов, когда станет лед на пруду возле часовни. Лед становился крепким и надежным уже к осенним школьным каникулам, которые наступали каждый год 4 ноября. К этому времени уже были подготовлены коньки, финки, санки и самокаты.

Коньки крепили к валенкам с помощью двух тесемок и палочки, которая стягивала их. Самокат – это две доски, одна вдоль, другая поперек, а также треугольник из досок и руль. К поперечной доске прибавляли два конька, третий конек крепился к рулю. Катались на самокате по льду, отталкиваясь одной ногой. Финки были согнуты из одного толстого металлического прута в виде угла в 45 градусов, имели два полоза и дугу, за которую держались. На финках катались по льду, а позднее – по накатанной санной дороге.

Пока не было снега, санки тоже применяли для катания по льду. Для этого во льду мы пробивали отверстие, через него в землю вбивали кол, к которому крепили поперечину. Все, кто хотел, привязывали свои санки к этой поперечине на длинных веревках. Двое крутили эту конструкцию, а остальные со смехом и визгом катили на санках по кругу.

Рыбная ловля. В апреле мы почти неделю ходили на берега рек в заросли кустарника за ивовыми прутьями. День тогда становился длиннее, мы после школы успевали нарезать охапку прутьев. А по вечерам вместе с отчимом плели корзины и мерды для ловли рыбы.

Мерды начинали ставить обычно в начале мая, когда сходила большая вода. В майские праздники, взяв мерды и топор, уходили ставить их на речки, что опоясывали деревню. Перегораживали речку, забивая в дно ольховые колья в два ряда. Между кольями делали плотный

заплот из хвороста. В середине реки устанавливалась мерда, закрепленная двумя кольями, забитыми в дно реки под углом друг к другу. Мерда – означает «мережа» или «верша».

Вся вода стекала только в мерду, обходя заплот с двух сторон. Каждый мальчишка обычно ставил четыре-пять мерд и каждое утро до школы, а также после школы проверял их. Попадались маленькие рыбешки, называли их «камса», иногда попадались налимы, щуки попадались редко. Другие мальчишки и мужики, чужие мерды не проверяли. Если когда проверяли, рыбу отдавали хозяевам.

Потом зацветали наши дикие сады, сначала – черемуха, потом сирень, вишня и ирга, за ними – яблони. Это был знак для нас, мальчишек, мы с нетерпением ждали этого дня. Нам родители разрешали купаться только с того дня, как зацветут яблони. Если даже было холодно, мы просили родителей выйти в огород и убедиться в том, что яблони уже зацвели. Мы бежали купаться, и нас всю дорогу сопровождало пенье жаворонков и тревожные крики чибисов – у нас их называли «луговками».

Если говорить о рыбалке, то рыбу ловили все лето разными способами. Мы любили ловить рыбу вилками и корзинками. Брли с собой вилки и уходили вниз по течению каменистой Синьковской реки до впадения ее в Каменку, оттуда начинали лов, идя по реке против течения, чтобы поднятая муть не мешала ловить рыбу.

Идя неспешно по дну реки, ребята поднимали медленно камень, где нередко находился налим. Моментально наносился удар вилкой, и налим был пойман. Его насаживали на ольховую рогатину, и мы шли дальше. Если налим уплывал от камня, за ним начиналась охота, которая не так часто была успешной. Пока возвращались до своей деревни, обычно ловили по 20 – 30 налимов. С таким богатым уловом мы приходили домой порадовать родителей.

Другое дело ловить рыбу корзиной, чаще всего карасей, налимов и пескарей, реже – щук. Мы брали с собой по большой плоской корзине, в которой зимой хранили на печке лук, подносили осторожно корзину к берегу под углом, плотно прижав один ее край. С другой стороны начинали очень активно шуровать ногой под берегом. Пошуровав ногой с полминуты, поднимали корзину, в ней обычно находились один-два налима. Нередко были случаи, когда по дну корзины был сильный удар, я сразу выбрасывал корзину на берег. В ней был большущий налим длиной около пятидесяти сантиметров, которого страшно было брать в руки. Поборов страх, я брал его под жабры и насаживал на ольховую рогатину.

В августе ловили щук-сеголеток корзинами или руками. Обычно, подойдя к омуту, увидев там множество небольших щурят по двадцать пять—тридцать сантиметров, омут загораживали с двух сторон камнями. Потом мутили воду и начинали ловить корзиной или руками. Вылавливали одно ведро и опять разгораживали омут, чтобы остальная рыба не погибла. Так же ловили и другую рыбу, загородив омут: окуней, плотву, пелядь.

Чудеса рыболовного искусства показывал мой отчим. Идя вдоль берега, он внимательно смотрел в воду и нередко колот щуку вилами, прижимал ее к берегу граблями или вытаскивал налима из норы руками. Мужики не позволяли брать мальчишкам слишком маленьких щурят или налимов. Придя домой с таким уловом, можно было получить рукой по шее или ремнем по другому месту. Нередко бывали случаи, когда ловилась некрупная рыба, мужики опускали ее в ведро с водой, а мы переносили ее в другую речку, где рыбы было меньше.

У взрослых мужчин было немного времени для рыбалки, обычно неделя после навозницы до покосов в конце июня, да неделя после покоса до уборочной в начале августа. Зимней рыбалки на мормышку в деревне тогда не было.

Иногда ловили рыбу по первому льду следующим образом. В удобном месте взрослые делали метровую полынью на всю ширину речки. Ставили невод против течения, мальчишки шли издалека по льду и стучали по нему палками. Когда мы приближались к полынье, невод поднимали и вытаскивали на лед. Чаще всего это рыбалка была удачной, попадались щуки, налимы, окуни, плотва.

Подвижные игры. Деревенские мальчишки много времени, кроме ночи и уроков, проводили на улице. Самыми популярными играми у нас были: русская лапта, футбол, городки, игра в «чижа». Чиж, это палочка, срезанная с обеих сторон наискосок. Ее клали на дощечку и подбрасывали, наступив на кончик ногой, и били по чижу палкой, как при лапте.

В прятки мальчишки нередко играли вместе с девочками на деревенской улице. Прятались за углами домов, крыльцами, деревьями, колодцами, зарывались в сваленное в заулке сено или солому. Играли до тех пор, пока не стемнеет, или пока не обидится тот, кому приходилось чаще других водить.

В **русскую лапту** играли зимой и летом, но чаще и больше – зимой на улице деревни. В игре участвовали от восьмилетних мальчишек до восемнадцатилетних парней. В команде, было обычно пять-шесть человек, больше не брали.

Не попавшие в команду ребята стояли на обочине и дожидались заменить того, кто устал или плохо играет. «Плохо играет» означало: медленно бегают, не умеет увернуться от мяча, не умеет метко бить битой по мячу и мячом по играющему, не умеет при ударе далеко забить мяч и ловить «свечи». Взрослые парни не старались бить очень далеко, хотя все они делали это отменно. Обычно они старались «дать свечу», то есть забить мяч высоко вверх под облака, порою так, что его не было видно. Этим они учили нас ловить «свечу», что было непросто. Развитие от русской лапты было многосторонним: быстрый бег, точность, меткость, умение играть в коллективе, расчетливость, взаимопомощь. Вообще, в играх деревенские мальчишки показывали свою силу, меткость, ловкость и смекалку.

Как только в марте-апреле появлялись первые проталины, начинались игры «в городки». Всем известная игра, развивающая силу и меткость. Из всех происшедших событий особенно запомнил полет в космос Ю. А. Гагарина. 12 апреля 1961 года деревенские дети из-за разлива ручьев и рек были на каникулах, мы с мальчишками играли в городки возле ферм, где только что появились первые проталины из-под снега.

Проголодавшись, я забежал домой, намазал подсолнечным маслом кусок ржаного хлеба, посыпал солью и хотел выбежать на улицу. Вдруг по радио мощным голосом Юрия Левитана стали говорить об успешном полете Юрия «Бакарина». Именно так сначала я расслышал по радио фамилию Гагарина. Не дожидаясь повтора, выбежал на улицу с куском хлеба, прибежал к мальчишкам и стал возбужденно говорить о полете в космос нашего человека, повторяя фамилию «Бакарин, Бакарин». Все мальчишки, оставив здесь же городки и палки-биты, побежали по домам слушать радио.

Когда пришли в школу после каникул, начали уточнять фамилию, которую окончательно сказала учительница русского языка и литературы Вера Алексеевна Лебедева – «Гагарин».

Летом, когда улица деревни подсыхала, большой радостью для нас была ходьба на самодельных деревянных ходулях. Мы устраивали соревнования, кто быстрее пройдет всю улицу деревни из конца в конец, ни разу не ступая на землю.

В **футбол** мы играли с весны до поздней осени, до наступления морозов. В нашей деревне сами мальчишки оборудовали два футбольных поля – на лугу возле построенной бани, и в выгоне. Мы сами на лошади привозили из леса жерди, сколачивали ворота, на земле делали разметку по периметру поля, центра поля и вратарских площадок, прокапывая небольшие канавки. Эти канавки заполняли речным песком. Все лето, пока скот пасли в лесу, мы играли на поле возле бани, на другом поле, в выгоне, было много коровьих кизяков. С августа, когда коров начинали пасти на освободившихся ото льна и зерновых культур полях, мы переходили в выгон, убрав подсохшие кизяки. На поле возле бани вся трава нами была уже выбита, а в выгоне зеленела бархатным покровом.

Сначала играли резиновыми мячами, но они рвались от сильных ударов. Мы вскладчину купили настоящий футбольный мяч с камерой, кожаной покрышкой и супоневой шнуровкой. Мне лично чаще всего приходилось играть вратарем, неплохо брал верхние мячи и слабо брал

нижние мячи. Мы даже заразили взрослых мужчин играть с нами в футбол. К нам приезжали играть мальчишки из других деревень – Душкова, Поцепа и даже дальних: Климантина, Байков, что в шести километрах от нашей деревни.

Совместные игры помогают общению и дружбе, воспитывают чувство взаимной выручки, умение быть в коллективе. Не случайно, наверное, за все годы моей школьной поры в деревне, да и в школе, между мальчишками не было ни одной серьезной драки.

Игры в ножи. У каждого из нас были наборы из складных ножей, рогаток и луков со стрелами. В ножи играли по-разному. В одной игре складной нож складывали под углом 90 градусов и играли на доске или деревянном крыльце. Втыкали нож в доску и указательным пальцем возле основания рукоятки подбрасывали его в воздух. Нож переворачивался один раз и снова втыкался в доску. Сколько пальцев проходило между доской и основанием рукоятки, столько игрок получал очков. Иногда их умножали на 10, например, если два пальца, то 20 очков и так далее. Если нож втыкался так, что его лезвие и основание рукоятки были на доске, считали за 5 очков. Устанавливали победное число очков, например 500, до которого все стремились. Проигравшего игрока наказывали по одному щелбану в лоб за каждые 10 очков. Если до победы ему не хватило 200 очков, то 20 щелбанов.

В другую игру с ножом играли на земле. Нож полностью выпрямляли, кончик лезвия поочередно ставили на голень, ладонь, локоть, плечо, голову и сбрасывали его вниз. Он должен был перевернуться в воздухе и воткнуться в землю. У кого нож не втыкался в землю, он ждал своей очереди и повторял движение с прежней позиции. Кто заканчивал последним, тот проигрывал. Ему устраивали испытание, он должен был вытащить из земли зубами тонкий колышек длиной с его мизинец. Игроки договаривались заранее, один или два удара рукояткой ножа может сделать каждый игрок, забивая колышек в землю. Чаще всего колышек в нее уходил полностью.

Устраивали соревнования по метанию ножа на меткость в дерево, постепенно увеличивая расстояние. Начинали с трех шагов и доходили до десяти шагов, а иногда и дальше. Клади нож вдоль ладони рукояткой вперед, прицеливались и бросали так, чтобы нож перевернулся в воздухе и воткнулся в дерево. Особенно удобно было устраивать такие соревнования в лесу во время отдыха при сборе грибов или ягод.

Проводили соревнования на дальность полетов стрел из лука. Стреляли за деревней вдоль дороги, чтобы можно было быстрее отыскать стрелы и отметить расстояние. Стреляли из лука на точность, попадая в дерево или доску. Для этого в стрелу вбивали гвоздь и остро его затачивали. Стреляли на точность из рогатки по деревьям, висящим диким яблокам, по воробьям. Других птиц, в том числе скворцов, дроздов и ласточек никогда не трогали, чтобы не попало от родителей.

Мы, мальчишки, во всех играх и соревнованиях заранее придумывали наказание проигравшему: пробежать какое-то расстояние, проползти его, пройти гусиным шагом или прыжками, прыгнуть с места до установленной отметки, вытянуть зубами небольшую палочку. Не обходилось без синяков и порезов, полученные ранки лечили просто: обмывали собственной мочой, стараясь не волновать родителей по таким незначительным поводам.

Увлечение фотodelом. С 14 лет я начал активно заниматься фотографией. Дело в том, что фотографий в деревне тогда было мало, память о предках оставалась лишь в поминальниках, которые всегда хранили за образами. У нас сохранилась фотография моего дедушки, Ивана Ивановича Визюркина. До революции он ездил в Царское Село, где служил его старший младший брат Петр Иванович. Они вдвоем сфотографировались в мастерской П.И.Видинеева, что была в Царском Селе на углу улиц Конюшенной и Средней. Была также армейская фотография моего отца и отдельно фотография матери, снятая в городе Бежецке.

Первый раз меня вместе с матерью, отчимом и младший братом сфотографировал в марте 1958 года Коноплев Юрий. Он тогда учился в зоотехникуме, купил фотоаппарат

и любил фотографировать деревенских жителей. Мы сидим на скамье возле угла только что подрубленного своего дома. Мне тогда шел девятый год, а брату было полтора года. До того времени нет ни одной моей фотографии, в наш дальний угол фотографы не заезжали, а в Бежецк фотографироваться меня не возили. Вот тогда, в марте 1958 года, я решил, что тоже буду фотографировать и делать фотографии.

Эта моя мечта осуществилась через пять лет. Весной 1963 года я с отличием перешел в восьмой класс, получил замечательный подарок – свой первый фотоаппарат «Смена-4». Чтобы его купить, родители отвезли в Грудино всю овечью шерсть, что была в доме, и продали ее там катаям на валенки. Позднее купили фотоувеличитель и ванночки для растворов.

Первые уроки по фотоделу мне дала директор школы Румянцева Нина Арсеньевна на организованном ею фотокружке. Она учила нас правильно вставлять в фотоаппарат и снимать пленку, проявлять и закреплять ее. Показывала, как надо проявлять и закреплять фотоснимки. Увлечение черно-белой фотографией оставалось у меня на протяжении четверти века, пока на смену не пришло цветное фото.

Скучно в деревне не было, по традиции деревенские ребята сами организовывали игры и не ждали, когда взрослые нас будут веселить. Знали, что взрослые много работают, и им надо в этом помогать. Мы обращались к взрослым за помощью лишь зимой, когда было свободное для них время. Родители, старшие братья делали для мальчишек и девчонок санки, самокаты, финны – загнутые из толстой проволоки два полоза. Помогали делать скворечники, кормушки, плести корзинки и мерды.

Просто на многое у нас не хватало свободного времени. Но детские радости и с годами не вытравившись.

Первая влюбленность

*«У земли в достатке силы,
что веки не иссякнет,
если дочери природы
добротой не оскудеют».*
(«Калевала», песнь 2, стр. 32).

Когда мне и моим ровесникам исполнилось по 14 лет, мы стали устраивать гулянья возле новой бани на берегу речки Теплинки, ее построили за год до наших гуляний, в 1962 году. Играли в разные игры, суть которых заключалась в том, кто с кем идет гулять по берегу реки Теплинки. Появлялись первые симпатии, и сердце тревожно билось, когда выходило идти гулять по берегу с той, которая нравилась. Но как-то получилось, что позднее только три пары из одной деревни оказались крепкими и создали свои семьи, у других не сложилось.

Девчонки в классе не обращали на меня никакого внимания. Ну и что, если отличник, всегда на доске почета, всегда с грамотами, весь такой правильный. Им нравились мальчишки другие – хулиганы, задиры, зимогоры. Вот совсем другое дело одноклассник Быстров Николай, правда, мы догнали его в учебе, оставленного на второй год, отчаянный до безумия, всегда был горазд на выдумки.

Он всегда что-нибудь отмочит, например, заберется на колокольню местной церкви, долго бродит там по шатким доскам, осматривая ниши, все чего-то выискивая. И нашел ведь целое ведро медных монет. Раздал всем мальчишкам по 10 монет, остальные оставил себе. После этого так весело стало в школе. На каждой перемене играли в деньги – «в стенку» или «в орла». Получалось так, что обычно Николай выигрывал у других монеты, а на другой день снова раздавал их мальчишкам.

Он всегда что-нибудь придумывал. Один раз мы поехали на уроке физкультуры кататься на лыжах на Шейновскую гору. Николай убедил пожилого учителя физкультуры Ивана Васильевича Харчикова, что мы сможем справиться сами, к урокам математики и русского языка не опоздаем. Тогда у мальчишек уже стали появляться первые часы Чистопольского часового завода «Полет». Когда до конца урока оставалось десять минут, и надо было возвращаться в школу, Быстров Николай предложил нам проехать по Высочке два километра, а потом уже вернуться в школу. Девчонки отправились в школу прямо с горы, а мальчишки проявили солидарность и поехали за Николаем. Он первым стал торить лыжню по целине, пробирались по берегу речки Каменка долго. Вернулись в школу, когда уже закончились все уроки.

Нас ожидала директриса вместе с учителем физкультуры, который, как оказалось позднее, занимался с нами последний учебный год. В следующем году в школу пришел новый молодой энергичный учитель физкультуры Анатолий Михайлович Бычков.

А когда идем утром в школу, Николай положит какой-нибудь девчонке за шиворот или в валенок комок снега. Та визжит, а мальчишки смеются. Или по весне положит какому-нибудь мальчишке в нагрудный карман яйцо дрозда и прихлопнет его рукой. Такие мальчишки, как Николай, девчонкам почему-то нравились, а вот такие тихони, как я, нет. Нужно сказать, что долгие годы потом Быстров Николай отслужил в ленинградской милиции.

А еще девчонкам нравились ребята постарше себя, которым вот-вот идти в армию, а туда брали тогда с 19 лет. Идет какая-нибудь девчонка по улице, а приехавший незнакомый парень из другой деревни откроет окно и кричит: «Соседка, а соседка, ну подожди, давай поговорим». Та гордо пройдет мимо, как бы, не обращая на него внимания, а вечером, глядишь, они уже вместе.

Я уже несколько раз ходил в кино, сначала с отчимом, потом с деревенскими мальчишками. С отчимом ходили в клуб деревни Душково, что в одном километре от нашей, с мальчишками – в клуб деревни Бережки за четыре километра. Под старый клуб в деревне Бережки еще в 1930-е годы приспособили большой дом одного из раскулаченных жителей, говорили, что это был дом выселенной семьи Горельцовых. В том доме выпилили стену между зимней и летней избой, оставив для прочности часть бревен по 70 см с двух сторон и три верхних ряда бревен. В летней избе оборудовали сцену, подняв пол, а в зимней избе вместе с чуланом – зал. Там разобрали русскую печь и дощатую переборку, для отопления на сцене выложили голландскую печь. Когда местными силами устраивали концерты, зрители сидели на скамейках лицом к сцене. Когда показывали фильмы, на сцене находилась киноустановка, на противоположной стене вывешивали экран. После кино устраивали танцы, оставив все скамейки вдоль стен. В этом же доме, кроме сельского клуба, находилась сельская библиотека, а до лета 1954 года и Бережковский сельсовет.

Однажды в середине августа 1963 года я вместе с другими ребятами шел смотреть кино в Бережки по деревне Душково. Увидали крупные яблоки в одном огороде возле дороги, попробовали, оказались вкусными. Ребята предложили мне забраться на огород, с огорода на яблоню и потрясти ее. Сказали, что здесь живет моя родственница Белозерова баба Дуня, она меня ругать не будет, а они наберут яблок и угостят ими девчонок.

Я забрался на яблоню и стал ее трясти так, чтобы яблоки падали ближе к дороге, а не в огород. Вдруг из дома вышла хозяйка, все мальчишки разбежались. Я прыгнул с яблони на дорогу, но неудачно, в мою штанину попала крепкая толстая частоколина. И я на ней повис, качаясь вниз головой. Брюки оказались крепкими, не рвались, а частокोल не ломался, только гнулся. Баба Дуня подошла ко мне и сказала: «Ну, зачем ты так, Толя, мог бы убиться или пораниться. Пришел бы в дом, я тебе дала столько яблок, сколько тебе надо». А я все висел на частоколине, уже едва касаясь пальцами рук земли, и пытаюсь сломать ее. Хозяйка взяла меня на руки и стала помогать вытянуть меня из этой жерди. И только освобождаясь, жердь слегка царапнула мне ногу, а так все обошлось.

Молодая энергичная директриса школы Нина Арсеньевна Румянцева устраивала по субботам танцы. Это были уроки бережного, доброго и внимательного отношения к девушкам, уроки первых прикосновений к другому полу, и первых танцевальных движений. Девчонки почему-то танцевали более умело, и учили танцевать мальчишек. Начинались взаимные симпатии, а иногда – безответная влюбленность.

Когда я учился в 8-ом классе, мне понравилась одна девочка из младшего, идущего за нами класса. Я долго преодолевал себя и свое волнение, чтобы пригласить ее на танец. С другими девчонками я танцевал, хоть и неумело, но, не волнуясь и не переживая. Танцуя с ней, я потел, терялся, наступал ей на ноги, не попадал в такт музыке. Она не обращала на меня никакого внимания. Так продолжалось с полгода, когда весной после нашего выпуска она прямо заявила, что я ей не нравлюсь, она не хочет со мной дружить. Чтобы я не пытался с нею встречаться и приглашать ее на танцы, она не пойдет со мной танцевать и поставит меня в неловкое положение.

Я не мог понять, чем она привлекала и тревожила, обыкновенная девчонка, нельзя сказать, что симпатичная, со средними способностями в учебе. Неразговорчивая «бука», без обычной девичьей улыбки и нежности. Я никогда не оставался с ней один на один, не держал ее за руку. Великим счастьем для меня было танцевать с нею, я волновался и дрожал от прикосновения ее рук. При танце опускал глаза и не мог заставить себя посмотреть на нее.

Только став взрослым, и полюбив раз и навсегда одну женщину, я понял, что первая юношеская влюбленность в 14 лет не имеет отношения к настоящей любви, настоящая любовь бывает одна, и на всю жизнь. А тогда была именно влюбленность, притом не взаимная.

Летом 1980 года, когда я работал прокурором Сонковского района, Быстров Николай пришел ко мне на прием. Рассказал, что приехал к родителям в отпуск, через день у соседа взял удочки и велосипед. Поехал ловить рыбу на речку Каменку возле бывшей деревни Слепнево, остановился в полукилометре от нового озера Уйвешь. Только разматывал удочки и не поймал ни одной рыбины, как по противоположному берегу подъехал мотоцикл, с двумя мужчинами. Один разделся, переплыл речку, подошел к Николаю, сказал, что он рыбинспектор. Предложил показать путевку на ловлю рыбы или разрешение. Николай спросил у него удостоверение. Рыбинспектор ответил, что удостоверение плывет следом. Второй мужчина подошел к Николаю, повторил требование, на отказ ударил Николая в челюсть.

После этого мужчины забрали удочки и велосипед, сказали, что за ними можно приехать в милицию Бежецка. Он ездил в Бежецк, там потребовали от Николая подробные сведения о себе и уплатить штраф за ловлю рыбы без разрешения. Он ничего этого делать не стал, испугался, что сообщат по месту его службы в Ленинград. Из Бежецка Николай проехал прямо ко мне в Сонково. Я позвонил прокурору Бежецкого района, объяснил ситуацию, сказал, что был задержан сержант ленинградской милиции. Он не знал о запрещении на ловлю рыбы вблизи озера, так как запрещающих знаков нет. Рыбы он не поймал, а удар в челюсть получил. Прокурор Бежецкого района сказал, чтобы Николай приезжал в милицию за велосипедом и удочками, с учетом обстоятельств никакого акта на него составлено не будет. Больше Быстрова Николая я никогда не встречал.

*«Когда ожидаешь, придет – не придет,
Словами чувства порой не передать.
Чтобы понять, как медленно время идет,
Нужно чаще кого-нибудь ждать».*

Глава III. Любовь и семья

Учеба в техникуме

*«Помни – мать тебя взрастила,
грудью собственной вскормила».
(«Калевала», песнь 23, стр. 269)*

В сентябре 1964 года после окончания Карело-Кошевской восьмилетней школы я поступил учиться на техника-механика сельхозмашин в Бежецкий машиностроительный техникум. К тому времени история техникума была недолгой, всего около десяти лет. В 1953 году на базе завода «Бежецксельмаш» был открыт вечерний машиностроительный техникум. К 1956 году открылось дневное отделение техникума, оно тогда располагалось в здании бывшей ремесленной школы с общежитием для учащихся-сирот. Здание техникума стояло на Богословской горе вплотную с городским садом на левом берегу оврага. Рядом с техникумом в помещении бывшего храма Иоанна Богослова тогда работала кроватная фабрика.

Через дорогу на Красной Горке еще оставались стены и часть зданий бывшего до Октябрьской революции красивого Воскресенского собора. Позднее рядом с остатками этих стен был построен автовокзал.

Напротив техникума через овраг на улице Садовой располагалась школа №4, где до революции находилась женская гимназия. Вся Садовая улица построена не прямо, а с поворотом вдоль речки Похвала, которая протекала сначала по равнине, а затем по дну большого оврага, что рядом с техникумом. Название речки происходит от финского слова «Pohja» (дно), она первоначально называлась Похъяла, то есть «бегущая по дну оврага». Это название, как и другим речкам – Уйвешь, Могоча, Мелеча, Молога, дало проживавшее здесь до прихода славян племя «весь». Позднее пришедшие славяне стали называть речку Похвала.

В Бежецком машиностроительном техникуме обучали двум специальностям – технолог литейного производства и техник-механик сельхозмашин. Обучение проходило в течение 3,5 лет, на каждом курсе было по одной группе технологов и одной группе техников-механиков, всего 8 групп по 30 учащихся. Были задействованы все помещения двухэтажного здания, в подвале находились мастерские, там обучали слесарному делу, а также обучали устройству сельхозмашин в отдельно стоящем помещении.

Первые месяцы нахождения в Бежецке, я жил на чае, твороге, сметане и других продуктах, которые привозил из дома. Тогда стипендию начинали давать лишь по итогам успеваемости за первый семестр, в деревне денег тоже не платили, там зарплату стали платить лишь с июля 1966 года, родители дать их мне не могли. За проживание учащихся деньги хозяевам платил техникум по 12 рублей в месяц.

Мать однажды приезжала ко мне на квартиру, привезла продуктов. Я встретил ее с поезда, и мы пошли три километра по городу пешком. Мать несла на спине мешок с продуктами, я робко предложил взять этот мешок, она отказала. Одета мать была в плюшевую жакетку, на голове коричневый шерстяной платок, на ногах – резиновые сапоги. Я испытывал какой-то стыд за мешок, за ее одежду и обувь, вдруг нас встретят однокурсники. Был тогда я совсем глупым, потом всю жизнь мне было не по себе за тот стыд.

С нового 1965 года я стал получать стипендию 20 рублей в месяц, мог позволить каждый день обедать в столовой. На день нам хватало по 60 копеек, если были запасы сахара. Утром и вечером мы пили чай с батоном за 13 копеек. Днем был полный обед в студенческой столовой

за 30 – 35 копеек. Достаток у нас всех, проживающих в общежитии или на квартирах, был одинаков, большинство из нас приехали в город из деревни.

Сначала я жил на квартире у знакомых своей матери Беловых, на Садовой улице возле средней школы №4. Эти знакомые матери после Великой Отечественной войны переехали в Бежецк из деревни Климантино. Они жили на втором этаже двухэтажного кирпичного дома. Из рассказов хозяев я узнал о том, что до революции в этом доме находилась городская управа, а на крыше дома возвышалась пожарная каланча. После Октябрьской революции каланчу с крыши дома убрали и построили ее рядом с этим домом, во дворе его. В то время хозяин квартиры, в которой я жил, был начальником пожарной команды.

Перед ноябрьскими праздниками 1964 года хозяева стали вставлять зимние рамы и разбили одно стекло тонкими полосками. Ведро со стеклами поставили возле моей кровати. Утром я стал надевать брюки и проткнул стеклом ногу насквозь. Скорая помощь отвезла меня в больницу, где стекло вытащили. Потом еще целый месяц ходил в калоше с шерстяным носком.

После этого случая я перешел жить на другую квартиру по улице Новой, в конце Кашинской улицы, в противоположной стороне от дороги к нам. Там уже жил однокурсник Калугин Анатолий, с которым мы стали дружить. Дом, где мы жили, находился километрах в двух от техникума, нам приходилось туда и обратно ездить на автобусе. Это были дополнительные расходы в пределах полутора рублей в месяц для бедных студентов. На эти деньги можно было целую неделю обедать в студенческой столовой.

В феврале 1965 года мы с Калугиным (ставшим позднее известным художником) попросили наших однокурсников поговорить с хозяйкой, чтобы жить с ними вместе. Они жили вчетвером на улице Шишкова, бывшей Воздвиженской, возле церкви, что на площади Красной. Хозяйка пустила нас жить, мы вшестером прожили четыре месяца до конца первого курса, кто-то спал на раскладушках, а мы с Калугиным спали на полу. После окончания техникума Анатолий Калугин стал художником, женился на дочери известного пародиста Александра Иванова, жил в Москве.

На втором курсе нас всех шестерых поселили в общежитии возле кладбища. В нашу комнату с Калугиным подселили еще двух учащихся с третьего курса Владимира Молякова из Сонкова и Александра Морозова из Максатихинского района. У входа на кладбище стояли два двухэтажных дома, между которыми были ворота, до Октябрьской революции в этих домах жили монашки. На кладбище стояла церковь Спаса Нерукотворного образа, она была единственной действующей тогда во всем городе. Во время праздников мы из окна общежития наблюдали за крестным ходом вокруг кладбища, который проводили обычно поздно вечером или рано утром.

За водой ходили во двор к священнику, на дне его колодца были набросаны серебряные монеты. Местные жители с улицы Нечаева, бывшей Мещанской, в том числе и батюшка, у которого мы брали воду, говорили, что на площади перед этими двумя домами раньше стояла самая высокая в городе колокольня. После Октябрьской революции колокольню взорвали, а два дома, церковь и трехэтажный кирпичный приют для отставных священнослужителей оставили. При нас в этом кирпичном здании приюта находилась школа-интернат для слабовидящих детей. На спортивной площадке школы слепых мы по вечерам тренировались на турниках, играли в волейбол и футбол.

Когда мне исполнилось 16 лет, мать стала добиваться для меня паспорт. Сначала она ходила несколько раз к председателю колхоза, чтобы он дал справку для получения паспорта, хотя я никакого заявления о вступлении в колхоз не писал. Председатель сельсовета В. П. Ракитин говорил ей, что я автоматически становлюсь членом колхоза, но никакой справки ей председатель колхоза не дал. Она три раза ходила за десять километров в сельсовет, первые два раза председатель сельсовета Ракитин в справке ей отказал, заявив, что она должна ему пред-

ставить справку, выданную из колхоза. Мать поехала в паспортный стол, поговорила с начальницей Галиной Ивановной Бардиной.

Та сказала, что никакой справки из колхоза не надо, так как я учусь в техникуме и заявления в колхоз не писал. Нужна только одна справка из сельсовета, она тут же позвонила Ракитину и сказала, что у него нет никаких оснований не давать справки. Мать вернулась домой радостной и счастливой. На второй же день помчалась в сельсовет, Ракитин говорил матери, что теперь она потеряет сыночка, что домой он уже не вернется. Получив справку, мать отвезла ее вместе с моим свидетельством о рождении в паспортный стол. Г.И.Бардина назначила день получения паспорта, договорились, что я приеду после обеда из Бежецка в Сонково на поезде. Когда я на выходные приехал домой, мать сказала, когда и где надо получить паспорт. Так я стал обладателем заветного документа, какого тогда у колхозников не было. Мои родители получили паспорта через 11 лет после меня, в 1976 году.

Последние полтора года учебы я жил в общежитии техникума, которое располагалось в трехэтажном доме на пересечении улиц Красноармейской, бывшей Постоялой, и Рыбинской. Жили в комнате на втором этаже, где было самое большое окно из трех частей. Через улицу Красноармейскую стоял трехэтажный дом из красного кирпича, где тогда размещалась школа №3, говорили, что до Октябрьской революции здесь была гостиница, которую выстроил купец А. Кузнецов.

Напротив нашего общежития на другой стороне Рыбинской улицы стоял двухэтажный дом. На первом этаже дома была студенческая столовая, на втором этаже – техникумовская библиотека. До революции это был дом купчихи Е. Сергеевой, она с семьей жила на втором этаже, а на первом находился их магазин. Через несколько домов от своего, на пересечении улиц Рыбинской и Спасской, Сергеева построила женскую богадельню. При нас там располагалась средняя школа №3, а позднее – Бежецкое педагогическое училище.

С первых дней обучения в техникуме я поставил перед собой цель – овладеть прочными знаниями, так как отличные школьные оценки этих глубоких знаний мне не дали. В первый месяцы учебы в техникуме я скатился до троек по математике, химии, физике и иностранному языку. Это грозило тем, что по итогам первого семестра мог бы не получить долгожданной стипендии.

Как тогда жить, как учиться, если в деревне небольшие деньги на трудодни тогда давали один раз в год? Я внимательно и старательно усваивал предметы на уроках, много занимался дома. Ходил домой к своим однокурсникам, которые жили в Бежецке, и занимался с ними. Занимался много, упорно и старательно, к новому 1965 году у меня оставались тройки по математике и химии, которую я так и смог усвоить. На итоговой контрольной работе по химии мне пришлось рисковать.

Я сидел на первой парте и мучился над заданиями. Понимая, что могу их не выполнить, достал свои конспекты, положил их, не скрывая, на парту, и стал списывать с них ответы. Подошла учительница, уперлась руками о нашу парту, практически о мою тетрадь, стала внимательно смотреть вдаль на других учеников. Видела ли она мои конспекты или нет, не знаю, но контрольную работу написал на четверку, которая позднее вошла в итоговую ведомость. Со второго семестра я стал получать стипендию в 20 рублей в месяц, а со середины второго курса оказался на Доске почета и не сходил с нее до окончания учебы в техникуме.

Математику нам преподавал легендарный в Бежецке человек Борис Иванович Белобородов. Он всегда был прилично одет в костюм с безрукавкой, белую рубашку с бабочкой. Его часто можно было встретить на улицах города, где он был одет в темно-серое пальто, на голове шляпа. Ходил с неизменной тросточкой в правой руке и со светло-коричневым кожаным портфелем в левой руке. При встрече с кем-либо из знакомых, он перекладывал трость в левую руку, правой приподнимал шляпу и кланялся.

У Бориса Ивановича была странная привычка. Во время ответа у доски кого-либо из учащихся, он оставлял на столе очки, шел в аудиторию, вставал за спиной одного из юношей. Проводил руку ему под пиджак или рубашку на груди, шевелил пальцами и слушал отвечающего учащегося. Все привыкли к этому, и особой реакции не было, но однажды в классе раздался громкий хохот. Все стали оборачиваться и увидели, что рука Бориса Ивановича под кофточкой одной девушки, которая была в крайней степени смущения.

В ответ на смех Борис Иванович быстрым шагом вернулся к столу, надел очки, посмотрел на ту девушку, сильно смутился, покраснел, отпустил счастливого отвечающего студента на свое место, и стал объяснять нам новый материал. Было удивительно слышать от Бориса Ивановича обращение «коллеги» к нам, учащимся, больше никто из преподавателей к нам так не обращался.

Во время учебы в техникуме, как и потом в дальнейшей жизни, я применял метод «треугольника»: книга – голова – тетрадь. Я никогда не применял метод «прямой линии»: книга – тетрадь. Не переносил мысли из книги прямо в тетрадь, а делал все обдуманно. Не записывал в тетрадь правила, формулы или обоснования, пока не доходил до их сути своим умом. Нередко для этого мне приходилось переводить сложные научные термины на простой человеческий язык.

Позднее я понял для себя истину, что когда человек формулирует свою мысль не простыми словами, а запутанно и туманно, то он просто хочет запутать собеседника, обмануть его, или сам до конца не понимает того, о чем он говорит. Поэтому прежде, чем записать мысль в тетрадь или шпаргалку, я убеждался в том, что понял ее до конца. Если этого не происходило, вновь и вновь обращался к книгам, конспектам, сокурсникам или преподавателю. Учитывая, что к технике относился безразлично, изучение технических наук мне давалось тяжело.

Когда студенты ложились спать, общежитие успокаивалось, я прихватывал учебник, тетради, стул и садился в конце коридора у подоконника. До середины ночи полностью осваивал одну, уже пройденную тему по предмету «Соппротивление материалов» (сопромат). К концу его изучения хорошо знал практически все темы: упругость, растяжение, твердость и другие характеристики по большинству применяемых в машиностроении материалов.

Чтобы закрепить успехи в учебе, сделал свою первую шпаргалку именно по сопромату. Двойной лист из тетради в клетку сложил так, что образовалась маленькая книжечка из 32 листков. Прошил ее ниткой, и убористым мелким почерком записал туда основные формулы. К нитке привязал один конец тонкой резинки из конструктора. Второй конец резинки привязал к булавке, которую приколол вовнутрь левого рукава пиджака. Когда было нужно, я правой рукой доставал из рукава эту шпаргалку, зажимал ее в левой руке, списывал то, что надо. Потом разжимал кулак, и шпаргалка улетала в рукав.

Я использовал разные варианты крепления шпаргалки. Во время сдачи экзамена по предмету «Сельхозмашины» вставил исписанную мною книжечку между двумя шестернями модели веера, и с помощью паразитного колеса листал ее на нужную страницу. Когда преподаватель Н.М.Удальцов проходил мимо, я очень старательно изучал этот веер, поворачивая его кожухом к преподавателю. Николай Михайлович Удальцов был из Сонкова, не имея семьи, каждый день ездил на поезде домой и обратно, в Бежецке у него была комнатка в коммунальной квартире. Неповоротливый увалень с толстыми губами был добряком, учащиеся его любили.

Нередко за нитку, которой прошивалась книжечка, пришивал шпаргалку спереди к изнанке подола свитера, джемпера, пуловера или футболки. На коленях отворачивал подол, находил и записывал то, что мне было нужно, и снова прикрывал шпаргалку. Когда подходил преподаватель и смотрел под парту или на пол, куда нередко был устремлен мой взгляд, то ничего там не находил. Написание шпаргалок требует большого напряжения силы воли и ума. Нужно не только повторить весь материал, но и суметь выбрать из всей его массы самое основ-

ное и важное. Первый семестр закончил с одной тройкой по математике, но уже второй семестр первого курса окончил без единой тройки.

Мы учились шесть дней в неделю, выходной день был один в воскресенье, я на каждый выходной на поезде или автобусе ездил домой за продуктами. От станции Подобино до дома 12 километров, от остановки автобуса в Сулежском Борку – 7 километров. Меня охватывало сильное волнение с того момента, как сходил с поезда на землю. Домой шел быстро, чтобы выкроить лишние минуты общения с родными. Мне хотелось сразу побывать везде: в лесу, на речке, в поле, где работали родители. Но время дома неслось просто безудержно.

Начало сентября обычно было дождливым, от дома до поезда идти очень далеко. Увидев с высокой Душковской горы родную деревню, я прибавлял шаг, чтобы скорее оказаться в домашнем тепле и уюте, откуда-то появлялись силы. На другой день вставал утром под шум дождя в тепло родительского дома. Печь уже была истоплена, обарники – горячие, завтрак готов. До железнодорожной станции Подобино идти два часа, поезд проходил около двух часов дня, значит из дома надо выходить в двенадцать. Самые лучшие часы были с девяти до одиннадцати, пока мы завтракали и разговаривали обо всем: деревенской жизни и заботах, об учебе, о питании в городе.

Я всеми силами пытался оттянуть время выхода из теплого дома под холодные струи дождя. Потом надевал плащ «болонья», сверху макинтош с капюшоном. На ноги обувал резиновые или кирзовые сапоги, на плечи надевал рюкзак и выходил на улицу, как в бездну. В те годы плащи «болонья» вошли в моду, с 1963 года швейное объединение «Радуга» начала их выпускать, из-за отсутствия какого-либо элементарного выбора, они стали пользоваться большим спросом.

Каждый раз, когда я уезжал из дома, мать выходила провожать меня за деревню. Мы проходили на усадьбы, мать останавливалась в конце этих усадеб и долго-долго смотрела мне вслед. Я уже проходил целый километр, спускался к речке, потом поднимался в Душковскую гору и с горы видел, что мать все стояла и стояла в конце деревенских усадеб и смотрела из-под руки мне вслед. Я оборачивался, махал ей рукой, но из-за дальности она этого не видела.

В августе 1966 года нас, учащихся 3-го курса, направили в стройотряд на строительство детского сада в село Сукромны. Мы начали стройку с того, что копали траншеи под фундамент, закладывали их бутовым камнем и заливали фундаменты.

С сентября 1966 года в одной комнате вместе со мной по-прежнему жили еще пять человек: Орлов Виктор, Цепников Владимир, Калугин Анатолий, Осипов Володя и Белов Геннадий. Нам хотелось приодеться, купить рубашку, сшить брюки. Поэтому по ночам разгружали вагоны с дровами и углем на станции города. За ночь шесть человек зарабатывали по 6 рублей каждый. Иногда разгружали по вечерам машины в райпотребсоюзе, три человека зарабатывали по 3 рубля. Другого выхода не было, так как родители ежемесячную зарплату в колхозе начали получать только с 1 июля 1966 года, но расходов было много. Родители хотели накопить денег на одежду, велосипеды, телевизор и стиральную машину, чтобы не отстать от людей, относя деньги на сберкнижку.

В сентябре 1966 года наш курс машиностроительного техникума направили на уборку льна в деревню Красное Раменье. (*Красным раменьем* раньше называли окраину соснового или елового леса, а *черным раменьем* – окраину лиственного леса из березы, осины и ольхи – А.Г.). Я работал на льномолотилке, работать в рукавицах было неудобно и небезопасно, ее вместе с рукой могло затянуть между валками. Подавая снопы льна в агрегат без рукавиц, я уколол средний палец правой руки. Палец начал нарывать, через три дня пришлось идти шесть километров через болото в деревню Житищи. Там мне палец разрезали, очистили от гноя, обрабатывали и забинтовали. Я купил в магазине два арбуза и в сетчатой авоське принес их сокамерникам.

Через два дня мне нужно было идти на перевязку. Ребята собрали деньги и попросили взять с собой рюкзак, чтобы купить больше арбузов. Подсчитали, что денег хватит на 30 кг

арбузов, одному нести их тяжело, сопровождать меня добровольно вызвался Большаков Юрий из Вышнего Волочка.

Мы преодолели при помощи шеста болото, на котором была заметна тропинка, шедшая в Житищи. В участковой больнице мне снова обработали рану, забинтовали палец, и мы с Юрием пошли в магазин. В магазине арбузов не оказалось, недолго думая, мы сели в кузов попутной машины и доехали до бывшего районного центра Моркины Горы, что в 25 километрах от Житищ. В магазине того села арбузов также не оказалось.

Мы сели в крытый кузов попутной почтовой машины и доехали до микрорайона Штаб города Бежецка, проехав еще 38 километров. В центр города ехать не решились, боялись встретить кого-либо из преподавателей. Там в магазине заполнили два больших рюкзака арбузами, поели, запивая булку лимонадом, и тронулись на попутной машине в обратный путь. На грузовике добрались обратно до Моркиных Гор, оттуда пешком пошли в сторону села Теблеша. Прошли километра два, нас догнала грузовая машина и подвезла до деревни Шульгино. Дальше хорошей дороги уже не было, мы пошли по лесу пешком к деревне Нечаево.

Юрий шел впереди, я за ним, пошевелил больным пальцем, он шевелился. Обрадованный, я громко закричал: «Юрка, шевелится!» Юрий с огромным рюкзаком резко соскочил с дороги в канаву, лег поперек кювета головой кверху и испуганно спросил: «Кто шевелится?» Я тоже сначала испугался, потом засмеялся: «Палец шевелится». Юрий с моей помощью выполз из канавы, и мы пошли дальше. Юрий долго выговаривал мне за то, что напугал его.

До деревни Нечаево пришли уже в сумерках, нашли сарай с сеном. Зашли в него, разрежали один арбуз, поели его с булкой. Сделали в сене норы, забрались туда и быстро уснули. Проснулись от сильного холода, зуб не попадал на зуб. Быстро вылезли из нор, на улице трава от мороза была белой. Мы быстрым шагом пошли по раскисшей дороге в Красное Раменье, до которой было еще более пяти километров. В лесу нас нагнал трактор с санями, мы сели на сани, освободили болевшие плечи от рюкзаков. Вода в некоторых ямах доходила до верхнего настила саней, мы не замочились только потому, что сидели на копне соломы.

Прибыли в деревню около 6 часов утра, ребята еще спали рядком на полу. Я подошел к старосте группы Белову Анатолию, потихоньку разбудил его, мы прошли с ним в чулан. Анатолий сказал, что утром двое – Орлов Виктор и Цепников Владимир должны были идти в Житищи искать нас. Они боялись, что мы сбились с тропинки и утонули в болоте, а мы рассказали ему о своих приключениях. Стали просыпаться ребята, мы повторяли и повторяли свой рассказ. А вечером в местном клубе давали концерт для жителей деревни. Вот с этих концертов начинали свои выступления будущие знаменитые в городе Бежецке музыканты Стратонитский Борис и Грибов Сергей. После концерта и ужина мы все дружно ели арбузы.

Зимой 1967 года началась преддипломная практика на заводе «Бежецксельмаш», она продолжалась полгода. За это время я смог поработать на токарном, сверлильном, фрезерном и заточном станках. Здесь летом 1967 года мне выдали трудовую книжку с первой записью «токарь 3 разряда». Эта книжка сопровождала меня 42 года, весь трудовой путь.

В феврале 1968 года я успешно защитил дипломную работу по теме: «Копирующее устройство льноподборщика». С увлечением работал над этой конструкцией, пытаюсь сделать ее практичной и простой в работе. По замыслу эта конструкция состояла из небольшого колеса, копирующего почву, нескольких тяг и масляного насоса. Копирующее колесо, которое крепилось к льноподборщику, шло на 1 – 1,5 метра впереди него. При неровностях почвы оно поднималось или опускалось. Движения колеса через тяги передавались на поршень масляного насоса. Когда сам льноподборщик подъезжал к этой неровности, с помощью масляного насоса он поднимался или опускался, то есть полностью копировал почву. Сложность была в том, чтобы копировать подъемы и впадины на почве, а не любую ямку или холмики, сделанные кротами. Иначе льноподборщик мог пропускать тресту или зарываться в землю.

Когда я в 1971 году вернулся домой после службы в Военно-Морском флоте, с чувством удовлетворения увидел на наших полях льноподборщики, на которых было смонтировано мое копирующее устройство с некоторыми усовершенствованиями.

В поисках любви

*«Нет прекрасней девы лета,
девы теплых дней – щедрее».
(«Калевала», песнь 32, стр. 383).*

В 16 лет я думал о том, что меня никто и никогда не полюбит. У меня было непривлекательное лицо, сутулые плечи, отчим все недоумевал, как я буду носить погоны на таких пока-тых плечах. Высокий лоб, редкие волосы, зачесанные назад, с широким пробором. Утром я причесывал их одежной щеткой, прижимался затылком к стене и долго сидел, чтобы волосы не распадались, и прическа была красивой. Но они упрямо распадались на две стороны, обнажая этот широкий пробор.

Нет, как бы я ни старался, такой красивой прически, какая была у артиста Вячеслава Тихонова из кинофильма «Дело было в Пенькове», у меня не получалось. Я смотрел этот фильм сначала своей деревне, когда его летом 1958 года вручную крутили в сарае. Потом посмотрел еще раз в клубе соседней деревни Душково, когда барабан с кинолентой уже крутил движок. Я уходил в лес, долго там бродил, постепенно успокаиваясь. Поняв, что такой красивой прически у меня никогда не будет, я стал зачесывать волосы на левый бок.

Кроме прически, я внушил себе, что ни одна девушка меня никогда не полюбит из-за длинного носа с горбинкой. При этом кончик носа был вздернут, а не смотрелся ястребиным клювом. По ночам я прижимал кончик своего носа к подушке, мечтая таким образом превратить его в красивый орлиный нос. Единственное, что я умел – это красиво рассказывать о прочитанных книгах, о кинофильмах, о своих мечтах. Я мечтал встретить красивую душой девушку, жениться на ней, воспитывать вместе детей и заниматься своим любимым делом, полагая, что это будет не работа на заводе, а что-то другое.

Имея первый отрицательный опыт взаимоотношений с девчонкой, я очень переживал, что никогда мне не жениться, никто из девчонок ко мне не подойдет. А если кто и подойдет, я абсолютно не знал, как надо себя вести. С такими мыслями закончил два курса техникума.

В мае 1966 года, в один из понедельников, я пошел на поезд, меня до села Карело-Кошево провожал друг Николай, который по своим делам шел в Бережки. В селе нам встретилась молодая красивая девушка, которую я сразу не узнал. Николай сказал, что это Лебедева Зина работает в школе учительницей. Я целую неделю думал об этой девушке, в субботу, проходя домой через Карело-Кошево, заглянул в школу.

Зина была там, я отозвал ее, мы немного постояли и поговорили у окна прихожей на первом этаже школы, она мне сказала, что после окончания семилетки училась сначала в Пищалькине, потом в Сонкове, получила среднее образование. Уехала в Ленинград, там немного поработала на фабрике, и вот вернулась в родную школу работать учительницей русского языка и литературы, вместо ушедшей в декретный отпуск. Дополнительно ей дали преподавание уроков пения и рисования, а также поручили быть пионервожатой на общественных началах, без всякой оплаты.

В следующую субботу мы с Николаем пошли в клуб, дорогой он мне говорил, что с Лебедевой Зиной дружит учитель немецкого языка, хочет на ней жениться. Николай говорил, что учитель – умный, начитанный парень, предложил с ним познакомиться. Мы пришли в дом Кононовой бабы Матрены в деревне Шейно, где жил учитель, та сказала, что его нет дома, но скоро придет. Предложила нам чаю, мы отказались, в скором времени пришел и он, Нико-

лай нас познакомил, они стали о чем-то разговаривать. Учитель меня не впечатлил, но я решил не вставать у него на пути. Летние каникулы 1966 года проводил дома, помогал родителям, ходил в лес и на рыбалку, а вечером – в кино и на танцы, но Зины за все лето больше, ни разу не видел. Позднее узнал, что в то лето она готовилась к экзаменам и поступила в Калининский пединститут на учителя начальных классов.

В тот год по стране только определили для крестьян новый праздник «День колхозника», который должны были отмечать в октябре. Как-то, уже в сентябре, я шел с поезда домой через деревню Бережки, где был старый деревянный клуб. Я заглянул туда на огонек, в клубе хозяйничала киномеханик Римма. В тот день на сцене колхозная и учительская молодежь готовилась к празднику, проводя репетицию номеров концерта. Среди них был и мой друг Николай, который играл на баяне. Я остался на репетиции, так как знал несколько сценок, которые мы ставили в деревенских клубах во время поездок в колхозы на картошку. Вот эти пьески я и начал репетировать со своими местными ребятами.

Воскресенье, 9 октября 1966 года, один из самых ярких, самых памятных дней в моей жизни. Концерт прошел с большим успехом, колхозники остались довольны. Председатель колхоза выделил участникам художественной самодеятельности 100 рублей. На эти деньги купили вина, закусок, что-то принесли из дома. Прямо на сцене был установлен и накрыт длинный стол. Выступившие участники художественной самодеятельности сами устроили праздник для себя.

За столом я оказался напротив Лебедевой Зины, я посмотрел на девушку, почему-то покраснел и опустил вниз глаза. Она тоже посмотрела на меня и как-то засмушалась. Налили в стаканы красного вина, Зина предложила мне выпить за праздник. Мы чокнулись, выпили по глотку, закусили. Через некоторое время начались танцы. Я подошел к радиоле и стал заводить пластинки, Зина танцевала с другими парнями.

Когда объявили «белый танец» она подошла ко мне и пригласила меня танцевать. Танцуя, мы о чем-то говорили, спрашивали друг друга. После этого я два раза пригласил ее на танец, потом ушел снова заводить пластинки. На всю жизнь запомнил, что один танец мы танцевали под мелодию «Под небом Парижа» в исполнении Ива Монтана, другой танец – под недавно вышедшую популярную мелодию Сальваторе Адамо «Падает снег», обе на французском языке.

Зина подошла ко мне, сказала, что уходит домой, провожать ее пойдет учитель немецкого языка. Предложила в следующую субботу зайти к ней домой пить чай. Я спокойно отреагировал на это и пошел домой совершенно в другую сторону, между нашими деревнями расстояние семь километров.

Прошла неделя, в субботу 15 октября 1966 года, я прямо с поезда пошел не домой, до которого было 12 километров, а в деревню, где жила Зина. Возле деревни Дельки не повернул налево, пошел к бывшему селу Головское. Там еще была начальная школа, стоял учительский дом, а в бывшей церкви поместили молокозавод. Рядом с ним выкопали два пруда, из которых каждую зиму вырубали лед, складывали возле стены и засыпали кострой. Потом все лето этим льдом охлаждали бидоны с молоком.

Далее мой путь шел мимо деревни Горка к деревне Рыльково, пройдя которую, сворачивал на полевою дорогу, ведущую к лесочку под названием «Кобелькино». На полпути от деревни к лесу перешагивал ручей Уйвешь. Времени было восьмой час вечера, на улице темно, в окнах ее дома на краю деревни горел свет. Еще в общежитии я обул кирзовые сапоги, так как на дороге была сплошная октябрьская грязь, в другой обуви не пройти. Перед ее домом в пруду долго отмывал от грязи эти сапоги.

До чего противны кирзовые сапоги из свиной кожи. Если долго их не носить, они становятся жесткие, как из металла. Когда их отмоешь, они черны, и вроде бы ничего. Но немного просохнут и становятся серыми, как будто постоянно грязные.

Взойдя на открытое крыльцо, я несмело постучал в дверь. В сенях сразу же зажегся свет, Зина открыла мне дверь и пропустила вперед. Я в сенях снял свои кирзачи и вошел в избу. Там была ее тетка, которая заменила умершую при родах мать. Войдя в избу, я снял макинтош, Зина предложила сесть на стул возле стола.

Сама она проверяла тетради по русскому языку. Я несмело взял одну тетрадь, нашел ошибки, она передала мне простой карандаш. Я стал им подчеркивать обнаруженные ошибки. Мы сначала сидели над тетрадями, молча, поглядывая друг на друга, и смущаясь, когда наши взгляды встречались.

Зина попросила меня рассказать о себе с того времени, как она ушла из школы пять лет назад. Она тогда окончила семь классов школы и уехала сначала в один поселок, где окончила восьмой класс. Потом переехала жить в районный центр, где окончила 11 классов в прошлом году.

В своей школе она училась на два класса старше меня. После нее я учился еще три года с шестого по восьмой классы. При нашем выпуске школа перешла с семилетки на восьмилетку. В школе мы друг с другом не общались, знали друг друга так, в общем. После окончания восьмилетки я поступил в техникум и учился уже на третьем курсе.

Зина рассказывала о себе, что воспитывалась с бабушкой и тетей. Ее мама умерла во время родов, отец позднее женился и уехал жить в Ленинградскую область. Дедушка умер, когда ей было семь лет. Бабушка умерла два года назад. После школы она ездила к отцу, он оформил ей паспорт. Она немного поработала на прядильной фабрике, работа была не по душе. Когда в феврале 1966 года освободилось место в родной школе, она с радостью вернулась домой.

Рассказав немного о себе, я, проявив полную бестактность, неопытность и свою глупость, спросил: «Ты училась на два года раньше меня, тебе уже 19 лет?» Она ответила, что не 19, а уже 20 лет, так как пошла в школу с 8 лет. Я окинул взглядом ее, такую уже взрослую, опытную и хозяйственную, она сильно покраснела, щеки ее залил румянец.

Проверив все тетради, она пошла в чулан, разогрела там чайник на электроплитке, мы вдвоем стали пить чай. Зина поставила на стол печенье, сушки, конфеты, сахар, вазочку варенья из крыжовника. Сказала, что варенье варила сама. Мы пили чай и разговаривали об учителях, о книгах, о школе. Она сказала, что поступила на педфак пединститута, учиться на первом курсе.

Я сказал, что дважды хорошо запомнил ее. Первый раз мы на машине ехали на поле копать картошку мимо ее дома. Она в это время после стирки выливала в заулке воду из тазика. Я тогда совсем не придал значения, что девочка-подросток самостоятельно занимается хозяйством в доме.

Второй раз, когда мы со своим классом работали в ее деревне, остановились ночевать в сарае напротив ее дома. Я видел, как она, стоя дома на полу, мыла окна с двух сторон – изнутри и снаружи. Тогда я даже залюбовался ею, но ребята меня отвлекли. Это было четыре года назад, когда мне исполнилось 13 лет. Возле деревни, где жила Зина, находилась самая высокая точка Бежецкого Верха. Мы тогда поднялись на эту гору, там стояла деревянная вышка, возле нее – палатка геологов, в ней жили парень и девушка. Они изучали свойства местного песка, можно ли его использовать на строительство автомобильных дорог. С горы открывался прекрасный вид на всю окрестность с холмами, ручьями, перелесками и лесами.

Нужно сказать, что через 30 лет после этого от самой высокой горы остался глубокий котлован. Весь песок пошел на строительство и ремонт шоссейных дорог всех ближних районов области.

Зина вспомнила о том, как одна ее одноклассница спрашивала меня о моем двоюродном брате, с которым она дружила. Тогда все девчонки их класса высыпали на лестницу, веду-

щую на второй этаж школы, и слушали этот разговор. Она тоже была среди них, они учились в последнем седьмом классе.

Такие вот воспоминания нахлынули на нас в первый совместный вечер. Она предложила в следующую субботу тоже зайти к ней домой. Я пожал ее руку, она в ответ пожала мою – это было наше первое бессловесное согласие на общее будущее. Я пробыл у нее два с половиной часа, в начале одиннадцатого ночи оделся, попрощался и пошел домой. Ночь была темной, не было ни звезд, ни луны. До своей деревни надо было идти семь километров, больше часа. Было немного жутковато, когда я проходил рядом с кладбищем, когда спустился с Шейновской горы и был под нею на мосту. Не очень уютно чувствовал себя, спустившись с Душковской горы, когда вокруг темень, лишь слышно журчание воды в реке под мостом.

Я всю дорогу думал об этой девушке, вспоминая ее лицо, ее голос, ее уверенность в движениях. Вспоминал моменты нашего разговора, не веря, что она хочет со мной встречаться и дружить. Она уже взрослая, ей 20 лет, ей уже пора идти замуж, а я еще желторотый птенец, ничего не умеющий и ничего еще не имеющий. Мне было приятно и страшно, при прощании едва посмел дотронуться до ее руки. До этого я ни с кем за ручку не ходил, тем более, ни с кем не целовался, хотя шел мне уже восемнадцатый год.

Пришел домой уже за полночь, весь мокрый и грязный, сказал встревоженной матери, что опоздал на поезд, добирался сначала по большаку на попутной машине, потом от Холма шел пешком.

Через неделю я снова зашел в дом Зины, мы снова проверяли тетради, пили чай, потом вышли на улицу. На ней было осеннее белое пальто в темную мелкую клеточку. Позднее, прожив друг с другом сорок лет, мы купили для нее пальто такой же расцветки, только зимнее.

В тот вечер мы стояли друг против друга возле стены ее дома и о чем-то говорили, говорили. Она рассказала мне о бабушке, которая воспитывала ее, о тете, которую она называет «мамой». Дошла до девичьих откровений, сказав, что ее преследует учитель истории, ему 24 года, предлагает ей выйти за него замуж. Но он ей не нравится, она не хочет с ним встречаться, поэтому в выходные дни нет никакого желания идти в клуб.

Я рассказал, что в школе хотел дружить с одной девчонкой, но она меня отвергла. Сначала я очень переживал, но потом все прошло. Прощаясь, я пожал ее холодную ладошку, задержав на некоторое время ее в своей руке. Потом шел домой долгую дорогу, вспоминая о встрече и о чем-то мечтая.

Эти наши еженедельные субботние встречи продолжались весь ноябрь и в начале декабря 1966 года. От Зины я многое узнал о ее семье и родственниках.

Я тоже многое рассказывал о себе, говорил, что своего отца не помню, меня до пяти лет воспитывала мать, потом в дом пришел отчим. Так за два месяца мы поведали друг другу свои судьбы.

Утром одного декабрьского воскресного дня ко мне домой пришел друг Николай, с которым мы в школе сидели за одной партой, потом продолжали вместе проводить свое свободное время. Николай хорошо знал, с кем я встречаюсь, в деревне ничего ни от кого не утаишь. Он рассказал, что на празднике в соседней деревне познакомился с одной девушкой из-за леса. Предложил в следующую субботу вместе сходить туда, там много девчонок, можно познакомиться.

Я ответил другу, что уже встречаюсь с одной девушкой, она мне начинает нравиться. У нее чистая глубокая душа, она много пережила в своей жизни, многому научилась, с ней очень интересно. Меня смущало лишь то обстоятельство, что за ней ухаживает взрослый парень, который намерен жениться. Другу я об этом не сказал, лишь подумал, хотя он все знал не хуже меня. Николай сказал, что за Зиной ухаживает учитель истории, он хорошо знает этого учителя, несколько раз бывал в доме, где тот живет, с ним очень интересно беседовать. Один

раз в разговоре с ним учитель обмолвился, что если ему ничто не мешает, он хотел бы здесь жениться на Зине и остаться работать в нашей школе.

Друг Николай все-таки сумел убедить меня в том, чтобы я не мешал учителю немецкого языка, в следующую субботу никуда не заходил, а шел прямо домой как можно раньше. На душе у меня было беспокойно, я понимал, что делаю что-то не так. Разрывался между старой мальчишеской дружбой и новыми нарастающими отношениями с девушкой.

Обычно домой я ездил на поезде до станции Подобино, а потом 12 километров шел домой. Мой путь проходил по проселочной дороге мимо деревень Дельки, Красный Октябрь (Коммуна), Гостиницы, Карело-Кошево, Шейно и Душково. Дорога зимой была накатана саними, а летом – телегами, запряженными лошадьми. Машины и трактора по этой дороге от Подобино до Карело-Кошево не ездили. Я шел по лошадиному следу, иногда отступаясь в колеи от телег. От Карело-Кошево до дома шел, выбирая тропинки и обочины, вдоль расхлестанной тракторами дороги. Проходил по деревянным мостам через речку Уйвешь возле Коммуны, речку Каменка у Шейна и речку Оносиха у деревни Душково.

Но в следующую субботу поехал из города домой не на поезде, как обычно, а на автобусе, который шел по маршруту Бежецк-Красный Холм. Сошел на остановке Сулежский Борок, от которой до дома было семь километров. По санному лошадиному следу я дошел до Ханина, затем – до Слепнева. Миновал Поцеп и пришел домой около пяти часов вечера.

Дома отдохнул, хорошо пообедал и забрался греться на русскую печку. Полседьмого вечера пришел Николай, сказал, что в семь часов они идут в деревню Прокино, будет пять человек, стал звать идти вместе. Не очень-то хотелось идти мне, уже уставшему, но что не сделаешь ради дружбы. Тепло одевшись, обув на ноги валенки, вшестером тронулись в путь за семь километров через лес, из них лесом надо было идти четыре с половиной километра.

В местный клуб пришли где-то полдевятого, кино уже кончилось, начинались танцы. Во время танцев мы познакомились с местными девчонками. Мне понравилась одна местная девушка, она училась на первом курсе техникума в городе Красный Холм. Мы танцевали с ней, разговаривали, но она не захотела, чтобы я ее провожал. Все ребята пошли провожать девчонку, а я один пошел через лес обратно домой.

Мороз был около двадцати градусов, на небе – звезды и луна, которая двигалась вместе со мною. Я шел по узкой санной дороге, над которой смыкались верхушки высоких деревьев. Вдруг услышал тяжелый скрип, остановился, осмотрелся, увидел, что скрипит дерево, упавшее в развилку другого. Мне стало как-то жутко одному в этом ночном лесу, и я побежал, впереди меня по небу бежала луна. Бежал до тех пор, пока не устал, домой пришел в первом часу ночи.

Утром к моей матери приходили деревенские женщины и спрашивали, в какое время я пришел домой. Говорили, что их сыновья пришли уже в третьем часу ночи.

После этого случая я приезжал в субботу домой, никуда не ходил, субботний вечер проводил дома, занимался фотографией. Приходили друзья, звали меня снова в Прокино, но я отказывался. В деревню к Зине идти мне тоже было очень стыдно, как ей объяснить, почему я неожиданно пропал?

В феврале была «неделя невест», в нашу деревню к родственникам на лошадях приехали девушки из дальних деревень. Их приглашали в другие дома, знакомились с ними, по вечерам в нанятом доме проходили беседы. Там они с взрослыми парнями плясали и танцевали под гармошку. Парни на этой неделе выбирали себе будущих жен. В наш дом в гости тогда приехали две девушки, мои троюродные сестры. Мать и приехавшие родственники усиленно знакомили меня с ними, нахваливая их мне и меня им. Но те девушки так, ни с кем из нашей деревни и не подружились, позднее уехали в город Березники, где и сложилась их судьба.

В начале марта я еще раз сходил в Прокино, танцевал там с девушками. Опять хотел проводить домой ту, которая мне понравилась, но снова получил отказ. Из-за леса никто из наших деревенских парней, моих ровесников, себе жену не привел. Хотя раньше, лет десять назад,

наоборот полдюжины местных девушек вышли замуж за русских парней из-за леса. Местные парни бились за них, одного даже убили оглоблей, но ничего не помогло, девушек из нашей деревни увели.

Отошли те далекие времена, когда родители силой выдавали девушку замуж, порою за богатого, но нелюбимого. Теперь, наоборот, за красивой девушкой ухаживали несколько парней, но нередко выбор был не за ними, а за ней. Она могла выбирать, кто серьезный парень, а кто легкомысленный. Счастливы потом были те из них, которые могли предположить свое будущее и помочь суженому его добиться.

Пришла любовь

*«За нее ты стой стеною,
будь надежною опорой».
(«Калевала», песнь 24, стр. 283).*

Любовь не может придти сразу, в один день, она приходит и крепнет постепенно. Любовь приносит не только радость узнавания друг друга, но и сердечную боль вместе с тревогой за близкого человека и наши дальнейшие отношения. После холодной зимы наступила весна 1967 года, это была лучшая весна в моей жизни!

В один из субботних вечеров в середине марта я один из парней своей деревни пошел в клуб на центральную усадьбу своего колхоза в деревню Бережки, остальные парни снова пошли в Прокино. После кино в клубе начались танцы, возле Лебедевой Зины стоял учитель истории, она посмотрела в мою сторону, этот взгляд я запомнил навсегда. Я отошел к радиоле, где заводили пластинки, и стоял там, ни с кем не танцуя. Зина подошла ко мне и пригласила на танец. Я сразу весь вспотел, всегда сухие ладони стали влажными.

Танцуя, она спросила, почему пропал, где был и что делал. Я, не умевший врать, сказал ей всю правду. Что она уже очень взрослая, что за ней ухаживает учитель, который хочет жениться на ней. Что я еще даже несовершеннолетний, до женитьбы далеко. Что поддался на уговоры друга и дважды ходил в чужой приход. Она подтвердила, что учитель от нее не отстанет, сегодня опять пойдет провожать. Я узнал, чтобы быть поближе к той, которую учитель уже называл своей невестой, с осени 1966 года он перешел жить в Гремячиху. Одно дело шагать после свидания из Горбовца пять километров до Шейна и другое дело – два километра до Гремячихи.

Что-то горячее и тревожное поднялось в моей груди. Я сказал Зине, что это будет последний раз, я отлучу учителя от нее. Она спросила, как я это сделаю, ответил, что знаю как. Сразу после этого танца я ушел домой, чтобы больше никого сегодня не видеть. Этот судьбоносный танец я запомнил на всю жизнь.

Целую неделю думал о том, как быть дальше, что делать. Идти к ней в дом, сойдя с поезда, и прошагав пять километров, я не мог, так как сам испортил начавшиеся добрые с нею отношения. В субботу поехал домой не на поезде, а опять другим путем на краснохолмском автобусе, потом пешком прошел через Ханино, Слепнево и Поцеп, чтобы вечером успеть в кино и на танцы.

В клуб пришел рано, до кино оставалось полчаса. Весь был какой-то взволнованный, красный, нервный, все доставал из кармана и убирал обратно складной перочинный нож. Это заметила киномеханик Зубова Римма, попросила у меня нож, чтобы зачистить клеммы. Она что-то поделала этим ножом и убрала его в ящик стола. Я стал просить, чтобы она вернула мне нож. Римма сказала, что он ей еще пригодится сегодня, а мне незачем. Я ответил, что надо отучить одного хахалю от одной девушки. Римма сказала, что тем более не отдаст мне нож.

Я вышел на улицу, подошел к соседнему огороду, где сломал кол потолще. С этим колом, опираясь на него, как на посох, пошел по улице, в конце деревни стал ждать. Увидел, что они

приближаются, идут, держа друг друга за руки. Я загородил им тропинку, сказал Зине, чтобы она шла вперед, а с ним надо поговорить. И вот стояли мы друг перед другом – взрослый сильный учитель школы и щуплый худой подросток – студент техникума.

Я сказал учителю, чтобы с этого момента он не смел больше, подходить близко к девушке, иначе этот кол начнет гулять по его телу. Тут что-то произошло, но учитель испугался, не заходя в клуб, повернулся и пошел в деревню Гремячиха, где он снимал квартиру. Уже взрослый и опытный, он понимал, что парни во время первой влюбленности становятся яростными, шутить с ними нельзя. Или просто не стал связываться с малолеткой, чтобы не давать повода для дурной славы о себе среди деревенских жителей.

Придя в клуб, во время киносеанса я сел рядом с девушкой, и первый раз в жизни взял ее за руку и не отпускал ее. С момента нашей первой встречи прошло уже больше пяти месяцев, все это время в наших душах зрело большое чувство. Она смотрела кино, а я все смотрел на нее, смотрел по-новому, запоминая черты ее лица. Она была немного поменьше меня, худенькая с осиной талией. Волосы русые, челка прикрывала родимое пятно на ее лбу. Нос курносый, немного задиристый, губы небольшие, но полноватые, глаза серые.

Потом мы танцевали, и никто нас не мог разлучить. После танцев я пошел ее провожать, дорогой мы не могли наговориться друг с другом. Говорили друг другу, что теперь будем дружить, и никто из нас никуда не будет пропадать. Даже нечаянное прикосновение к ее руке сначала приводило меня в трепет, я весь терялся, краснел, смущался. Потом мы долго-долго стояли возле ее дома, молча, слушая свое прерывистое дыхание. Я несмело взял ее руку и слегка пожал ее, она ответила взаимностью, я взял вторую ее руку. Я тогда еще не знал, что все влюбленные юноши отличаются робостью, а девушки – смелостью.

Она со мной не кокетничала, а я никогда не принимал перед ней небрежной позы, не позволял никакие непристойные жесты. Я понимал, что девушка шла «постоять» на свидании с тем парнем, который ей нравился. У нее был ясный открытый взгляд и красивая улыбка. У меня не было той мужской смелости, которая способна поймать момент, чтобы во время порыва страстно обнять, расцеловать и расположить к себе девушку. Да и за всю последующую жизнь такая смелость у меня появлялась лишь в отношении одной-единственной женщины – своей жены.

До этого времени Зина жила своей жизнью, где не было меня. Но после этой встречи мы с трудом дожидались субботы. Нас объединило то, что обое были сиротами, но поняли, почувствовали богатую душу друг друга. Нам с молоком матери внушили народную мудрость: «Раз жениться – век жить». На вид я был некрасив, но понимал, что по характеру все больше и больше нравился ей. Я приезжал домой на автобусе, семь километров шел пешком. Быстро ужинал, переодевался и шел в клуб. Она приходила туда вместе с деревенскими мальчишками и девчонками. В воскресенье на поезде я возвращался в город.

Однажды Зина пожаловалась мне, что учитель немецкого языка грозит ей и даже один раз дал пощечину. В следующую субботу я, проходя с поезда по селу Карело-Кошево, случайно встретился с этим учителем, который шел в магазин, встал у него на пути. Я был мирным, спокойным парнем, до того времени ни с кем не подрался. Но, увидав учителя, я разволновался, достал из кармана бренок складной нож, раскрыл его и, держа в опущенной руке, сказал, что если хоть еще раз он нагрубит моей девушке, я ему этим ножом истыкаю весь зад, что не присядет и не приляжет. После сказанного, не дожидаясь его ответа, гордо пошел дальше по дороге домой.

После этого случая друг Николай в разговоре передал мне еще раз просьбу учителя немецкого языка, чтобы я отошел в сторону. На этот раз я ему прямо и честно сказал, что Зина мне нравится, я буду к ней ходить, пока она сама не откажется встречаться со мной.

Наступил апрель 1967 года, ах, какая это была весна! Это была самая лучшая весна в моей жизни! Я постоянно никак не мог дождаться окончания недели и очередной субботы. Чем чаще

я виделся с Зиной, чем больше с ней разговаривал и узнавал её, тем все больше и больше находил в ней достоинств. Меня пленили её простота, непосредственность, не по годам житейская мудрость и хозяйственность, её практичный ум, речь, голос, не говоря о красоте лица, волос, фигуры и вдумчивых глаз.

В комнате общежития нас было шесть студентов. По вечерам, некоторые из них начинали рассказывать о своих похождениях и своих победах над девушками. Я просил их замолчать и держать при себе то, о чем вслух говорить не надо. Говорил, что легкие победы над девушками никакой радости в жизни не приносят. Если меня не слушали, я брал книгу, выходил в коридор, садился на подоконник и читал ее.

Нечасто, но бывало, что вечером ребята собирались, чтобы выпить портвейна или другого красного вина. Особенно после удачной ночи по выгрузке вагонов с углем или дровами. Я ложился на свою кровать, отворачивался к стенке, в выпивках участия не принимал. Они звали меня, тормозили, но я заявлял им категорическое «нет».

После занятий в субботу, сломя голову, бежал по городу три километра на железнодорожный вокзал, рядом с которым была автостанция, чтобы успеть на автобус. Выйдя из автобуса в чистом поле между Сулежским Борком и Борисковым, мчался напрямик по растаявшим полям и снежным балочкам, укорачивая себе путь домой. Немного отдохнув, мчался за четыре километра в клуб на свидание с Зиной.

Чтобы я по ночам не ходил от нее расстояние в семь километров, чтобы можно дольше быть друг с другом, Зина перебралась жить в учительский дом к подруге-учительнице в село Карело-Кошево, где была школа. От этого села до дома мне нужно было идти всего три километра.

Первый раз я поцеловал Зину 2 мая 1967 года. Это был первый поцелуй в моей жизни, он хорошо запомнился. После танцев мы пришли к учительскому дому, сели на упавшую березу. В тот год весна была ранней, на черемухе уже начинали распускаться листья, наполняя воздух окрест дурманящим горьковатым запахом. Над нашей головой в зарослях черемух заливисто пели голосистые соловьи.

Я правой рукой держал ладошку ее левой руки. Через некоторое время перехватил ее ладонь в левую руку, а правой обнял ее за плечи. Она покорно наклонила голову к моему плечу. Я повернулся к ней и неожиданно для себя поцеловал ее в щеку. Она сказала, что никого еще не целовала, кроме трехлетнего двоюродного братишки. И показала, как она его целует, чуть прикоснувшись к моим губам. У меня внутри все поднялось, затрепетало, горячая волна прошла по телу от головы вниз и тяжело остановилась внизу живота. Я обнял ее двумя руками, впился губами в ее губы и долго не отпускал, пока хватило дыхания.

Смутившись оба, мы некоторое время сидели молча, потом снова говорили и снова целовались. Это был один из самых красивых, самых ярких, самых памятных вечеров в моей жизни. Нас повенчала душистая черемуха под трели соловья. Мы с Зиной находились в том возрасте и состоянии, когда наша любовь была бесхитростна, мечтательна и бескорытна. Мы с ней мечтали о том, чтобы любовь оставалась такой на всю нашу совместную жизнь. Поздно ночью я проводил ее в учительский дом и пошел, нет, не пошел, а полетел домой, как на крыльях.

В тот май мне исполнилось 18 лет, родители начали усиленно готовиться к этой дате. Варили пиво, варили студень, закупали в магазине вино и продукты, к тому времени деньги в колхозе платили уже каждый месяц. Также тратили зимние деньги, оставшиеся от продажи в Ленинграде мяса и лука. Основные продукты были заготовлены дома – соленые огурцы, соленные и сушеные грибы, мясо, овощи. На день рождения я пригласил Зину, своих друзей, молодых учителей школы, всего человек двадцать.

С утра пошел на Высочку, наломал целую охапку цветущей черемухи. Ее поставили в глиняных кринках на столах, весь дом был заполнен запахом черемухи. На стол выставили зимние запасы: соленые грибы и огурцы, солянку из сушеных грибов, мясную тушенку, холодец, вине-

грет, а также продукты из магазина – селедку и колбасу. Мой друг Николай играл на баяне, танцевали на улице. Деревенские бабы и мужики пришли посмотреть на молодежь и наши танцы. Когда все разошлись, я пошел провожать свою девушку в дом одноклассницы, у которой она ночевала в нашей деревне.

После этого праздника моя мать была всерьез обеспокоена, не женится ли ее сын совсем молодым еще до армии? Она видела, какие теплые, душевные отношения были между мной и Зиной. Это был не только день моего рождения, это были и ее смотрины. Раньше Зина в нашу дальнюю деревню никогда не приходила, многие жители деревни ее не видели и не знали. А в тот день они по одной или парами заходили в наш дом, поздравляли меня с днем рождения, а сами открыто рассматривали Зину.

Для жителей деревни был приготовлен отдельный стол недалеко от двери. На столе были выставлены закуски, им наливали то, что они просили: вино, водку, пиво или чай. О Зине и раньше ходила добрая слава, но после того дня она пошла по нашей деревне дальше. Было, наверное, много потом обсуждений ее среди деревенских жителей.

Я успокаивал мать, говорил, что полюбил эту девушку за ее ум, заботливость, хозяйственность, житейскую смекалку, честность. Она степенная, сдержанная, рассудительная. Но о своей любви ей еще ничего не говорил и ничего ей не обещал. Поэтому жениться я буду только после армии, если она меня дождется. Она ведь постарше меня, и ей хочется выйти замуж, за время моей службы случиться может всякое.

Летом я спал в летней половине дома, однажды проснулся от тихого разговора за стеной. Мать разговаривала с пришедшей женщиной, чьим сыном я дружил в начальных классах. Она рассказывала женщине, что вот сын вот-вот заговорит о женитьбе, а ему только еще 18 лет, надо идти в армию. Соседка на это вспомнила Калачева Володю, который просил разрешения у своей матери жениться до армии, но та не разрешила. А теперь что получилось, ему 28 лет, беспробудно пьет, жениться не хочет, да и мало какая девушка пойдет за пьяницу. Так что, если отговаривать, то надо отговаривать осторожно, чтобы не ошибиться.

Нужно сказать, что наш сосед Калачев Владимир погиб в августе 1969 года в возрасте 30 лет. Он, будучи пьяным, спускался на комбайне с Душковской горы, не справился с управлением, и вместе с комбайном упал с крутого берега в речку. Володя погиб на месте, а комбайн восстановлению не подлежал. Я в то время служил в Военно-Морском флоте.

В то лето 1967 года Зина перешла на второй курс пединститута, где училась на учителя начальных классов. Ездил на сессию, я работал в строительном отряде, заливали фундаменты под будущий детский сад в селе Сукромны Бежецкого района. Но времени для встреч все равно было достаточно.

Мы встречались в клубе, вечера в клубе отличались от деревенских посиделок, которые я хорошо помнил. В клубе парни девушек к себе на колени не сажали и не целовали при всех. Когда какой-нибудь еще довоенный парень хватал за руку, проходившую мимо девушку, и сажал ее на колени, она вырывалась, вскакивала и отбегала от него подальше.

После танцев я провожал Зину домой, в деревню Горбовец, времени для разговоров было много. Возвращался обычно под утро, чтобы сильно не раздражать мать, не заходя домой, шел в лес, чтобы придти домой с грибами. В лесу я набирал в рубашку и кепку грибов, приходил домой уже с белыми грибами. Говорил, что встал рано утром и ходил за грибами, хотя, в самом деле, еще не ложился спать. Мать обо всем догадывалась и молчала.

Мы с Зиной понимали, что о своих чувствах надо говорить тихо и только друг другу, чтобы не вспугнуть их. Не надо о них говорить, кому попало, а тем более, кричать на всю округу, хотя именно так и хотелось сделать. И только в лесу я мог давать волю своим чувствам – петь, бежать, подпрыгивать, кувыркаться через голову и улыбаться.

В конце августа 1967 года Зина отмечала свой день рождения, пригласила меня и двух своих подруг. Как-то я шел по лесной дороге, возле болотца попалась целая поляна незабудок.

Они росли так густо, что их цветы казались сплошной, наброшенной на луг, скатертью. Я мечтал о том, как вместе с Зиной мы придем на эту поляну, и я скажу, что дарю ей всю эту поляну. Утром в день ее рождения я пошел в лес, нашел эту поляну, набрал целый букет незабудок, чтобы вечером подарить их Зине. Принес цветы домой, поставил в стеклянную банку с водой, чтобы взять их с собой.

Я после обеда поехал к Зине на велосипеде. Мать сказала, чтобы новые шерстяные брюки взял с собой, а ехал в простых штанах. Тогда в деревне были брюки двух видов – простые из хлопчатобумажного материала для работы и шерстяные для праздников. Я доехал на велосипеде до горы возле Горбовца, заехал в лес, там переоделся, старые штаны оставил завернутыми в газете под березой. Букет незабудок тоже был вместе с одеждой, завернутый в газету. Пока я его вез, цветы все завяли, съезжились, потеряли всякий вид, их пришлось выбросить. В новых шерстяных брюках, рубашке и синем пуловере появился перед Зиной. Был какой-то пустяшный подарочек, что именно, уже не помню, но что можно было ждать от бедного студента.

За столом ее две подруги говорили о себе, о своей дальнейшей жизни, мечтали удачно выйти замуж, лучше за комсомольского или партийного работника, и прожить с ним счастливо. Они вслух обсуждали будущих возможных кандидатов в женихи. Прошлись по всем районным комсомольским секретарям, начальникам отделов. Потом начали обсуждать молодых перспективных районных партийных работников, в том числе и недавно назначенного первого секретаря райкома партии. Позднее он длительное время работал председателем облисполкома. Как мне казалось, они с недоверием смотрели на меня, как деревенского юношу без всяких дальнейших перспектив. Могу ли я сделать счастливую их подругу? Конечно, нет.

Надо сказать, что одна из них так и сделала. Ушла из школы, где работала учительницей, поступила работать в райком комсомола, вышла замуж за второго секретаря райкома. Они с мужем в скором времени уехали жить в развивающийся тогда город Тольятти. Пути-дороги ее со своими подругами разошлись навсегда.

Я пробыл у Зины до позднего вечера. Вторая ее подруга, приехавшая издалека, осталась ночевать. В лесу я снова переоделся и поехал на велосипеде в темноте по ночной дороге домой. Решил спуститься с Душковой горы в самой высокой ее части, а не там, где спускались все. Но гора была столь крутой (это потом ее частично спустили бульдозером), что тормоза не выдержали, с колеса слетела цепь и меня понесло. Перед самым мостом или на мосту нужно было вывернуть руль влево градусов на сорок пять.

Я летел с горы с такой бешеной скоростью, что уже попрощался с жизнью. В то же время надеялся, что ударюсь не об камни на дне реки, а перелечу на другой берег и ударюсь об деревья. Мгновенно пережив все это, я невероятным усилием воли все-таки вывернул руль влево в 10—15 сантиметрах от края моста. По инерции проехал по дороге метров 40, остановил велосипед, оставил его на дороге. Вернулся и долго стоял на мосту, еще раз переживая все возможные варианты своего падения.

Я понял, что мост соединяет двух людей, как два берега реки. Можно определить мост, как образ всей дальнейшей жизни – ты оказался на мосту или под мостом. И от того, что все обошлось, что я жив, здоров и завтра опять увижу любимую девушку, мне стало так счастливо и радостно на душе, что, не скрывая своих эмоций, громко запел: «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!»

Были последние три дня лета и последние встречи перед новым учебным годом. Расставались со слезами на глазах, неделя для нас казалась вечностью. В первую же субботу сентября я пришел к ней домой, мы попили чаю, потом пошли в клуб. Опять начались лишь субботние встречи-провожденья-расставания и семь километров пути домой. Ночи в сентябре темные, однажды я забыл фонарик, прошел уже много, оставалось пройти последнюю деревню Душково. Был я в летних ботинках, перед деревней угодил в лужу, прошагав по ней 3 – 4 шага.

Остановился и стал решать – идти вперед, полагая, что лужа скоро закончится, или идти назад. Так и пошел по луже, которая была больше десяти метров длиной.

Пройти от дома невесты до своего дома расстояние в семь километров для меня было обычным делом. Мне было не привыкать шагать по земле пешком, быть на ногах с утра до вечера, ходить то по полю или лесу, вдоль речки или по дороге в школу и обратно. Даже если предлагали подвезти на деревенской телеге, чаще всего отказывался, очень на ней тряско, и не намного быстрее, чем пешком.

После окончания учебного года учитель немецкого языка, который раньше ухаживал за Зиной, уехал куда-то далеко. Через много-много лет, когда я был уже заместителем губернатора области, встретил того учителя, который в молодости провожал до дома мою будущую жену. Тот пришел ко мне на прием просить материальной помощи на жизнь. Рассказал, что его помотало по области. В последние годы он преподавал историю и обществоведение в одном из районных центров. Женат, но детей у них с женой нет. Живут в комнате общежития, своего дома или квартиры у них никогда не было. До пенсии ему еще пять лет, но он давно уже на инвалидности. Жена тоже инвалид, работать они не могут. Я тогда оказал ему максимально возможную материальную помощь. Дома рассказал своей жене об этой встрече, вместе обсудили ее возможную перспективу. Больше я этого учителя никогда не видел и разговора о нем дома не заводил.

Преодоление

*«Не берут невесту силой,
против воли не увозят».
(«Калевала», песнь 18, стр. 204).*

У матери укоренилась мысль о том, что именно она сможет устроить судьбу своего сына, как это было раньше у предыдущих поколений. Молодой глупый сын может совершить ошибки и неправильно устроить свою судьбу. Чтобы как-то отвлечь меня от Зины, мать шла на разные уловки. На лето в деревню из школы-интерната города Бежецка, где я учился, приехала к родственникам односельчанка с подругой. Мать разговаривала с сиротой-подругой, приглашала в гости пить чай. Та несколько раз приходила в наш дом. Я сразу же поднимался, брал корзинку и уходил из дома в лес. Душой понимал, для чего мать приглашает в наш дом эту девушку.

В конце сентября 1967 года мать сказала мне, чтобы шел не на поезд, а пошел в Бежецк через деревню своего двоюродного брата, до нее было шесть километров. Сказала, что надо что-то передать брату, отдав мне какой-то узел. Что от той деревни до большака брат довезет меня на машине, а там до Бежецка можно доехать на рейсовом автобусе. Я пришел в деревню брата, зашел в его дом. Он весь разнеженный и самодовольный лежал на кровати с 17-летней девушкой, которая была на 7 лет младше его. Был уже полдень, дверь в дом не была закрыта.

Я передал брату узел и хотел идти дальше. Брат, не вставая с кровати, предложил сесть на табурет и отдохнуть. Начал говорить о том, что вот они подружились с этой девушкой, скоро они поженятся и все у них будет хорошо. Зачем же я дружу с той, которая почти на три года старше меня. Неужели в городе, где я учусь, мало девчонок. Нашел бы себе моложе, а после армии женился, а сейчас жениться еще рано.

Я поблагодарил брата за совет и ушел из этого дома, прошагав пешком до Бежецка еще 14 километров. Попутных автобусов не было, во мне кипела злость на мать и брата, что по их прихоти пришлось вместо 12 километров на поезд, отшагать 20 километров от дома до Бежецка. Что зачем они вмешиваются не в свое дело, отношения мы со своей девушкой

разрешим сами, без их вмешательства. Свадьба брата была поздней осенью того же года, я был на ней вместе с родителями. Опять зашел разговор обо мне, из-за которого были неприятные последствия с Зиной, чуть не приведшие к нашему с ней разрыву. Больше никогда в дом двоюродного брата не приходил, а через пять лет этой деревни не стало.

Через неделю я рассказал матери о встрече с братом и разговоре с ним. Спросил, не специально ли она построила эту встречу, чтобы как-то отвести меня от своей девушки? Мать этого не отрицала, говорила, что мне еще надо идти в армию и чтобы у меня не получилось чего-нибудь непоправимого. Я убеждал свою мать в том, что все прекрасно понимаю, мы со своей девушкой ведем себя достойно и честно. Я понимал волнение, и беспокойство матери, и на нее по-серьезному тогда не обижался.

Нет ничего на свете нежнее, чем девичья рука. Когда я брал в свою руку ладонь Зины – это было *умопомрачение*. Только таким словом, можно определить состояние моей влюбленности. Мы встречались один раз в неделю каждую субботу в старом клубе. Если я приходил раньше, а ее в клубе не было, шел ей навстречу. После танцев шел ее провожать, времени для разговоров было много. Мы шли дорогой, держась за руки, и когда возле ее дома целовались, я чувствовал, как все тело пронизывает электрическим током.

Был холодный октябрьский вечер 1967 года, мы стояли возле ее дома, глядя в глаза друг другу, и взявшись за руки. Со дня нашей первой встречи прошел целый год. Освободив левую руку, я притянул к себе ее голову и прошептал: «Я тебя люблю!» В этом шепоте было столько теплоты, ласки, нежности, полета в счастливое будущее, что она тут же ответила: «Я тебя тоже люблю!» А я смущенный, неопытный, взволнованный сказал: «Спасибо!» Она отреагировала, что за *это* спасибо не говорят. Я долго не решался произнести эти самые главные в жизни слова. Как она отреагирует на них? Поверит ли она мне? Не будет ли этот вечер окончанием наших таких доверительных, чистых, теплых отношений.

В этот вечер мы породнились словами, могли уже думать о будущем и мечтать вдвоем. Мы говорили о том, что я отслужу в армии два года, мне исполнится 21 год, мы создадим счастливую семью. Она обещала ждать меня столько, сколько будет нужно. Говорила, что за ней пытались ухаживать парни, но они ей не нравились. Она ждала того, с кем можно обо всем говорить, которому можно доверять, на кого можно надеяться, кто может стать опорой для нее и будущей семьи. По-видимому, она своей женской интуицией понимала, что свое счастье не надо ждать, его надо искать, брать и вести в свой дом.

Чаще всего именно девушки выбирают себе в мужья парней, одновременно давая понять парню, что выбор не ее, а его. Вот поэтому девушка никогда не скажет первой о своей любви, даст возможность сделать это парню. А уже после него повторит главные слова жизни. С момента нашей первой встречи, как я уже написал, прошел год.

После того, как было сказано самое главное, трудно было уйти. Я не хотел своим уходом обидеть ее, а она – меня. Она уже несколько раз сказала, что поздно, но не делала никакой попытки отстраниться. Она вслух читала стихи Степана Щипачева: *«Все будет, слякоть и пороша, но вместе надо жизнь прожить. Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить!»* Любовь всегда чувствуется в каждом обычном слове, если оно произнесено особым голосом и подкреплено ласковым взглядом.

Осень 1967 года пробежала быстро, как один миг. В ноябре Зина приехала на сессию в город Бежецк, где я учился. Туда выезжала приемная комиссия преподавателей пединститута из Калинина. Мы встретились, она сказала, что хочет познакомить меня своей тетей и ее семьей. Они только в прошлом году переехали из деревни в город, дом еще не был полностью достроен.

К вечеру мы пришли к ее родственникам. Я сел на стул в прихожей, меня стали расспрашивать о себе, о родителях, родственниках. Я сидел на стуле, подкидывал и снова ловил свои перчатки. Попили чаю, выйдя на улицу, мы с нею поговорили и распрощались. Я через весь

город пошел в свое общежитие. Уже позднее родственники Зины говорили мне, что при первом знакомстве я оставил о себе неплохое впечатление. Особенно запомнили, как подбрасывал перчатки во время разговора.

Шла подготовка к Новому году, в клубе наряжали елку, на стены навешивали гирлянды. Зина стояла на столе и вешала игрушки у макушки елки, я их подавал. Она потянулась вверх, я посмотрел на нее, увидал ее чулки, застеснялся, ушел в угол сцены и сел на скамейку. Она стала звать меня, говорила, что надо подавать игрушки. Я ничего не мог объяснить, только попросил сойти со стола и наряжать нижние ветки елки. Новый год в клубе отмечали накануне, то есть 30 декабря. Были новогодние представления, которые давали учителя и ученики старших классов, были хороводы и танцы.

На другой день Новый год я вместе со своим одноклассником Володей отмечал у нее, с нами была подруга Зины, недавно приехавшая в эту местность фельдшером. Мы выпивали слабое вино, танцевали под радиолу, пели песни, разговаривали. Засиделись долго, потом разбrelись спать. Володя с подругой остались сидеть на диване, так и продремав сидя до утра.

Мы с Зиной забрались на теплую печь и легли, не раздеваясь, обнимали друг друга, целовались. Я самозабвенно и нежно целовал ее, она отвечала взаимностью. В какой-то момент меня охватило такое неуправляемое желание близости, что с большим трудом смог сдерживать себя. Когда немного отошел от этого страстного желания, долго лежал на спине, не мог отдышаться. Я радовался тому, что огромной силой воли сумел побороть свое бурное желание.

Одновременно представлял, какую глупость по отношению к любимой девушке только что мог совершить. Это могла быть непоправимая ошибка, перечеркнувшая все наши дальнейшие чистые, добрые отношения. Это могло бы в корне изменить всю мою дальнейшую жизнь. Я в душе ругал себя за минутную слабость, и в то же время немного гордился собой, что могу управлять своей волей и своими желаниями. Страсть и сила воли боролись друг с другом.

Кто знает, возможно, и она не очень обиделась бы на меня, полагая, что надежен. Но я своим сознанием понимал, что близость с любимой может быть только после свадьбы. А до свадьбы еще далеко, мне надо отслужить в армии. Я не хотел быть ни трусом, ни виноватым перед нею. Как распорядится наша судьба, с кем она еще повстречает меня и ее? Многие семьи могли быть хорошими и счастливыми у тех, кто дружил с юных лет, но не выдержали, поспешили по своей глупости познать близость, ее poznали, а семья не создалась.

Она, скорее всего, заметила внутреннюю борьбу во мне, прижалась, положила голову на мою руку и уснула. Я не спал очень долго, пока не онемела рука. Осторожно освободил свою руку из-под ее головы, обнял другой рукой и уснул. Я не знаю, так ли было на самом деле, но считаю, что, хотя еще не было в наших отношениях самого главного, но Зина в эту ночь почувствовала себя счастливой от моих безумных поцелуев и ласк. Возможно, это просто была моя юношеская неопытность думать именно так.

Утром пили чай с конфетами, потом мы вместе с одноклассником пошли домой. Пройдя километр, в снежном поле повстречали двух парней, Николая и Геннадия. Они шли в дом Зины, к ее подруге. Сначала наш разговор был беспокойным, потом все успокоилось.

Тогда, 1 января 1968 года никто ничего еще не знал, что с кем будет.

Приближался выпускной вечер в техникуме, который наметили на 23 февраля 1968 года. Выпускной отмечали торжественно, вручали дипломы, были поздравления, были танцы. Я пригласил на этот вечер Зину, к нам подходили сокурсники, знакомились с нею, ей нахваливали мой характер и говорили о моих успехах.

Постепенно образовался круг тех выпускников, которые должны были по распределению ехать на Украину. Получилось так, что по учебе мы были отличниками, первыми выбирали себе место своей работы. Выбрали не большие города, как это сделали остальные, а маленький поселок Макошино в Менском районе Черниговской области Украины.

Забегая вперед, надо сказать, что постепенно оттуда уехали все, отработав необходимые три года. А те, кто учился хуже нас, выбрали Свердловск, Рязань и другие города, да так и осели там до конца своей жизни.

После выпускного вечера в феврале 1968 года я проводил свою девушку к ее родственникам, проживающим в Бежецке, и вернулся в общежитие. На другой день мы вместе уехали в ее деревню, оттуда поздним вечером я пришел домой.

Через день вместе с обозом на лошадях поехал в районный центр. Ранним морозным зимним утром из деревни выехала вереница из семи лошадей. Ехали за комбикормом для телят. На возчиках были надето теплое белье, свитера, ватные штаны и фуфайки, поверх которых надевали тяжелые шубы или тулупы с высокими меховыми воротниками.

Я сел в передок саней, спиной к лошади. Отчим укрыл мои ноги, обутые в валенки, шубой из овчины. На большак через Горбовец не выезжали, ехали через деревню Байки, а потом лесом, чтобы спрямить дорогу. Дорога была долгой, до районного центра 20 километров, ехали больше трех часов. Я успел многое передумать, ехал в районный военный комиссариат проситься на службу в армию. Мне через два с половиной месяца исполнялось 19 лет. К тому времени уже вышел закон, когда впервые за послевоенные годы призыв шел с 18, а не с 19 лет. Срок службы в Советской Армии сокращался с 3 до 2-х лет, а служба в Военно-Морском флоте – с 4 до 3-х лет.

Я понимал, что по действующему закону меня обязательно направят работать по распределению, а уже оттуда призовут в армию. Я же хотел поговорить с райвоенкомом о том, чтобы поставили на воинский учет в своем районе, и весной отсюда призвали в армию. Сначала меня направили к помощнику военкома, но тот ничего не решал. Я добился приема райвоенкомом, долго убеждал его в том, что нет никакой необходимости ехать на 1 – 2 месяца так далеко, чтобы оттуда призываться в армию. Просил и уговаривал, чтобы меня поставили на учет в своем районе. В городе Бежецке, где я учился, с воинского учета уже сняли. Но военком твердо заявил, что надо ехать работать туда, куда направили, и там вставать на воинский учет.

Мы договорились с отчимом, что встретимся в чайной рядом с милицией. Мужики появились там часа через три после меня, я уже успел попить чаю, походить по главной улице поселка, и снова согревался в чайной. Мужики стали пить пиво, с собой у них была водка, которую они из-под полы доливали в пиво. Собрались мужики и из других карельских деревень, они делали последние поездки со льнотрестой.

Отогревшись водкой с пивом мужики тронулись на лошадях домой уже большим обозом. Здесь были возчики из Горбовца, Бережков, Душкова и Петряйцева. Я приехал домой замерзший, расстроенный, сказал матери, что на воинский учет меня в районе не поставили. Придется ехать работать на Украину. Тогда шел уже второй год, как колхозникам ежемесячно выдавали деньги, поэтому какие-то деньги в семье были. Кроме того, в техникуме мне выдали подъемные.

Домой к Зине я пошел на следующий вечер, был мрачен, малоразговорчив, рассказал о своей поездке в райвоенкомат. Она даже обиделась на меня за эту поездку. Не сбежать ли в армию именно от нее я хочу. Я еще раз повторил, что мне лучше и легче было идти в армию из своего района, иначе получится лишняя канитель с отъездом и проводами в армию.

В марте 1968 года мы встречались каждый вечер. Однажды в порыве своих чувств я сделал ей предложение, чтобы она выходила за меня замуж именно сейчас, в марте. Мы расписавшись, и я поеду служить со спокойной душой, ведь ждать из армии очень тяжело, уходят самые прекрасные молодые годы. Она ответила согласием, но только после службы, обещала терпеливо ждать меня все годы. Сказала, что на себя она надеется и мне не изменит, лишь бы я ничего не изменил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.